

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 4 (8) 2014

Главный редактор:

Андреев А.А. канд. юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Анохин Ю.В. д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Казаков А.А. канд. ист. наук, доцент

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М. д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Анисимов П.В. д-р юрид. наук,
профессор, заслуженный юрист РФ

Афанасьев В.С. д-р юрид. наук,
профессор, заслуженный юрист РФ

Герасименко Ю.В. д-р юрид. наук,
профессор, заслуженный юрист РФ

Гончаров И.В. д-р юрид. наук, профессор

Деришев Ю.В. д-р юрид. наук, профессор

Кениспаев Ж.К. д-р филос. наук, доцент

Мазунин Я.М. д-р юрид. наук, профессор

Сумачев А.В. д-р юрид. наук, доцент

Федулов Б.А. д-р пед. наук, профессор

Шарапов Р.Д. д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Суверов Е.В. д-р ист. наук, доцент

Богущий А.В. канд. ист. наук, доцент

Овчинникова О.Д. канд. юрид. наук

Шатилов С.П. канд. юрид. наук, доцент

Анохина С.Ю. канд. юрид. наук, доцент

Мягков А.В. канд. юрид. наук, доцент

Титаренко А.П. канд. юрид. наук, доцент

Ермакова О.В. канд. юрид. наук

Ким Д.В. д-р юрид. наук, профессор

Бойко Ю.Л. канд. юрид. наук, доцент

Яценко С.В. канд. юрид. наук

Бублик И.Г. канд. юрид. наук, доцент

Чесноков А.А. канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Корректурa, компьютерная верстка:

Ю.С. Жолобовой

Учредитель:

Барнаульский юридический институт МВД
России.

Свободная цена.

Адрес редакции:

656038, г. Барнаул, Барнаульский юридический
институт МВД России,

ул. Чкалова, 49. www. buimvd.ru

E-mail: altvest@buimvd.ru

© Барнаульский юридический институт МВД
России, 2014

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-57487 от 27.03.2014

Подписано в печать 24.11.2014 г. Формат 60x84/8.

Ризографирование. Усл. п.л. 15,6. Тираж 97 экз.

Заказ № 1222. Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Антропов В.М.* Офицеры Барнаульского пехотного полка – участники Первой мировой войны 4
- Медведев И.В., Семенов В.В.* Вопросы истории полицейского рукопашного боя в России9
- Суверов Е.В.* Производственная деятельность Томско-Асинского исправительно-трудового лагеря (1937-1940 гг.) 12
- Тяпкин М.О.* Зарождение системы лесного законодательства и управления лесами в России в первой четверти XVIII в. 15

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Алексеева М.М.* К вопросу о понятии и развитии международного антитеррористического сотрудничества 21
- Баньковский А.Е.* Конституционный принцип subsidiarity в осуществлении компетенции органами государственной власти субъекта РФ и муниципальными образованияами (на примере Алтайского края и городского округа – города Барнаула) 27
- Живов М.Е.* К вопросу о правовом регулировании взаимоотношений Русской православной церкви и Российского государства в современный период (1993-2013 гг.) 30
- Зубкова В.С.* Конституционный принцип единства прав и обязанностей личности в мусульманском праве 34
- Смыкалин А.С.* Историко-сравнительный анализ судебных систем XIX-XXI веков в России (Часть первая) 40
- Шапоров Д.А.* Современная избирательная система: проблемы, поиски путей совершенствования 46

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Васильев Ф.П., Николаев А.В.* К вопросу о предоставлении государственных услуг органами внутренних дел 50
- Герасименко Т.Ю.* Правовая природа решений Европейского Суда по правам человека 54
- Зайцев И.А., Кашкина Е.В.* К вопросу об организации индивидуально-профилактической работы с лицами, требующими повышенного внимания со стороны полиции (на примере УМВД России по Тамбовской области) 58

<i>Мельников А.В.</i> Территориальный орган внутренних дел как субъект исполнения государственных функций	63
<i>Равнюшкин А.В.</i> О проблемах выявления лиц, в отношении которых возможно установление административного надзора в соответствии с Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»	69

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Ботвин И.В.</i> Развитие уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в постреволюционный и советский период.....	73
<i>Косарев М.Н.</i> Актуальные вопросы уголовно-правового воздействия на терроризм.....	77
<i>Плаксина Т.А.</i> Наказание за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ): законодательное решение и правоприменительная практика.....	81
<i>Шатилович С.Н., Величко А.Н.</i> Влияние процессуальных форм деятельности суда на предупреждение преступлений в России	86

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Давыдов С.И., Жолтоног Т.В.</i> Факторы, влияющие на разумный срок предварительного расследования уголовных дел по нераскрытым преступлениям	91
<i>Лукьянова А.А.</i> Задержание как ограничение права на личную свободу: материальные и процессуальные аспекты	95
<i>Поляков В.В., Мананников А.С.</i> Оперативно-разыскная деятельность в сети Интернет как средство предупреждения компьютерных преступлений.....	99
<i>Христова Н.А.</i> Эмоциональный и прагматический компоненты речи как идентификационные признаки личности.....	103

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Семякин М.Н.</i> К вопросу о свойствах цивилистики как отрасли научного знания.....	106
<i>Серебряков А.А.</i> О месте информации, составляющей коммерческую тайну, в системе объектов гражданских прав.....	110
<i>Странцов А.А.</i> Проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений	113
<i>Чесноков А.А.</i> Проблемы совершенствования официальных методик экономического анализа в процедурах банкротства.....	117

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ИМЕНА, СОБЫТИЯ, ДАТЫ

85-летний юбилей Роланда Сергеевича Мулукаева	122
75-летний юбилей Николая Анатольевича Катаева	124
60-летний юбилей Фёдора Петровича Васильева	126

История государства и права

УДК 356.1(571.150-25)

В.М. Антропов

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

e-mail: altai_police@mail.ru

ОФИЦЕРЫ БАРНАУЛЬСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА – УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена командирам и офицерам 12-го Сибирского пехотного Барнаульского полка – героям Русско-японской войны 1904-1905 годов, которые впоследствии принимали участие в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Барнаульский полк, Первая мировая война, Русско-японская война, орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

V.M. Antropov

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: altai_police@mail.ru

OFFICERS OF THE BARNAUL INFANTRY REGIMENT – PARTICIPANT OF THE WORLD WAR I

The article is devoted to commanders and officers of the 12th Siberian infantry Barnaul regiment which were heroes of the Russian-Japanese war of 1904-1905 and who took part in World War I subsequently.

Key words: Barnaul regiment, World War I, Russian-Japanese war, St. George Order.

В год 100-летия начала Первой мировой войны у личного состава Барнаульского юридического института МВД России есть особый повод для гордости за своих героических предшественников. В военном городке, который в настоящее время занимает БЮИ, в начале XX в. располагался 12-й Барнаульский резервный батальон, с открытием военных действий против Японии развернутый по мобилизационному расписанию в четырехбатальонный 12-й Сибирский пехотный Барнаульский полк [17, с. 150].

Полк героически сражался в Маньчжурии и был удостоен высшей коллективной награды в Русской императорской армии – Георгиевского знамени с надписью «За Дашичао 10-11 июля 1904 года». Командир полка С.Ф. Добротин был ранен в плечо, но остался в строю и был эвакуирован в Россию лишь после второго ранения

шрапнелью в голову, в результате которого лишился правого глаза. Он был удостоен Золотого оружия «За храбрость» и ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени [11, с. 578]. Георгиевскими кавалерами также стали командиры батальонов Я.А. Ахвледиани, В.Ф. Побоевский и командир роты М.А. Сухорский [17, с. 197].

В 1910 г. 12-й Сибирский пехотный Барнаульский полк вместе с 11-м Сибирским Семипалатинским полком вошел в состав 44-го Сибирского стрелкового полка, штаб которого размещался в Омске [20] и к которому перешло Георгиевское знамя барнаульцев. Во время Первой мировой войны полк принимал участие в обороне Варшавы и крепости Осовец в составе 11-й Сибирской стрелковой дивизии [22, с. 275] и, как и другие сибирские части,

имел репутацию «лихих сибирских стрелков, крепких, как таежные кедры, тяжелых на подъем, но безудержных и упрямых, если уж поднялись, часто доходящих до штыка в атаках» [26, с. 6]. По словам генерала П.Н. Краснова, «сибирские полки принесли с собой силу и мощный дух необъятной Сибири. Они несли крепость сибирского крестьянина, его положительность и опыт Японской войны» [10, с. 472].

В боях Великой войны отличились также многие офицеры, ранее служившие в Барнаульском полку.

Генерал-майор С.Ф. Добротин с мая 1914 г. являлся начальником 44-й пехотной дивизии [6, с. 848]. Он воевал на Юго-Западном фронте, был произведен в генерал-лейтенанты и награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени «за то, что с 5-го по 22-е октября 1914 г., выдержав ряд ураганных и кровопролитных боев, переправившись через р. Сан у посада Ниско, прорвал фронт противника, расположенный на р. Сан, чем и вызвал начало общего наступления его». За отличие в бою под селом Радостав (Радославль) получил Георгиевское оружие с бриллиантами, которое вручалось за «блистательные воинские подвиги по Собственному Императорского Величества изволению» [4]. Всего за период Первой мировой войны эта награда была пожалована лишь восьми выдающимся полководцам: в 1914 г. – командующему 9-й армией П.А. Лечицкому и командиру III Кавказского армейского корпуса В.А. Ирману, в 1915 г. – командиру II Кавказского армейского корпуса С.-б. Мехмандарову, начальнику 44-й пехотной дивизии С.Ф. Добротину и Верховному главнокомандующему Великому князю Николаю Николаевичу, в 1916 г. – командиру I Кавказского армейского корпуса П.П. Калитину, главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилову и командиру VIII армейского корпуса А.И. Деникину [7]. Интересно, что в 1915 г. генерал-лейтенант Ирман сменил свою «немецкую» фамилию на Ирманов [9, с. 32].

В составе добротинской дивизии была рота Чешской дружины, состоявшая из добровольцев – этнических чехов и словаков, мечтавших о создании независимого государства после поражения Австро-Венгрии. По воспоминаниям поручика Павлика, «Чешская дружина была войском братским, добровольным, полным воодушевления и решимости умереть за свои идеалы и исполнить свой национальный долг» [29, с. 9]. Общий настрой выразил один из дружинников: «Храбрая Русская армия! Мы хотели как можно

больше помогать ей – это была единственная и постоянная мысль» [30, с. 36]. Начальник дивизии импонировал им своим поведением и теплым отношением. Между собой волонтеры называли его «Отец Жижка», поскольку генерал имел только один глаз, как и знаменитый чешский национальный герой XV века. Не раз чехи, переодетые в австрийскую форму, отправлялись в разведку в тыл противника, в ноябре 1914 г. не только получили ценные сведения о передвижении неприятеля, но даже заняли город Тухов, где оставались до подхода главных русских сил [28, с. 14-15]. 20 разведчиков, взявших в плен почти весь австрийский гарнизон – 800 человек, получили личную благодарность Добротина [28, с. 19]. В целом же удары, нанесенные Австро-Венгрии в ходе Галицийской битвы, по мнению военного теоретика А.А. Свечина, оказались смертельными для всего государственного организма двуединой монархии [19, с. 44], и ее вооруженные силы потеряли способность вести войну без поддержки германских войск.

В феврале-марте 1915 г. Сергей Федорович командовал сводным пехотным корпусом, сформированным в составе 3-й армии Юго-Западного фронта для решения оперативных задач и составившим левый боевой участок XXIX армейского корпуса. В апреле Добротин стал командиром XXXIII армейского корпуса, а в сентябре был отозван из действующей армии и назначен инспектором стрелковой части в войсках. Он стал генералом от инфантерии [6, с. 216] и командором ордена Почетного легиона, пожалованного французским командованием, являясь к тому времени кавалером почти всех российских орденов: Святого Владимира, Святого Станислава, Святой Анны и Белого Орла [5].

Октябрьскую революцию С.Ф. Добротин не принял и был уволен из армии в феврале 1918 г. Где и когда завершилась его жизнь, к сожалению, пока установить не удалось. Лишь одно можно утверждать точно – в Гражданской войне старый боевой генерал участия не принимал и, скорее всего, умер в эмиграции [3]. Добротинский переулочек в Барнауле, названный в честь Сергея Федоровича по инициативе горожан, был переименован в Трудовой лишь в 1927 г. [13, с. 537]. Тогда же названная в честь Барнаульского полка улица Полковая стала Партизанской [24].

Отразивший под Дашичао восемь японских атак и заслуживший под Ляояном Золотое оружие «За храбрость» В.Ф. Побоевский к началу Первой мировой войны командовал 7-м стрел-

ковым полком, был назначен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Зимой 1915 г., став командиром 190-го пехотного Очаковского полка, принимал участие в Карпатской битве, в ходе которой русское командование планировало осуществить вторжение в Венгрию, а австро-венгерское – деблокировать осажденную русскими крепость Перемышль. 48-я пехотная дивизия, носившая неофициальное наименование «Суворовская» (ее полки были названы в честь побед А.В. Суворова: Измаильский, Ларго-Кагульский, Рымникский, Очаковский) [22, с. 266], составляла левый боевой участок сил XXIV армейского корпуса. Полк Побоевского занимал позиции западнее местечка Дукла в гористых Карпатах [27].

В одном из рапортов командир полка докладывал: «Вообще, действия офицеров в этой тяжелой борьбе заслуживают самой высокой оценки. Их пример, энергия, упорство, самопожертвование действовали заражающим образом на нижних чинов. Это вызвало соревнование. Нижние чины старались один перед другим быть достойными начальников... Ни тяжелый переход, ни голод (два дня люди ничего не ели), ни страшное физическое и моральное утомление не могли ослабить жажды сразиться с врагом, стремящимся всячески стать на пути нашего движения» [15, л. 402-410]. В апреле он был ранен близким разрывом снаряда и выбыл из полка [15, л. 418]. Через несколько дней части 48-й дивизии были окружены. Начальник дивизии Л.Г. Корнилов вместе со штабом был взят в плен [21, с. 14]. Из окружения удалось вырваться лишь батальону Очаковского полка. Полковые знамена были вывезены в обозе, поэтому все уцелели. В составе сводного полка 48-й пехотной дивизии очаковцы воевали все лето 1915 г., особенно отличившись на Таневе, где контратаковали через реку по грудь в воде. В строю после этого осталось только 60 штыков [8].

В.Ф. Побоевский в мае 1915 г. за боевые отличия получил чин генерал-майора и принял командование 2-й бригадой 107-й пехотной дивизии. Являлся начальником сухопутной обороны Свеаборга – бастионной системы укреплений на островах и в окрестностях Гельсингфорса (Хельсинки). С марта 1916 г. командовал 116-й пехотной дивизией [6, с. 857]. После Февральской революции его назначили в резерв чинов при штабе Двинского военного округа, а затем перевели в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. В декабре 1917 г. Побоевский был «уволен от службы за болезнь с мундиром и пенсией». Ряд ис-

следователей утверждали, что его дальнейшая судьба неизвестна [12], однако это не так.

Потомственный виленский дворянин Побоевский эмигрировал в ставшую независимой Польшу, служил в ее вооруженных силах, был утвержден в звании генерал-подпоручика, командовал Белостокским военным округом, во время Советско-польской войны командовал 28-й пехотной бригадой Войска Польского и возглавлял южный сектор обороны Варшавы. За заслуги президентом Республики С. Войцеховским был произведен в титульные дивизионные генералы. В отставке Вячеслав Францевич жил в Варшаве. Умер в 1927 г. [25].

Командир 9-й роты Барнаульского полка М.А. Сухорский, удостоенный ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени за отличия в сражении под Мукденом [16, с. 126], с 1912 г. являлся командиром 8-го Туркестанского стрелкового полка. Полк в составе I Туркестанского армейского корпуса принимал участие в боях на территории Восточной Пруссии. Интересно, что в составе этого соединения воевала и 11-я Сибирская стрелковая дивизия [14]. В мае 1915 г. М.А. Сухорский получил мечи к уже имевшемуся у него ордену Святого Владимира 3-й степени. Был назначен в резерв чинов при штабе Минского военного округа, в 1916 г. произведен в генерал-майоры и уволен в отставку «за болезнь» [25].

Четвертому георгиевскому кавалеру Барнаульского полка, представителю старинного аристократического грузинского рода¹ Я.А. Ахвледиани, четыре раза ходившему со своим батальоном в штыковые атаки под Дашичао, в 1914 г. было 62 года, и он уже несколько лет находился в отставке в чине генерал-майора. Его сын, штабс-капитан 81-го пехотного Апшеронского полка Ю.Я. Ахвледиани, за отличия в боях на Юго-Западном фронте награжденный орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, был убит 18 сентября 1916 г. [1].

Командир батальона 12-го Сибирского пехотного Барнаульского полка В.В. Харламов, получивший за участие в Русско-японской войне ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 2-й степени с мечами [17, с. 194, 196], в Первую мировую командовал стрелковыми частями, бригадой 100-й пе-

¹ Фамилия Ахвледиани восходит к прозвищу, которое в переводе с грузинского означает «вознесенный» или «вознесшийся», а суффикс «-ани» указывает на принадлежность ее представителей к очень знатному роду.

хотной дивизии, 12-й Сибирской стрелковой дивизией. В 1915 г. стал генерал-майором, заслужил Георгиевское оружие.

С началом Гражданской войны прибыл в Добровольческую армию, был назначен начальником всех ее запасных частей. Находился на той же должности в штабе Вооруженных сил юга России. Вместе с армией барона П.Н. Врангеля эвакуировался из Крыма. Проживал в Болгарии. Скончался в Софии в 1933 г. [23].

Другой командир батальона барнаульцев П.С. Оссовский, кавалер орденов Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 2-й степени с мечами, полученных в 1904-1905 гг. [17, с. 194, 196], в Первую мировую войну стал георгиевским кавалером. 16 октября 1914 г. он, командуя 283-м пехотным Павлоградским полком, атаковал превосходящие силы противника у деревни Кудь, выбил его из занятой позиции и обратил в бегство, взяв при этом в плен 1 штаб-офицера, 5 обер-офицеров и 500 нижних чинов. А уже в апреле 1915 г. он был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени. В бою у деревни Жукоцин П.С. Оссовский поднял залегшие у проволочных заграждений под убийственным огнем противника батальоны своего полка, лично повел их в атаку и, даже будучи тяжело раненным пулей в грудь, продолжал руководить боем [25].

В дальнейшем генерал Оссовский командовал бригадой 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, 13-й Сибирской стрелковой дивизией [6, с. 867] и 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизией [6, с. 863], в боях заслужил Георгиевское оружие, участвовал в Белом движении: командовал бригадой Саратовского корпуса и группой войск у Камышина, 5-й пехотной дивизией, был начальником Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Летом 1919 г. Петр Степанович возглавил отряд, названный его именем, – временное оперативное соединение в составе 3-го армейского корпуса ВСЮР, включавшее 5-ю пехотную дивизию, сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии, роту гвардейских саперов и Гвардейский конно-подрывной полуэскадрон [2]. Сведений о его судьбе после падения белого Крыма не сохранилось.

После окончания Русско-японской войны историограф Барнаульского полка М.К. Соколовский писал: «Своей стойкостью и мужеством полк стяжал себе громкую военную славу, заработал Георгиевское знамя и выдвинул себя в ряд лучших боевых полков великой русской армии. Да не умрет этот воинский дух барнаульцев и да останется почетным их имя в русской военной истории на долгие, на вечные времена!..» [20].

Уже через несколько лет бывшие офицеры Барнаульского полка подтвердили эти слова делом на фронтах Великой войны.

Литература

1. Антропов В. Забытые герои Великой войны // *Честь имею!* 2014. № 124 (авг).
2. Белое движение в России: организационная структура // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: <http://swolkov.org/bdorg/bdorg20.htm> (дата обращения: 24.08.2014).
3. Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II: в 2 т. М., 2009. Т. 1.
4. Генералитет Российской императорской армии и флота. URL: <http://rusgeneral.histrf.ru/generals/56/> (дата обращения: 10.08.2014).
5. Добротин Сергей Федорович // Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/21634/ (дата обращения: 19.07.2014).
6. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
7. Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров. 1788-1913. М., 2007.
8. Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992.
9. Корниш Н., Карашук А. Русская армия 1914-1918. М., 2005.
10. Краснов П.Н. Воспоминания о русской императорской армии. М., 2006.
11. Летопись войны с Японией. СПб., 1904. № 31.
12. Муравлев А., Платунов Е., Мальцев А. Наши генералы из Барнаульского полка. Алтайская правда. 2007. 22 марта.
13. Названия улиц города Барнаула: Историко-лингвистическое описание / отв. ред. Л.М. Дмитриева. Барнаул, 2004.

14. Новиков П.А. Сибирские стрелки в боях за Восточную Пруссию // История России. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/sibirskiie-strielki-v-boiakh-zavostochnuu-prussiiu> (дата обращения: 18.08.2014).
15. РГВИА. Ф. 2804. Оп. 2. Д. 348.
16. Ростов Н.Д. ...Беззаветным мужеством вашим Отечество всегда будет гордиться... // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины 15 лет: сборник / ред. А.М. Родионов. Барнаул, 2004.
17. Ростов Н.Д. Земли алтайской верные сыны... // Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул, 2005.
18. Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: материалы к истории Белого движения. М., 2002.
19. Свечин А. Четырехлетняя война 1914-1918 г. и ее эпоха. Общий обзор сухопутных операций // Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1927. Т. 46.
20. Соколовский М.К. Исторический очерк 12-го пехотного сибирского резервного Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка. 1711-1911 гг. Барнаул, 1911.
21. Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца: 1914-1934 / сост. Я.А. Трушнович. М.-Франкфурт, 2004.
22. Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1855-1918. М., 1998.
23. Харламов Виктор Викторович // Русская армия в Великой войне. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=672> (дата обращения: 12.08.2014).
24. ЦХАФАК. ФР. 312. Оп. 3. Д. 188. Л. 290.
25. Шабанов В.М. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Библиографический справочник. М., 2004.
26. Шапошников П. На станции Зима // Военная быль. Париж, 1968. № 68.
27. Юшко В. 48-я пехотная дивизия // Русская армия в Великой войне. URL: http://www.grwar.ru/library/Yushko_48id/YS_003.html (дата обращения: 21.08.2014).
28. Cila M. Rozvedky Ceske Druziny a Csl. Brigady na Rusi. Praha, 1924.
29. Langer F. Pametni kniha 1. streleckeho pluku Jana Husa. Praha, 1920.
30. Pod slavnymi prapory starodruzlniku. Praha, 1929.

УДК 351.74:796.8

И.В. Медведев, канд. пед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России;

В.В. Семёнов, канд. техн. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: semenovvv@buimvd.ru

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО РУКОПАШНОГО БОЯ В РОССИИ

В статье прослеживается организация и различные аспекты физической подготовки в правоохранительных органах дореволюционной России, ее становление и развитие в период с 1860 по 1917 гг.

Ключевые слова: рукопашный бой, самозащита, физическая подготовка полиции, физическое воспитание.

I.V. Medvedev, Ph.D. (Candidate of Pedagogical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

V.V. Semenov, Ph.D. (Candidate of Technical Sciences),

assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: semenovvv@buimvd.ru

HISTORY OF POLICE HAND-TO-HAND FIGHTING IN RUSSIA

The article discusses the organization and various aspects of physical training in the law-enforcement bodies of pre-revolutionary Russia, its formation and development in the period from 1860 to 1917.

Key words: hand-to-hand-fighting, self-defence, physical training of police, physical education.

Рассматривая вопрос становления и развития полицейского направления рукопашного боя в России, необходимо заметить, что активный период его формирования начался только во второй половине XIX в. При этом основа его технической базы была заложена еще с древнейших времен. Правда, техника болевых контролей и удержаний носила в те времена сугубо меркантильный характер собственного обогащения – как, например, получение выкупа за знатного противника, плененного на поле боя. И так было всегда и везде, и не только в России. Поэтому согласимся с мнением многих авторов: предпосылки для создания полицейского рукопашного боя нужно искать не в технике какого-либо единоборства, а в формировании самого полицейского аппарата, который уже и создавал что-либо, в т.ч. и систему рукопашного боя, исходя из соответствующих требований и реалий того времени, или не создавал за ненадобностью, при этом отталкиваясь не от техники конкретного

единоборства, а от условий развития самого полицейского аппарата – в этом и есть основная закономерность развития полицейского рукопашного боя [3].

За всю предшествующую XX веку историю, начиная с князей и заканчивая последними царями, русская полиция носила военизированный характер и в большинстве своем состояла из армейских унтер-офицеров и солдат, которым роднее был штык, чем какие-либо способы задержания и контроля. При этом нередко в полицию набирали военнотружущих, уже не способных по своим физическим и возрастным параметрам нести военную службу. Для проведения же массовых арестов или поимке опасных преступников чаще всего привлекали, опять же, армейские подразделения. То же можно сказать и о гражданском населении, которое для охраны общественного порядка привлекалось в качестве повинности. Даже формирование профессионального жандармского

корпуса в 1733 г. вряд ли способствовало большому росту профессионализма.

Практически во все времена и в России, и в Европе служба в полиции считалась недостойной знати и интеллигенции. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать любого классика, описывающего окружающий его быт.

Знать в большинстве своем, потомственные военные считали выполнение полицейских функций, т.е. общение с «низшими» слоями населения, ниже своего достоинства, и свое предназначение если и видели в служении Отечеству, то исключительно в героической защите. Интеллигенция же всегда видела в полиции попирающего своих свобод и вольностей. Создание того же корпуса жандармов, направленного на выявление инакомыслия среди интеллигенции и противодействия возможным волнениям среди офицерского корпуса, никак не могло способствовать популярности службы в полиции. Была ли профессиональной, с таким отношением окружающих, служба в полиции? По нашему мнению, несомненно. Поскольку противодействовать профессионализму того же офицерского корпуса, имевшего в то время регулярную возможность совершенствовать его на бесконечных войнах, тоже нужно было суметь. Показательный пример того, что практически все организаторы Октябрьской революции и будущие руководители страны Советов побывали на каторге и в ссылке, говорит о высоком профессионализме деятельности полицейского аппарата того времени. Но утверждать о каких-то развитых или зачаточных системах именно полицейской рукопашной подготовки будет некоторым преувеличением, тем более что никаких документов тех времен по этому вопросу не сохранилось. Все строилось на физической силе и, скорее всего, на каких-то наработанных профессиональных ухватках и приемах, не претендующих на роль системы, тем более что они нигде не были описаны [2].

В 1854 г. с открытием Японией своих границ западный мир узнал о дзю-дзюцу, ставшем впоследствии составной частью всех созданных систем полицейского рукопашного боя. Именно рубеж XIX-XX вв. дал толчок развитию систем полицейского рукопашного боя не только в России, но и во всем мире. На основе дзю-дзюцу и дзюдо в Европе и Америке стали появляться первые Наставления и Руководства для полицейских по самозащите, задержанию и аресту. Особенностью внедрения в практическую подготовку перечисленных систем стало то, что все разработки строились на комплексном подходе

смешения определенных технических действий из различных национальных систем в единый комплекс, предназначенный для служебного пользования. Так было и в России, где В.А. Спиридонов в первой половине XX в. создал систему «САМОЗ». Как он писал в своей книге «Основы самозащиты. Тренировка и методика», вышедшей в 1933 г., «материалом для «САМОЗ», кроме джиу-джитсу, послужили отдельные элементы вольной американской борьбы, французской борьбы, английского бокса, французского бокса Саваг и бытовой обороны». Спиридонов много работал над улучшением своей системы именно в контексте полицейского рукопашного боя, и аудитория у него была специфическая – только сотрудники внутренних дел. Приемы в основном были направлены на специфические действия, наиболее часто применяемые в процессе служебной деятельности, – задержание, конвоирование и т.п. Всю технику боя он сгруппировал по семи разделам: дожимы (в стойке), рычаги (в стойке), выверты (в стойке), выводы из равновесия, нажатия (в стойке), удары, комбинированные приемы. На основе этой техники он предложил приемы защиты от различных захватов, ударов и от нападения вооруженного противника [1, с. 136].

Свою систему автор называл сначала «САМ», потом «САМОЗ» и, наконец, самозащита без оружия – самбо.

Наравне со В.А. Спиридоновым вторым создателем самбо называют В.С. Ощепкова, создавшего к 1929 г. авторскую школу рукопашного боя на базе японского дзюдо.

Две школы отечественной системы самозащиты работали независимо друг от друга. Спиридоновцы – в стенах общества «Динамо», Ощепковцы – в инфизкульте. Они часто ездили друг к другу на тренировки, устраивали состязания, обменивались опытом.

Однако в отличие от Спиридонова, не допуская изучения своей системы людьми, не состоящими на службе в НКВД, Ощепков стремился познакомить с самбо как можно больший круг лиц, и его направление было больше ориентировано на спортивные состязания, нежели на профессиональное применение [4].

Подобные разработки в СССР велись на всем протяжении первой половины XX в. различными инструкторами, и уже после Великой Отечественной войны в большинстве своем были сведены А.А. Харлампиевым в единую советскую систему самбо. Однако самбо харлампиевского образца очень скоро превратилось в

обыкновенное спортивное единоборство, со всеми его условностями и ограничениями. Боевой вариант столь же быстро распрощался с названием самбо и стал «рукопашным боем» – эклектичной системой, впитывавшей в себя самые разнообразные влияния и веяния. Крупными специалистами советского рукопашного боя послевоенного периода считались А. Долматов, Н. Симкин, Л. Онул [6].

После самбо других заметных разработок в области полицейского рукопашного боя в СССР создано не было. Были попытки с помощью кубинских товарищей создать в недрах КГБ ведомственную систему на базе оперативного карате. Были попытки создать уже в современной России рукопашный бой «Динамо», который в реальности оказался не системой служебной подготовки, а вариацией правил соревнований и отдельной организацией, прово-

дящей эти соревнования. Так или иначе, но сегодня подавляющее большинство специалистов в России предпочитают говорить исключительно об армейской подготовке полицейских. Практический, прикладной раздел полицейского рукопашного боя оказался сегодня заформализирован настолько, что просто перестал отвечать окружающей сотруднику полиции действительности. В этой ситуации свои услуги в области подготовки полицейских предлагают частные школы, использующие собственные системы и методики.

В настоящее время полицейский рукопашный бой остро нуждается в реанимации. Также требуется изучение и систематизация современных боевых систем и спортивных дисциплин, способных обогатить полицейский рукопашный бой, сделать его эффективным и конкурентоспособным.

Литература

1. Бородиев А.Н. Русский рукопашный бой. Стиль В. Спиридонова, А. Кадочникова. М.: ДИФ, 1999.
2. Волков В.П. Курс самозащиты без оружия «Самбо». М.: НКВД, 1940.
3. Министерство внутренних дел России (1802-2002): исторический очерк / под. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002.
4. Ознобишин Н.Н. Искусство рукопашного боя. М.: НКВД, 1930.
5. Суверов Е.В. История Алтайской милиции (1917-1953 гг.): уч. пос. Барнаул, 2013. Ч. 1.
6. Харлампиев А.А. Борьба самбо. М.: Физкультура и спорт, 1950.

УДК 343.819

Е.В. Суверов, доктор ист. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
e-mail: suverovev69@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКО-АСИНСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ (1937-1940 ГГ.)

Статья посвящена организации производственной деятельности в Томско-Асинском исправительно-трудовом лагере, который был создан в 1937 г. для осуществления лесозаготовок.

Ключевые слова: исправительно-трудовой лагерь, лесозаготовка, заключенные.

E. V. Suverov, Ph.D. (Doctor of Historical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: suverovev69@mail.ru

INDUSTRIAL ACTIVITY OF TOMSK-ASINSK LABOR CAMP (1937-1940)

The article is devoted to the industrial activity in Tomsk-Asinsk labor camp, which founded to implement logging in 1937.

Key words: labor camp, logging, prisoners.

Томско-Асинский исправительно-трудовой лагерь (далее – Томасинлаг) был организован для осуществления лесозаготовок на основании приказа НКВД СССР № 078 от 16.08.1937 «Об организации лесозаготовительных лагерей» [2] на бескрайних лесных массивах Новосибирской области.

Численность заключенных в лагере в октябре 1937 г. составляла 1 400 человек, к концу октября 1937 г. – 4 500 человек, к концу ноября 1937 г. – более 10 000 человек [5, с. 16].

Было принято решение немедленно передать в ведение ГУЛАГа НКВД 1 сентября 1937 г. из треста «Томлес» следующие предприятия:

- 1) Тегульдетский леспромхоз;
- 2) Зырянский леспромхоз;
- 3) Каштаковский мехпункт;
- 4) Асиновскую лесоперевалочную базу [3].

В январе 1938 г. Томско-Асинскому исправительно-трудовому лагерю отошла Прикульская лесная дача. Всего общая площадь лесных массивов, переданных Томасинлагу, составила 1 287 тыс. га с общим запасом древесины 119 041 тыс. кубометров. Первоначально Управление лагерем находилось в г. Томске, впослед-

ствии, с конца 1938 г., было принято решение перебазировать его на станцию Асино [4].

Томско-Асинский лагерь состоял:

- 1) из Абкашевского лагпункта, созданного на базе Четской лесной дачи Тегульдетского района;
- 2) Асинского отдельного лагпункта, находившегося в 95 км от Томска по железной дороге. Состоял из лесоперевалочной базы и 3 временных лесозаводов по деревообработке, построенных в 1938 г.;
- 3) Берегаевского отдельного лагпункта, образованного на базе Нижне-Чулымской лесной дачи в районе деревни Берегаево Тегульдетского района;
- 4) Бобровского лагпункта, сформированного на базе Зачулымской лесной дачи Тегульдетского района;
- 5) подкомандировки «Быстрая Курья»;
- 6) подкомандировки «Заломная»;
- 7) подкомандировки «Зырянка»;
- 8) Каштаковского лагпункта в районе деревни Малиновки Зырянского района;
- 9) Кицинского лагпункта;
- 10) лагпункта «Пойма»;

11) Прикульского лагпункта, находившегося в 55 км от Томска по железной дороге;

12) Сибиряковского лагпункта, расположенного в районе деревни Сибиряк Тегульдетского района;

13) Симоновского лагпункта, созданного на базе Северо-Закийской лесной дачи Зыряновского района;

14) подкомандировки «Тайга»;

15) Четского лагпункта.

Деловая древесина, кроме пиловочника (такие деревья имеют больше сучьев, поэтому его использовали для изготовления пиломатериала), отгружалась Томасинлагом для снабжения Кузбасса, а дрова – для нужд потребителей всей Новосибирской области. Добытую древесину отправляли по течению сибирских рек. Сплав производился сбрасыванием в реки бревен без веток и сучьев, которые самостоятельно плыли по реке до определенного места, где их вытаскивали.

В Томасинлаге древесина отгружалась в неразделанном виде, вагонов было недостаточно. В производственной деятельности лагеря постоянно ощущалась нехватка механизаторов, дорожников, лесохозяйственников. Обычным делом были приписки [6].

Для вывоза древесины и доставки грузов в Томасинлаге использовали Чулымскую узкоколейную лесовозную ветку протяженностью 20 километров, оснащенную двумя паровозами и 50 вагонами. Территорию лагеря пересекали две дороги общей протяженностью 28 километров, оснащенные 18 автомашинами, и две тракторно-ледяные дороги общей протяженностью 29 километров, оснащенные 12 тракторами и 150 тракторными саями.

Успешно функционировали в Томасинлаге два стационарных однорамных лесозавода с общей производительностью по выпуску пилопродукции в 88 тыс. кубометров, три временных переносных однорамных лесозавода с годовым выпуском пилопродукции в 42 тыс. кубометров.

Только за 1939 г. Томасинлаг заготовил 1 214 т ф/м древесины, вывез 1 246 т ф/м, сплавил 576 т ф/м. План на 1940 г. по заготовке составлял 1 200 т ф/м, по вывозке – 1 150 т ф/м [1].

Создание лагеря проходило спешно. В кратчайшие сроки была создана дееспособная производственная сеть по добычи древесины. При строительстве Четского лагпункта заключенные осенью 1937 г. жили в шалашах, хотя уже шел снег, было морозно. Лагерь обнесли частоколом с колючей проволокой, при этом бревна кололи пополам, их заостряли и вкапывали в землю. По

углам лагпункта стояли вышки, где несли службу вохровцы. Из-за нехватки времени заключенные рубили бараки из сырого леса, в результате чего зимой стены и углы жилых помещений промерзали. В Четском лагпункте в 1937 г. заключенные строили казарму для стрелков ВОХР. Построили некачественно, впоследствии угол казармы обвалился, но стрелки остались живы [5, с. 67].

Значительно снижало производственную деятельность Томско-Асинского лагеря недостаточное снабжение. В Берегаевском отдельном лагпункте (ОЛП) в 1938 г. имелись автомашины и трактора, но не хватало горючего и смазочных материалов. У лагерников ощущался острый дефицит теплой одежды, ватных брюк, многие осужденные ходили в ботинках. В лагпункте отсутствовало электричество. Было плохо организовано питание, не хватало даже посуды. Из-за отсутствия столовых приборов бригада Литенкова при приеме пищи использовала вместо мисок корки деревьев. Из-за царившей антисанитарии у заключенных было много вшей [5, с. 52]. В Берегаевском ОЛП находилось 5 бараков, где жили заключенные на двухъярусных нарах. В каждом бараке располагалось около 200 человек.

Среди заключенных в лагере было много лиц, осужденных по так называемым «политическим статьям». Так, Гаврила Леонтьевич Ермола, 1888 г.р., уроженец Полтавской губернии, бывший кулак, лишенный избирательных прав, в 1930 г. высказывался публично о том, что колхоз есть насилие, колхозы долго существовать не будут. Был осужден к 8 годам исправительно-трудовых лагерей.

Бывший церковный староста Василий Иосифович Высоцкий, 1872 г.р., из г. Минска, высказывался против сталинской конституции, говорил, что советская власть не заботится о трудящихся, морит их голодом, не дает хлеба, сталинская конституция никакой защиты не гарантирует. Это было классифицировано как антисоветская пропаганда. Приговор – 10 лет исправительно-трудовых лагерей [5, с. 15].

Условия содержания заключенных были тяжелыми. Многие болели, особенно те, кто был родом из Белоруссии и Украины и не смог приспособиться к суровой сибирской погоде. Умирали также от непосильного труда и скудной пищи.

Алексей Кравец был приговорен в мае 1941 г. к пяти годам исправительно-трудовых лагерей и трем годам ссылки за антисоветскую агитацию и пропаганду. По его воспоминаниям,

в лагере были организованы работы по выгрузке из реки Чулым леса, его обработке, погрузке в вагоны. Лесопильный и шпалорезный заводы функционировали круглосуточно. Давали хлеб в зависимости от выработки от 500 до 800 граммов и баланду. Все это приводило к заболеваемости, при котором слизистая оболочка кишечника постепенно разрушалась, человек погибал [5, с. 20, 32].

В Томасинлаге из заключенных, работавших на погрузке, распиловке, штабелевке леса, редко кто жил больше двух лет – погибали от истощения и непосильного труда. Из этапа в 500 человек, пригнанных из томских тюрем, в живых осталось 13 человек, которые были вывезены из лагеря без надежды на жизнь.

Охрана заключенных состояла из демобилизованных красноармейцев и нанятых местных жителей. Отряд ВОХР делился на дивизионы.

Местный житель Манихин Константин Егорович, 1913 г.р., после службы в Красной армии в 1935-1937 гг. служил в военизированной охране Томасинлага в Четь-Песках. В октябре 1937 г. он охранял заключенных, которых гнали со станции Суслово пешком, а на конях везли пилы, топоры, материалы. Лагерь обнесли забором с колючей проволокой. Для лучшей охраны поставили 4 наблюдательные вышки.

Комплектование томско-асинского отряда ВОХР ИТЛ НКВД в 1937 г. осуществлялось за счет 34 красноармейцев из 299-го полка, расквартированного в г. Шепетовка, которые прибыли в томско-асинский отряд ВОХР в должности стрелков и младшего начальствующего состава. Еще были завербованы для службы в этот отряд ВОХР 25 человек из 130-го полка, находившегося в г. Житомире, 18 человек из 211-го полка, расположенного в г. Кемерово, 25 человек из 70-го полка, находившегося в г. Виннице, 20 человек из 15-й зенитной дивизии и 25 человек из 137-го полка из г. Коростеня, 5 человек из 212-го полка, расквартированного в г. Ленинске и др. [5, с. 48].

С 1939 г. в Томасинлаг начали поступать спецпереселенцы из Западной Украины и Белоруссии. Сначала их принимал непосредственно

Томасинлаг, а с конца 1940 г. люди и постройки передавались тресту «Томлес». Наблюдение за спецпереселенцами осуществляла комендатура. На спецпоселение прибывали также и с других районов страны.

Как вспоминает Андрей Нечунаев, член раскулаченной семьи из Алтая, отправленной на спецпоселение в село Кайлушка (современное название – Первопашенск, рабочий поселок Асинского района Томской области), летом 1933 г. в село прибыла партия ссыльных хакасов. «Хакасы, народ дотоле невиданный, чудо необыкновенное. Несмотря на лето, хакасы были в шубах. С коричневой кожей, с множеством черных длинных косичек, свисающих почти до пояса, они стояли большой толпой вдоль временного моста через Юксу. Нас удивили их украшения на голове, шее и одежде... К 1940 г. почти все хакасы были освобождены и уехали на родину» [5, с. 86].

Фактическая ликвидация лагеря началась в июле 1940 г. В Томасинлаг было направлено на расселение 5 000 семей из западных областей Украины и Белоруссии. Они заменяли выбывших заключенных. Этапами заключенные бывшего лагеря отправлялись в Унжлаг (3 000 человек), Усолялаг (200 человек), Белбалтлаг (3 500 человек), Темлаг (1 300 человек), а заключенных-инвалидов, не могущих самостоятельно передвигаться, сконцентрировали на Прикульском ОЛП.

Создание Томско-Асинского исправительно-трудового лагеря в 1937 г. было продиктовано необходимостью увеличения лесозаготовок в связи с окончанием строительства в 1937 г. железной дороги Томск-Асино. Это позволило увеличить добычу и доставку древесины в другие районы страны. Подготовка к созданию лагеря была спешной, строительство лагпунктов пришлось на осеннюю и зимнюю пору, что привело к большим потерям среди спецконтингента. Решение о ликвидации лагеря и замены труда заключенных на спецпереселенцев было принято в связи с уменьшением лесных запасов, необходимостью решения других производственных задач.

Литература

1. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-124.
2. ГАРФ. Ф.Р. 9401. Оп. 1. Д. 490. Л. 217-219.
3. ГАТО. Ф.Р. 858. Р. 858. Оп. 2. Д. 8.
4. ГАТО. Ф.Р. 1152. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-5.
5. Память бережно хранит. Асино, 2008.
6. Пашков В. Стахановцы в лагерной робе // Томские новости. 2000. 16 июня.

УДК 349.6

М.О. Тяпкин, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: tyapkin@rambler.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСАМИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

В статье рассматривается история возникновения и развития лесного законодательства на протяжении первой четверти XVIII в., связанная с деятельностью императора Петра I. Рассматриваются причины, условия и ход формирования самостоятельной лесной отрасли и системы нормативного регулирования отношений в сфере лесопользования и лесоохраны.

Ключевые слова: лесное хозяйство, лесоохрана, лесопользование, корабельные леса, заказные леса, лесная служба.

М.О. Tyapkin, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: tyapkin@rambler.ru

ORIGIN OF FOREST LEGISLATION AND FOREST MANAGEMENT IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY

The article deals with the history and development of forest legislation during the first quarter of the XVIIIth century, associated with the activity of Emperor Peter I. It presents the causes, conditions and progress of the formation of the independent forest sector and the system of normative regulation in the sphere of forest management and forest protection.

Key words: forestry, forest protection, forest management, ship timber, custom-made forest, forest service.

Ситуация в современной лесной отрасли далека от идеальной. Возрастающее воздействие человека на природу, увеличение объемов законного и незаконного лесопользования, попытки продвижения идеи частного лесовладения – эти и многие другие факторы обуславливают необходимость изучения истории отечественного лесного хозяйства. Анализ и использование накопленного исторического опыта в сфере лесопользования, охраны и восстановления лесов, в вопросах рационального ведения лесного хозяйства имеют не только научный, но и практический потенциал.

Одним из важнейших элементов рационального лесного хозяйства является работоспособная система нормативного регулирования, представляющая собой совокупность правовых актов, регулирующих правоотношения по поводу использования и охраны лесов. К истории раз-

вития лесного законодательства обращались как дореволюционные, так и современные исследователи, в т.ч. лесоводы, историки и правоведы. Прямо или косвенно эти сюжеты нашли отражение в работах Н. Шелгунова, М. Романовского, В. Врангеля, С. Ведрова, Н. Зобова, Н. Фалеева, Э.Г. Истоминой, В.А. Манина, И.В. Шутова, Э.С. Навасардовой, А.Ю. Пуряевой и др. Несмотря на то, что заявленная тема имеет устойчивый исследовательский интерес, ее потенциал не до конца исчерпан. Настоящая работа является частью более объемного исследования системы нормативного регулирования лесных правоотношений в России и посвящена рассмотрению начальных оснований российского лесного законодательства.

Лес всегда имел особый статус прежде всего как уникальный возобновляемый и крайне необходимый для развития экономики ресурс. От

количества и качества лесных массивов напрямую зависела судьба и образ жизни местного населения. Лес наделялся сакральными свойствами, к нему относились с уважением и почитанием. Особое отношение к лесам нашло отражение в их правовом статусе. Лесные массивы довольно рано включаются в гражданский оборот. По данным В.А. Манина, зарождение лесного права можно датировать временем принятия Русской правды – древнейшего из дошедших до нас правовых памятников Киевской Руси [5, с. 68]. Необходимо уточнить, что первые правовые нормы, регламентирующие отношения в сфере лесопользования, касались защиты интересов собственника от незаконных посягательств на его лесное имущество. Процессы интенсификации хозяйства не могли не отразиться на состоянии лесных массивов. Несмотря на значительные лесные запасы, уже в XV в. в Московском государстве «появились места, где леса оказались настолько вырубленными, что потребовались правительственные меры для защиты их от истребления» [5, с. 68].

Вплоть до начала XVIII в. лесного законодательства не существовало: разрозненные правовые акты не складывались в единую систему нормативного регулирования. Один из классиков дореволюционного правоведения В. Врангель писал, что «огромное изобилие лесов, отдаленность от берегов моря и, наконец, самое политическое состояние России, раздробленной на множество мелких удельных княжений и страждущей под тяжким игом полудиких монголов и татар, достаточно объясняют причину позднего появления у нас лесных законов» [1, с. 2-3]. Известный дореволюционный лесовод Н.М. Зобов на страницах «Лесного журнала» также связывал отсутствие до XVIII в. лесного хозяйства и лесного законодательства с тем, что «до Петра Первого леса в России не имеют почти никакого значения. Ими всякий мог пользоваться как воздухом или водой. Это эпоха изобилия лесов при малой в них потребности». Причиной появления лесного хозяйства в России становится потребность в корабельном лесе, «потому леса приобретают государственное значение, создается строгое лесное законодательство и управление» [3, с. 80].

Действительно, появление самостоятельного лесного законодательства связывается с изменением вектора внутренней и внешней политики и резко возросшей потребностью в древесине для постройки флота в начале XVIII в. Лес стал рассматриваться как стратегически важный ресурс. Российское лесное хозяйство было обязано сво-

им появлением упорству Петра I в реализации идеи создания военного и торгового морского флота и превращения России в морскую державу. Один из сподвижников Петра I А.К. Нартов в своей знаменитой книге «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» приводит случай, когда «Петр Великий, сядя сам дубовые желуди близ Петербурга по Петергофской дороге, желал, чтобы везде разводим был дуб. И приметив, что один из стоящих тут знатных особ трудами его улыбнулся, оборотясь к нему, гневно промолвил: "Понимаю, ты мнишь, не доживу я матерых дубов. Правда, но ты дурак. Я оставляю пример прочим, чтоб, делая то же, потомки со временем строили из них корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь"». Делая вывод, А.К. Нартов замечает, что «о разведении и соблюдении лесов изданы были государем многие указы строгие, ибо сие было одно из важнейших его предметов» [6, с. 48]. По мнению И.В. Шутова, «такого феноменального внимания первого лица государства к лесам не было и нет, не только в России, но и в других странах» [16, с. 10-11].

По подсчетам Г.И. Редько, Э.Г. Истоминой и других исследователей, за время своего правления первый российский император издал около 200 указов, которые так или иначе регламентировали вопросы функционирования лесной отрасли. Исследователи предпринимали попытки классификации результатов правотворческой деятельности Петра I в лесной сфере. Так, Э.Г. Истомина разделяет все указы на три группы: распоряжения, направленные на выявление и сбережение лесов для кораблестроения; на пресечение расточительного потребления древесины в народном хозяйстве; и предписывающие ведение лесоустройства и рационального лесопользования» [4, с. 36].

Существует и другая классификация, принадлежащая А.Ю. Пуряевой [12, с. 2]. Она делит весь массив лесных законов на две группы. Первая группа посвящена вопросам государственного устройства и управления лесами, которые посвящены учреждению специальных на то органов и определению их полномочий; вторая группа регулировала вопросы режима использования, охраны и воспроизводства лесов.

Нам представляется, что принципиальных различий в предложенных классификациях нет хотя бы потому, что они обе охватывают практически все вопросы деятельности лесной отрасли, нуждающиеся в нормативном регулировании. Кроме того, по содержанию законов довольно сложно однозначно определить их ос-

новой предмет регулирования. Незрелость лесной отрасли и особенности юридической техники XVIII столетия приводили к тому, что один указ мог регламентировать одновременно и лесопользование, и лесоохрану, и другие аспекты хозяйственной деятельности.

Кораблестроение требовало самого лучшего леса и только самых ценных пород: для постройки одного фрегата требовалось более 3 000 деревьев (корабельной сосны и дуба) высочайшего качества. Недаром с 1723 г. стала действовать норма, согласно которой каждый нашедший большое мачтовое дерево получал награду в размере двух рублей [11, 4361]. Кроме того, необходимо помнить, что уже к XVIII в. в некоторых уездах, в т.ч. Московском, ощущался дефицит не только строевого, но и дровяного леса. Эти обстоятельства подтолкнули Петра I к ограничению лесопользования и организации лесоохраны.

Анализ результатов законотворческой деятельности Петра I, отложившихся в Полном собрании законов Российской империи (т. 3-7), позволяет говорить, что практически на всем протяжении своего правления, наряду с важнейшими государственными делами, в т.ч. Северной войной, монарх не обходил вниманием вопросы сбережения лесов и их использования для нужд флота. Интенсивность издания указов по лесным делам в первой четверти XVIII в. была неодинаковой. Заинтересованность монарха в развитии кораблестроения и сохранении лесов проявилась еще в конце XVII в., но активная правотворческая деятельность в этом направлении начинается с 1715 г.

Одним из первых указов Петра I, посвященных охране корабельных лесов, стало распоряжение от 30 марта 1701 г., согласно которому была запрещена расчистка лесов под пашню и покосы на расстоянии 30 верст от сплавных рек [8, 1845].

Начиная с 1703 г. должна была проводиться опись лесов «во всех городах и уездах, от больших рек в сторону по 50, а от малых по 20 верст» [8, 1950]. Указом разрешалась лишь рубка деревьев, которые «в отрубе меньше 12 вершков» (54 см); на все остальные деревья налагалась «заповедь», за нарушение которой полагался штраф 10 руб. либо смертная казнь «за многую заповедных лесов посечку». Обращает на себя внимание тот факт, что владельческая принадлежность лесов для Петра I в этом и последующих указах не имела никакого значения. Более того, на помещиков возлагалась обязанность по охране корабельных лесов, оказав-

шихся в пределах их владений, и недопущении их вырубки даже на собственные нужды. Партикулярные интересы вообще мало интересовали Петра I, если речь шла о выгоде государству или угрозе обороноспособности страны. По справедливому замечанию Э.Г. Истоминой, лесное законодательство первой четверти XVIII в. было нацелено на «изъятие из свободного обращения лесов, пригодных для кораблестроения (независимо от их принадлежности), организацию их эксплуатации и охраны» [4, с. 37].

За городским и сельским населением было оставлено право пользования малоценным лесом для удовлетворения бытовых нужд. В небольших объемах, за исключением рубки леса «на дворовое, хоромное или мельничное строение», можно было брать и ценные породы деревьев, но с неременным разрешением. За нарушение заповеди, даже за использование дубового валежника предусматривалась ссылка на каторгу [8, 2017].

Чрезмерная жестокость указов компенсировалась, по сложившейся в России традиции, их слабым исполнением, а также крайне редким наказанием за их нарушение. Упомянутый выше лесовод Н.М. Зобов писал, что «вероятно, никто не был казнен за порубку дуба» [3, с. 81]. Среди именных указов Петра I есть один, данный им 9 февраля 1720 г. по поводу вырубки заповедных «при Санкт-Петербурге рощах» [10, 3509]. Выяснилось, что в запрещенных лесах активно «хозяйничали» местные жители практически всех сословий, в т.ч. и дворяне «смотря на других». Напомним, что к моменту выхода указа уже несколько лет действовала санкция за порубку заповедного леса в виде смертной казни. По некоторым данным, лишь просьбы императрицы Екатерины Алексеевны освободили виновных от смертной казни. Однако без наказания виновные не остались. Смертную казнь заменили ссылкой на галерные работы: рубщиков из мещан – навечно, офицеров – на пять лет, а воеводу Ивана Феофилаьева за потворство и слабое охранение лесов, т.е. «за преступление противное присяжной должности», – на десять. Поместья у всех дворян были конфискованы в пользу царя. Этот случай привел к появлению нормы о высшей мере наказания по отношению к тем, кто «ведая, не известит» о самовольной порубке, а также появлению в правоприменительной практике принципа «незнание закона не освобождает от ответственности» [10, 3510]. Лесоохранительные указы стали вывешивать на специально установленных столбах близ лесных дорог и в селениях. Кроме того,

напечатанные указы рассылались священникам с предписанием «по вся воскресные дни приходским людям читать, чтобы в том неведением никто не отговаривался» [10, 3967].

Надо сказать, что Петр I использовал не только запреты, но и разрешительные меры при регулировании лесных правоотношений. Целый ряд указов, изданных в период с 1719 по 1723 г., предоставлял право местным жителям Санкт-Петербурга и близлежащих местностей рубить лес в определенных дачах, несмотря на их принадлежность частным лицам. Поводом для издания указов стало возмущение царя тем, что частные лесовладельцы не пускали в свои дачи крестьян и мещан для рубки строевого и дровяного леса или брали с них большую попенную плату. Было предписано помещикам не чинить никаких препятствий населению, выезжающему для рубки леса в разрешенных для этого местах под угрозой штрафов и конфискации лесных дач [7].

Ограничения в лесопользовании лесами местного населения касались преимущественно корабельных рощ. Деревья, негодные для кораблестроения, можно было рубить практически без ограничений, с одним лишь правилом – не употреблять на дрова строевые деревья.

Император активно поощрял экспорт древесины и кораблестроение, для чего предписывалось необходимый для этого лес «рубить по-прежнему без запрещения и остановки в строении судов отнюдь не чинить» [11, 4379].

Что же касается отдаленных лесов, то в их отношении в 1720 г. был издан указ, разрешавший свободную рубку лесов, в т.ч. дубовых, в Уфимской провинции, Сибирской и Астраханской губерниях. Основанием для такого решения стало то, что «онные места от тех лесов, где на корабельное строение готовится, в дальнем расстоянии» [10, 3552]. Право свободного лесопользования было предоставлено также калмыкам в местах их кочевий [11, 4216]. При учреждении вальдмейстерской службы «за Сибирской губернией было подтверждено право свободной рубки лесов» [17, с. 5]. Вплоть до второй половины XVIII в. сибирские леса практически исключаются из общероссийского законодательства. Ценность леса рассматривалась в первую очередь с точки зрения пушного промысла, поэтому принимались единичные законодательные меры к охране лесных массивов от пожаров (указы 1744 и 1754 гг.), однако фактически существовали они только на бумаге.

Первая четверть XVIII в. стала временем формирования лесной службы. Началом суще-

ствования регулярной лесной стражи принято считать 1719 г., когда в пригороде Санкт-Петербурга для охраны заповедных лесов были определены «лейб-гвардии Преображенского полка из отставных два человека солдат, которым тех лесов смотреть прилежно, чтобы никто не рубил» [9, 3329]. В январе 1720 г. Петр I именным указом предписал назначить «для караула лесов» драгун и солдат, которым предписывалась охрана лесов прибрежных лесов между Петергофом и Лиговом [10, 3499].

В 1720 г. Петр I именным указом казанскому вице-губернатору Кудрявцеву велел установить надзор за корабельными лесами, находящимися в ведении Адмиралтейств-коллегии, для чего выбрать надзирателей из «шляхетства, а где шляхетства нет, изо всяких тамошних обывателей и из служилого чина людей добрых» из расчета одного сторожа на 500 крестьянских дворов. Основной задачей надзирателей было проведение описи корабельного леса и контроль за его отпуском. Дворяне не могли отказаться от исполнения возложенных на них обязанностей, поскольку были обязаны исполнять любую службу в пользу государства.

В следующем году из Адмиралтейств-коллегии во все губернии были разсланы «подтвердительные указы», по которым повсеместно должны были назначаться надзиратели, а также составляться описные книги заповедным лесам [10, 3829]. В апреле 1722 г. была составлена инструкция лесным надзирателям, в которой подробно описывались их полномочия по надзору за корабельными лесами, произрастающими как на казенных, так и на помещичьих землях [10, 3967].

Однако назначение надзирателей и составление описей проходило крайне медленными темпами, что заставило задуматься о выделении в ведомстве Адмиралтейств-коллегии особой службы, ведавшей лесными ресурсами для кораблестроения.

6 апреля 1722 г. был издан именной указ, согласно которому в Петербурге, Москве, Казани, Воронеже, Рязани, Брянске, Новгороде, Смоленске, Муроме и «где еще надобно будет» учреждались должности вальдмейстеров (нем. Waldmeister – лесничий), которые подчинялись обер-вальдмейстеру и были подведомственны Адмиралтейств-коллегии [10, 3941].

Первым обер-вальдмейстером был назначен Панкратий Глебовский, которому Петр I дал именную Инструкцию от 19 июля 1722 г. (дополнена 3 декабря 1723 г. и 13 ноября 1724 г.). Принятие Инструкции стало первой попыткой

придать лесному законодательству стройность и упорядоченность. Документ включил в себя множество ранее изданных актов, а также некоторые новеллы, связанные с организацией лесного управления, связанные с лесовосстановлением и лесоразведением, организацией рационального лесного хозяйства. В результате проведенных преобразований к 1725 г. в Российской империи сложилась следующая структура управления лесами: Адмиралтейств-коллегия, разделявшаяся на 11 контор (канцелярий), в т.ч. обер-сарваерскую (кораблестроительную) и вальдмейстерскую (лесную) (с 1724 г.); обер-вальдмейстер; вальдмейстеры (20 человек); унтер-вальдмейстеры (64 человека); надзиратели лесов. Кроме того, «заведование лесами принадлежало Государственной Камер-коллегии, которой 13 пунктом «Учреждения и Регламента» поручалось заботиться о сохранении лесов «и во всех местах, где возможно, добрые и при том другие потребные вещи насаждать и взращать» [13, с. 2].

В основу организации нового лесного ведомства был положен проверенный принцип обязательной дворянской службы для тех помещиков, чьи имения соседствовали с заповедными лесами. В зависимости от количества и качества леса императором назначались вальдмейстеры и унтер-вальдмейстеры на территорию, насчитывающую от 2 до 3 тыс. крестьянских дворов. Расходы на несение службы, в т.ч. на разъезды, они должны были нести за свой счет.

Схема распределения вальдмейстеров по местам службы была следующей: два на Волге – один вверх, а другой вниз от Нижнего Новгорода, и по одному на реках Суре, Каме, Оке и по системам Днепра, Западной Двины, Дона, Ладожского и Ильменского озер. Вальдмейстеры малых рек подчинялись вальдмейстерам больших рек. Объектом заботы вальдмейстеров становились леса ценных пород определенного размера (начиная от 54 см в диаметре), произрастающие на обоих берегах сплавных рек на расстоянии от 20 до 50 верст, а также дубовые рощи вне зависимости от места нахождения [11, 4379].

Губернаторам и воеводам было предписано передать вновь назначенным вальдмейстерам все описные книги, а также клейма («пятна»). В случае отсутствия описей и ландкарт предписывалось скорейшее их составление и передача в вальдмейстерскую контору и Сенат [10, 4135]. Также предписывалось составление ландкарт, на которых деревья разделялись на «уже годные и на способные стать годными в будущем для строительства военных кораблей» [14, с. 62].

Вальдмейстерам предписывалось выбрать в селах и деревнях надсмотрщиков (одного на 500 дворов) из однодворцев или отставных солдат и драгун, или из приказчиков и старост, задачей которых становилось недопущение самовольного лесопользования [15, с. 362].

Основной задачей вальдмейстеров и их помощников было «смотрение» за тем, чтобы рубилось то, что предписано, клеймить лес, предназначенный к отпуску, вести книги о количестве отпущенных сортиментов и размере штрафов, осматривать массивы зимой и по вскрытии рек и, в случае выявления самовольных порубок, «чинить суд и расправу», взыскивая с виновных штрафы.

Система наказания за нарушения лесоохранных указов также была видоизменена. До 1724 г. действовала система, при которой за рубку заповедного леса в первый раз назначался штраф в размере 30 рублей, во второй – конфисковывалась 1/3 доля всего движимого и недвижимого имущества, в третий – битье кнутом и ссылка на галеры сроком до 20 лет [2, с. 110]. Одним из своих последних лесных указов в ноябре 1724 г. Петр I повелел смягчить наказание и установить штраф в размере пяти рублей за каждый пень самовольно срубленного дерева, из которых два рубля поступали в казну, а три – открывшему порубку надзирателю; часть штрафных денег казна обращала на жалованье вальдмейстерской канцелярии. В то же время вальдмейстеры и надсмотрщики, виновные в преступлении или потворстве порубщикам заповедных лесов, наказывались вырезанием ноздрей и ссылкой на каторгу [11, 4594]. Наказание за умышленный поджог осталось неизменным – смертная казнь.

Характерно, что правило, по которому доходы вальдмейстеров зависели от количества выявленных ими нарушителей, стало поводом для упразднения этой службы в 1726 г. под предлогом творящихся злоупотреблений и произвола.

Инструкция впервые упомянула об охране лесов от пожаров. Оговаривались профилактические меры: запрет разводить огонь под деревьями, оставлять непотушенные костры, соблюдение противопожарных правил при выжигании сухой травы или места под пашню. Ликвидация лесных пожаров ложилась на плечи местного населения. В случае лесного или степного пожара «обывателям, которые от того места в десяти верстах, повешая от деревни до деревни, неотложно к лесам, с принадлежащими вещами, чем тушить можно, бежать и тот пожар тушить» [11, 4379]. Принцип участия населения в профилактике и ликвидации лесных пожаров оставался

ся одним из ключевых в системе дореволюционного лесного хозяйства, он и сейчас не потерял своей актуальности.

Инструкция установила принцип неистощительного пользования заводских лесов, заключавшийся в разделении лесов на 25 или 30 участков, «из которых одно по другому погодно же рубить сряду, и, рубя паки лесною порослью запускать и уже отнюдь в тех местах недорослого не рубить, дабы покамest последний вырубят, к тому ж времени первый поспел» [11, 4379]. Еще одним элементом рационального лесного хозяйства стало введение естественного и искусственного лесовосстановления в заводских и корабельных дачах.

Анализируя итоги развития лесной отрасли в первой четверти XVIII в., необходимо отметить его противоречивость. С одной стороны, был осуществлен небывалый рывок вперед: были заложены основы лесного законодательства, установлен контроль над лесными угоды-

ями, введены наказания за самовольные порубки и поджоги леса, положено начало формированию системы рационального лесного хозяйства в интересах повышения обороноспособности страны. С другой – активная вырубка годных на корабельное строительство и экспорт лесов негативно повлияла на состояние доступных лесов. По данным, содержащимся в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, для строительства Азовской флотилии на реке Воронеж были вырублены обширнейшие площади лесов, что вызвало обмеление Дона, разрушение его берегов, а также увеличение площади не покрытых лесом земель [18, с. 38]. Не меньшее сожаление вызывает тот факт, что большинство преобразований Петра Великого опередили время и были основаны лишь на его могучей воле, поэтому после его смерти в 1725 г. вектор развития отрасли был изменен, а многие достижения и новшества забыты на долгие годы.

Литература

1. Врангель В. История лесного законодательства. СПб., 1841.
2. Дивов П. Краткое руководство к сбережению и поправлению лесов в Российском государстве. СПб., 1809.
3. Зобов Н.М. Петр Великий как первый лесовод в России // Лесной журнал. 1872. № 2.
4. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4.
5. Манин В.А. Зарождение русского лесного законодательства и проблема правовой регламентации охраны лесов в России до конца первой четверти XVIII в. // Вестник Югорского государственного университета. 2007. Вып. 7.
6. Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Записки Императорской Академии наук. 1891. Т. 67.
7. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 5-7. № 3467, 3469, 3491, 3537, 3570, 3623, 3918, 4242, 4253, 4315.
8. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4.
9. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5.
10. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6.
11. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 7.
12. Пуряева А.Ю. Государственное управление частными лесами в России в период с 1649 по 1917 г. // Экологическое право. 2011. № 4.
13. Столетие учреждения Лесного департамента. 1798-1898 гг. СПб., 1898.
14. Цветков М.А. Развитие лесопотребления в связи с судостроением // Труды Института леса АН СССР. М., 1953. Т. X.
15. Шелгунов Н. История русского лесного законодательства. СПб., 1857.
16. Шутов И.В. Вехи лесного хозяйства России. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012.
17. Энгельфельд В.А. О лесах Западной Сибири. СПб., 1888.
18. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 21.

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 341.45

М.М. Алексеева, канд. юрид. наук
Московский университет МВД России

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье анализируются становление и развитие антитеррористического сотрудничества субъектов международного права, также рассматриваются эффективные меры по его совершенствованию в настоящее время.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, антитеррористическое сотрудничество, международная безопасность.

M.M. Alekseeva, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia

REVISITING THE CONCEPT AND DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COUNTER-TERROR COOPERATION

The article dwells upon the formation and development of anti-terror cooperation of subjects of international law, it also considers effective measures for its improvement at the present time.

Key words: terrorism, international terrorism, anti-terror cooperation, international security.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались сдвигами в системе международных отношений. Мировое сообщество покончило с блоковой конфронтацией и «холодной войной» и подошло к разрешению насущной проблемы своего времени – предотвращению угрозы глобальной ядерной войны. На волне кардинального изменения отношений России с США и ведущими европейскими странами удалось в некоторой степени укрепить атмосферу взаимного доверия. Начиная с 90-х гг. XX в. был заключен ряд международных договоров и соглашений об основах взаимоотношений на принципах обоюдного сотрудничества в соответствии с интересами упрочения мира и международной безопасности.

Представляется, что в современный период сотрудничество – единственный способ реали-

зации государствами своих интересов, т.к. ни одно из них не может выжить в условиях экономической и политической изоляции. Профессор И.И. Лукашук отмечает, что в современном мире решающая роль в определении политики государства принадлежит национальным интересам. Вместе с тем все большая часть этих интересов обеспечивается за пределами государства. Растет роль внешней политики в их реализации. Происходит осознание того, что национальные интересы могут быть обеспечены лишь путем сотрудничества государств [3, с. 89]. Таким образом, в настоящее время в мировой политике складывается ситуация, когда обеспечение интересов конкретных государств в существенной мере зависит от воплощения коллективных интересов мирового сообщества. Разумеется, конкретные формы сотрудничества и его объем за-

висят от самих государств, их потребностей и ресурсов, внутреннего законодательства и принятых на себя международных обязательств.

Однако на фоне ослабления международной напряженности, улучшения отношений между большинством государств мир столкнулся с рядом угроз и вызовов, включая и международный терроризм. Растущая опасность деятельности международных террористических сетей связана с тем, что террористы берут на вооружение не только технологические достижения, но и изощренные способы манипулирования поведением, подавления психики людей. Новый тип террористической угрозы делает устаревшей традиционную картину сдерживания, на которую до сих пор опиралась система глобальной безопасности. Сегодня возникла принципиально новая ситуация, при которой террористические акты не преследуют конкретных политических или экономических целей, кроме запугивания и деморализации общества путем уничтожения как можно большего числа гражданского населения. Таким образом, террористы бросают своей деятельностью вызов фундаментальным основам и ценностям современных цивилизаций; терроризм сегодня равно угрожает общественной, национальной и международной безопасности [1, с. 38].

Справиться с такого рода угрозой путем односторонних силовых акций невозможно. Здесь требуется долговременная, скоординированная стратегия всего мирового сообщества. В настоящее время сформирована идея о создании широкой международной кооперации по контролю и борьбе с терроризмом. В связи с этим принципиальное значение имеет курс Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН на плотное регулярное сотрудничество с национальными и региональными органами по важнейшим вопросам антитеррористического взаимодействия, в т.ч. в создании системы технического содействия заинтересованным государствам для налаживания их антитеррористических систем.

Между тем на практике антитеррористическое сотрудничество осложнено сохраняющимися различиями в подходах государств в определении как самого преступления и преступного явления терроризма, его причин и истоков, так и в понимании содержания и параметров антитеррористического взаимодействия.

Сложность и многогранность современного терроризма требуют адекватного подхода, сочетающего силовые, политико-дипломатические, финансово-экономические и гуманитарные ме-

ры, а также согласованности антитеррористических мер, предпринимаемых на национальном и международном уровнях.

Для эффективного противодействия террористической угрозе необходимо осуществлять сотрудничество по следующим направлениям:

- совершенствование международно-правовой базы и механизмов оказания правовой помощи, а также неотвратимости наступления ответственности за преступления террористического характера;

- противодействие финансированию терроризма, в т.ч. по пресечению каналов его подпитки за счет незаконного оборота наркотиков, отмывания денежных средств, торговли людьми;

- противодействие доступу террористов к средствам массового поражения и их доставке, возможному применению ими биологических веществ, ядерных и радиоактивных материалов;

- усиление контроля за оборотом обычных видов вооружений.

При этом заметим, что речь сегодня следует вести не только о борьбе с терроризмом, но и о контроле над терроризмом, предполагающем определение соотношения между террористическим актом, терроризмом, международным терроризмом; исследование истоков терроризма; определение параметров взаимодействия правовых, политических и институциональных форм антитеррористического сотрудничества. По мнению ряда исследователей, контроль над терроризмом предполагает, с одной стороны, недопущение разрастания явления до угрожающих масштабов, с другой – недопущение применения таких мер борьбы с терроризмом, которые нарушали бы законность, права и свободы человека [4, с. 39].

Таким образом, международное антитеррористическое сотрудничество представляет собой совокупность принципов, специальных форм, методов, приемов и способов по контролю и борьбе с терроризмом в целях обеспечения как национальной и международной, так и общественной безопасности.

Для более полного понимания сущности международного антитеррористического сотрудничества, а также в целях выработки новой модели обеспечения международной безопасности необходимо обратиться к истории развития антитеррористического взаимодействия.

До Второй мировой войны мировое сообщество не уделяло особого внимания проблеме борьбы с терроризмом. Вопрос об объединении усилий в борьбе с терроризмом был внесен на рассмотрение органов Лиги Наций в 1934 г., по-

сле убийства министра иностранных дел Франции Луи Барту и короля Югославии Александра I [6, с. 772]. Результатом работы явилась выработка в 1937 г. двух конвенций – «О предупреждении и наказании терроризма» и «О создании международного уголовного суда».

После Второй мировой войны международное сотрудничество в борьбе с терроризмом стало нарастать. Начиная с середины 70-х гг. на сессиях Комитета и Конгресса ООН по предупреждению преступности разрабатывались рекомендации для согласованных национальных, региональных и международных действий по борьбе с терроризмом. Комитет затрагивал проблемы определения понятия «международный терроризм», разрабатывал основы международного сотрудничества в целях эффективного предупреждения терроризма и борьбы с ним (на сессиях обсуждались такие вопросы, как выдача, проблемы юрисдикции, взаимная правовая помощь и сотрудничество и т.д.).

Комитет предлагал государствам, подписавшим международные конвенции о борьбе с терроризмом, в кратчайшие сроки их ратифицировать и принять эффективные меры по реализации их предложений на практике. Государствам, не подписавшим упомянутые конвенции, предлагалось незамедлительно их подписать. К этому моменту были выработаны следующие конвенции: Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 1963 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 1971 г.); Конвенция о физической защите ядерного материала (Вена, 1979 г.); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 1979 г.) [5, с. 117, 139, 220, 301]. ООН взяла на себя обязательство определить пути и средства поощрения превентивной политики, стратегии государств для эффективного осуществления международных конвенций, включая более активное сотрудничество на уровне правоохранительных, следственных и судебных органов. Положения Токийской конвенции, дополненные Гаагской и Монреальской конвенциями, в определенной степени содействовали развитию сотрудничества государств в предупреждении и наказании за общеуголовные преступления, затрагивающие два или несколько государств, а также деяния, которые не только создают опасность для международных воздушных сообщений, но нацелены и приводят к разрыву или ухудшению межгосударственных отношений [4, с. 352-354].

Уже с 1972 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила ряд резолюций, связанных с определением понятия и общим пониманием, истоками и мерами борьбы с терроризмом и международным терроризмом. основополагающей является принятая на ее 27-й сессии резолюция 30/34 от 18 декабря 1972 г., определившая отношение государств-членов ООН к проблеме международного терроризма и давшая мандат Специальному комитету по международному терроризму на ее рассмотрение. В повестку дня пункт о терроризме был включен в формулировке «меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей или приводит к их гибели, или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, происходящих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен».

В такой формулировке проблема конца 80-х гг. обсуждалась на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и рассматривалась Специальным комитетом по международному терроризму в 1972-1979 гг.

Что касается мер по борьбе с международным терроризмом, то, учитывая значительные расхождения в определении понятия и причин международного терроризма, резолюция указала лишь на необходимость для государств стать участниками соответствующих антитеррористических конвенций, а также принять надлежащие меры по борьбе с терроризмом на национальном уровне. В сессионных докладах Специального комитета отмечалась высокая активность в обсуждении главным образом понятия «международный терроризм» и причин его существования. Мерам предупреждения и борьбы с международным терроризмом должного внимания не уделялось.

Реалии международной жизни, связанные с ростом числа и ужесточением актов международного терроризма, привели к тому, что в резолюции 40/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1985 г. была подчеркнута необходимость государств в сотрудничестве друг с другом и соответствующими органами ООН. Резолюция 42/159 от 7 декабря 1987 г. развила идеи резолюции 40/60 и отразила консенсус международного сообщества в отношении безоговорочного осуждения преступных актов терроризма, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами.

Резолюция 42/159 от 7 декабря 1987 г., а также резолюция 44/29 от 4 декабря 1989 г. явились значительным шагом на пути поворота ООН к практическим вопросам борьбы с международным терроризмом. Резолюция 44/29 от 4 декабря 1989 г. ставит вопросы о создании в рамках ООН и других международных организаций специальных органов по проблемам совместной борьбы с международным терроризмом.

Положения большинства резолюций Генеральной Ассамблеи свидетельствовали о постепенном и неуклонном изменении отношения ООН к приоритетам в области борьбы с международным терроризмом. Преобладающим становилось обращение к мерам по профилактике и борьбе путем совместных усилий государств.

С 1990 г. была кардинально изменена формулировка пункта повестки дня ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН по проблеме терроризма: «Меры по ликвидации международного терроризма». Особое внимание уделялось тому, что предупреждение террористического насилия и борьба с ним зависят от эффективности взаимного сотрудничества и помощи между государствами. Государствам рекомендовалось оказывать друг другу максимально широкую взаимную помощь и осуществлять сотрудничество в уголовно-правовых вопросах при условии уважения международно признанных прав человека и соблюдать соответствующие положения многосторонних договоров.

С начала 90-х гг. ООН стремится усилить правовую и международно-правовую основу борьбы с терроризмом и международным терроризмом. В 1994 г. принимается Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (утверждена резолюцией 49/60 от 9 декабря 1994 г.), где подчеркивается, что для эффективной борьбы с увеличением числа и возрастанием международного характера и последствий актов терроризма государства должны усиливать свое сотрудничество в этой области путем систематизации обмена информацией о предупреждении терроризма и борьбе с ним, а также эффективного осуществления соответствующих международных конвенций и заключения соглашений о взаимной правовой помощи и выдаче на двусторонней, региональной и многосторонней основе. В этом контексте государствам предлагалось в срочном порядке провести обзор сферы применения существующих международно-правовых положений о предупреждении, пресечении и ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях с целью обеспе-

чить наличие всеобъемлющих правовых рамок, включающих все аспекты этого вопроса.

В 1997 г., развивая идеи, заложенные в резолюции 49/60, принимается Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. В 1996 г. создается Спецкомитет ООН для разработки Всеобъемлющей конвенции по борьбе с терроризмом. Но одной из важнейших проблем в борьбе с терроризмом продолжает оставаться совершенствование международного сотрудничества в сфере перекрытия финансовых потоков, направляемых на поддержку террористов, поскольку, как справедливо отмечает М.П. Требин, «не стремясь к финансовой выгоде как к конечной цели, террористические организации, тем не менее, нуждаются в деньгах для организации и проведения террористических актов, привлечения новых сторонников, обеспечения поддержки на местах и за границей» [6, с. 775]. В 1999 г. принимается Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. В рамках данной Конвенции были выработаны практические меры по созданию эффективной системы контроля за финансовыми потоками на международном, региональном и национальном уровнях.

Новый этап контртеррористической деятельности ООН начался накануне третьего тысячелетия: 8 сентября 2000 г. Генеральная Ассамблея приняла Декларацию тысячелетия, в которой значительное внимание уделялось необходимости выработать согласованные действия по предупреждению терроризма и борьбе с ним.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США со всей остротой продемонстрировали мировому сообществу необходимость совместного ответа на новые вызовы и придания глобальным процессам управляемого характера. Таким образом, можно констатировать, что впервые в истории формирования системы международных отношений, которое со времен Вестфальского мира носило в основном стихийный характер, потребовались сознательные целенаправленные усилия всех государств для борьбы с терроризмом.

Совет Безопасности ООН 12 сентября 2001 г. принял резолюцию 1368, в которой призвал международное сообщество удвоить свои усилия по предотвращению и пресечению террористических актов, в т.ч. путем расширения сотрудничества и обеспечения полного осуществления соответствующих международных конвенций о борьбе с терроризмом и резолюций Совета Безопасности. И если эта резолюция, принятая

по горячим следам трагедии 11 сентября 2001 г., имеет общий характер, то резолюция 1373, одобренная 28 сентября 2001 г., носит уже конкретный организационно-политический характер. Обратимся к самой резолюции 1373.

Совет Безопасности ООН призвал государство в дополнение к международному сотрудничеству принять дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории финансирования и подготовки любых актов терроризма, вновь подтверждая принцип, заключающийся в том, что каждое государство-член обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в террористических актах. Государства должны предотвращать и пресекать финансирование террористических актов; ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств для совершения террористических актов; заблокировать средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц и организаций, участвующих в совершении террористических актов; принять необходимые меры в целях предотвращения совершения террористических актов, в т.ч. путем раннего предупреждения других государств с помощью обмена информацией; предотвращать передвижение террористов или террористических групп с помощью эффективного пограничного контроля и контроля за выдачей документов и др.

Резолюция 1373 (2001 г.) имеет широкую сферу регулирования, включающую национальное законодательство, внутренние исполнительные механизмы и международное сотрудничество. Для того чтобы государства могли сосредоточить свое внимание на принятии эффективных мер в областях, имеющих для них приоритетное значение, Контртеррористический комитет (далее – КТК) определил этапы работы с государствами.

КТК устанавливает, имеется ли у государства эффективное законодательство по борьбе с терроризмом во всех областях деятельности, связанной с резолюцией 1373 (2001 г.), уделяя особое внимание борьбе с финансированием терроризма. Выбор законодательных мер в качестве приоритета был продиктован тем, что для разработки исполнительного механизма по предупреждению и пресечению терроризма государствам необходимо иметь утвержденную законодательную основу для осуществления резолюции 1373 (2001 г.). В свою очередь, законодательная база необходима для предания суду террористов и их пособников.

На этом этапе государство должно быть в полной мере готово к осуществлению резолюции 1373 (2001 г.) в соответствии с его обязанностями и в рамках его суверенной юрисдикции, при этом оно должно укреплять его исполнительный механизм для обеспечения соблюдения его законодательства, связанного с резолюцией 1373 (2001 г.). Эффективный исполнительный механизм предусматривает наличие:

а) полицейских и разведывательных структур для обнаружения, отслеживания и задержания причастных к террористической деятельности лиц и их пособников;

б) систем таможенного, иммиграционного и пограничного контроля в целях предотвращения передвижения террористов и создания для них убежищ;

в) средств контроля, исключающих доступ террористов к оружию.

С учетом того, что в разных странах эта деятельность осуществляется в разных условиях, прогресс в деле решения этих первоочередных задач будет неоднозначным. КТК признает, что меры, принимаемые государствами, следует рассматривать на индивидуальной основе. Должен быть осуществлен диалог и с теми государствами, в которых уже имеется надлежащее законодательство, охватывающее все аспекты резолюции 1373 (2001 г.), и надлежащие исполнительные механизмы для осуществления этого законодательства, и с теми, которые уже не входят в число тех государств, которые требуют первоочередного внимания. На данном этапе должно быть осуществлено:

а) сотрудничество на двустороннем, региональном и международном уровне, включая обмен информацией;

б) сотрудничество судебных органов государств и меры по привлечению террористов и их пособников к судебной ответственности (например, уголовное преследование или экстрадиция, обмен информацией и раннее предупреждение и сотрудничество в области правоприменения и судебной практики).

После событий 11 сентября 2001 г. в США ООН приняла ряд важных документов, создавших на базе Устава ООН и ряда других важнейших глобальных правовых документов известную организационно-правовую основу для институциональной системы ООН по контролю над терроризмом и международным терроризмом.

В октябре 2001 г. по просьбе Генерального секретаря была учреждена Рабочая группа по разработке политики в вопросе о роли ООН в

связи с терроризмом. Ее цель заключается в определении вытекающих из терроризма долгосрочных последствий для деятельности ООН и общих параметров политики Организации в этом вопросе, а также в разработке рекомендаций в отношении шагов, которые система ООН могла бы предпринять в области борьбы с терроризмом.

Кроме того, 6 сентября 2006 г. был принят и впоследствии одобрен Проект резолюции «Глобальная контртеррористическая стратегия ООН», призывающий государства принять меры по устранению условий, подпитывающих терроризм, к которым можно отнести затянувшиеся неурегулированные конфликты, дегуманизацию жертв терроризма, отсутствие правопорядка и нарушение прав человека, а также этническую, национальную и религиозную дискриминацию.

Таким образом, к началу XXI века международное сообщество в рамках ООН прошло длительный путь в направлении признания виновности терроризма и достижения согласия в области контроля и борьбы с ним (в первую очередь, в сфере принятия международно-правовых основ). К сожалению, несмотря на очевидный прогресс, проблема определения терроризма и международного терроризма осталась не до конца решенной. Концепцию борьбы с терроризмом еще предстоит наполнить конкретным содержанием и согласовать на глобальном уровне.

После трагедий конца XX – начала XXI вв., связанных с терроризмом, после признания не

только положительных, но и негативных последствий для международного мира и безопасности использования по существу лишь силовых методов борьбы с ними, встает вопрос о создании глобальной системы противодействия всем современным угрозам и вызовам [2, с. 14].

Международное антитеррористическое взаимодействие имеет важнейшее значение для достижения успеха в деле минимизации предпосылок терроризма и предотвращения его крайних и разрушительных проявлений. Представляется, что ООН обладает уникальными возможностями в плане обеспечения политической согласованности и установления принципиальной цели для поддержания широкого международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Следует на международном, региональном и двустороннем уровнях продолжать разработку эффективных мер для налаживания международного антитеррористического взаимодействия. К таким мерам можно отнести: а) сотрудничество между правоохранительными, следственными и судебными органами; б) определение направлений сотрудничества в уголовно-правовых вопросах на всех уровнях системы обеспечения законов и уголовного правосудия; в) активизацию просвещения и расширение подготовки сотрудников правоохранительных органов по вопросам предупреждения преступности и международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом; г) разработку программ общего правового просвещения, пропаганду культуры мира.

Литература

1. Зайончковская М.М. Антитеррористическое сотрудничество государств: реализация политических установок в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
2. Линдэ А.О. Международно-правовые основы борьбы государства с угрозами национальной (государственной) безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2008.
3. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2000.
4. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. М. – Ростов н/Д.: Ростовский юрид. ин-т МВД России, 1999.
5. Мелков Г.М. О противодействии терроризму: сб. междунар. док-тов и нормативных правовых актов Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2008.
6. Требин М.П. Терроризм в XXI веке. Минск: Харвест, 2003.

УДК 342(571.150)

А.Е. Баньковский, канд. юрид наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: arturbank@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ И МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ГОРОДСКОГО ОКРУГА – ГОРОДА БАРНАУЛА)

В данной статье исследуется роль конституционного принципа субсидиарности во взаимоотношениях органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, являющихся административными центрами субъекта РФ.

Ключевые слова: конституционный принцип субсидиарности, компетенция, предметы ведения, полномочия, субъект Российской Федерации, местное самоуправление.

A.Ye. Bankovskiy, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: arturbank@mail.ru

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF SUBSIDIARITY IN REALIZATION OF THE COMPETENCE BY PUBLIC AUTHORITIES OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND MUNICIPAL UNITS (ON AN EXAMPLE OF ALTAY TERRITORY AND CITY DISTRICT – THE CITY BARNAUL)

This article explores the role of the constitutional principle of subsidiarity in mutual relations of public authorities of the subject of the Russian Federation and local governments of municipal units as the administrative centers of the subject of the Russian Federation.

Key words: the constitutional principle of subsidiarity, the competence, the authority matter, the credentials, constituent territory of the Russian Federation, local government.

Конституция Российской Федерации закрепляет местное самоуправление как одну из основ конституционного строя России, устанавливает принцип самостоятельности местного самоуправления. Компетенция местного самоуправления в России реализуется преимущественно органами местного самоуправления соответствующего муниципального образования (поселения, муниципального района и городского округа). Вопросы местного значения, в рамках которых муниципальные образования осуществляют свои полномочия, установлены Федеральным законом № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих

принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 14-16) [2]. Вопросы местного значения универсальны и, соответственно, не учитывают некоторые особенности правового статуса отдельных муниципальных образований. Это относится, в частности, к вопросам местного значения таких городских округов, основу которых составляет город – административный центр («малая столица») субъекта Российской Федерации. Как показывает практика, соответствующий городской округ решает дополнительные задачи, связанные с необходимостью обеспечивать инфра-

структуру органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Расширение круга вопросов ведения и необходимость их решения требуют действия принципа субсидиарности в отношении вопросов ведения городского округа и субъектов РФ [1, с. 3]. Принцип субсидиарности признается как один из конституционных принципов организации и функционирования публичной власти в Российской Федерации. Суть его заключается в том, что это основное, исходное положение в разграничении компетенции между Российской Федерацией и субъектами РФ, а также субъектами РФ и муниципальными образованиями, имеющее целью оптимальное распределение полномочий между уровнями публичной власти на началах взаимодополняемости и взаимозаменяемости, с учетом максимальной приближенности к населению [4, с. 154-155].

В связи с действием принципа субсидиарности возникает проблема соотношения предметов ведения муниципального образования и субъекта Российской Федерации. Данную проблему необходимо рассмотреть на примере Алтайского края и его административного центра – города Барнаула (территориальной основы городского округа). Анализ законодательства Алтайского края как субъекта Российской Федерации и правовых актов, регламентирующих вопросы местного значения в городском округе, позволяет выделить вопросы ведения, предназначенные для решения законодательными и исполнительными органами Алтайского края на территории городского округа, в т.ч. административного центра – города Барнаула, а также вопросы ведения органов местного самоуправления городского округа – города Барнаула. Исходя из упомянутых перечней вопросов ведения, органы государственной власти Алтайского края обладают полномочиями, которые осуществляются субсидиарно, т.е. дополнительно по отношению к полномочиям города Барнаула. В частности, Законом Алтайского края № 69-ЗС от 08.10.2001 «О статусе административного центра Алтайского края» (ст. 4) установленные вопросы ведения условно можно классифицировать на несколько групп [3]. Первая группа – вопросы социально-экономического развития. В данную группу входит: а) развитие объектов коммунального назначения, обслуживающих потребности г. Барнаула; б) осуществление природоохранных мероприятий и соблюдение экологической безопасности; в) развитие, модернизация и реконструкция аэропорта, автомобильного, речного, железнодорожного вокзалов, иных систем транспорта, свя-

зи и жизнеобеспечения (п. 1 ст. 4 Закона Алтайского края № 69-ЗС от 08.10.2001 «О статусе административного центра Алтайского края») [4]. Субсидиарность полномочий органов государственной власти Алтайского края по данным вопросам заключается в том, что каждому из вышеназванных пунктов соответствует определенный пункт ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2]. Так, например, пункту «а» соответствует п. 4 ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», согласно которому городской округ решает вопросы электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, иными словами, вопросы коммунального назначения. Пункту «б» соответствует п. 11 ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которым городской округ решает вопросы организации мероприятий по охране окружающей среды. Ко второй группе можно отнести: вопросы градостроительной деятельности, участие в разработке и внесении изменений в Генеральный план муниципального образования – город Барнаул Алтайского края. Подобное участие в разработке Генерального плана также носит субсидиарный характер, т.к. этот вопрос является в первую очередь вопросом местного значения (п. 26 ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Такое соотношение полномочий органов государственной власти Алтайского края и органов местного самоуправления г. Барнаула можно приводить и дальше. Однако уже из приведенных примеров видно, что органы государственной власти Алтайского края субсидиарно решают вопросы местного значения г. Барнаула, которые, по общему правилу, иными городскими округами решаются самостоятельно.

Выше были рассмотрены примеры, когда конституционный принцип субсидиарности проявляется в решении вопросов местного значения более высоким уровнем публичной власти (органами государственной власти Алтайского края). Однако значительно чаще принцип субсидиарности проявляется в разрешении городом вопросов, отнесенных к ведению субъектов РФ. Применительно к Алтайскому краю и г. Барнаулу перечень таких вопросов закреплен в ст. 5 Закона Алтайского края № 69-ЗС от 08.10.2001 «О статусе административного цен-

тра Алтайского края». Согласно этому закону органы местного самоуправления муниципального образования городской округ – город Барнаул Алтайского края в связи с осуществлением г. Барнаулом функций административного центра Алтайского края выполняют следующие задачи:

1) участвуют в разработке и реализации краевых программ социально-экономического развития, краевых целевых программ, способствующих эффективному выполнению г. Барнаулом функций административного центра;

2) создают муниципальные предприятия и учреждения, участвуют в создании хозяйственных обществ, обслуживающих нужды, связанные с реализацией г. Барнаулом функций административного центра Алтайского края;

3) создают необходимые условия для проведения в г. Барнауле международных, федеральных, межрегиональных и краевых мероприятий, в т.ч. участвуют в поддержании и обеспечении правопорядка и безопасности граждан во время их проведения;

4) организуют оказание медицинских услуг в муниципальных учреждениях здравоохранения г. Барнаула в рамках программы обязательного медицинского страхования лицам, временно пребывающим в г. Барнауле, в связи с его статусом административного центра Алтайского края;

5) обеспечивают предоставление муниципальными учреждениями культуры услуг культурно-развлекательного характера лицам, временно пребывающим в г. Барнауле, в связи с его статусом административного центра Алтайского края;

6) создают условия для предоставления транспортных услуг лицам, временно пребывающим в г. Барнауле, в связи с его статусом административного центра Алтайского края;

7) обеспечивают благоустройство и содержание улиц, площадей, парков, скверов, зданий и иных объектов, расположенных на территории г. Барнаула, а также обеспечивают сохранение исторически сложившегося природного и архитектурного облика г. Барнаула как административного центра Алтайского края;

8) создают условия для развития туризма в целях формирования благоприятного облика и повышения привлекательности Алтайского края для иностранных и российских туристов.

Все перечисленные выше полномочия должны изначально реализовываться органами государственной власти Алтайского края. Однако с целью их наиболее эффективной реализации, максимально приближенной к жителям г. Барнаула, законодатель на основе принципа субсидиарности предоставил право решения названных вопросов городу.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, гарантированное в России местное самоуправление осуществляется в рамках вопросов местного значения, предусмотренных Федеральным законом № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Во-вторых, приведенные в данной статье примеры осуществления дополнительных полномочий г. Барнаулом позволяют утверждать, что осуществление этих полномочий происходит на основе принципа субсидиарности. В-третьих, осуществляемые г. Барнаулом на основе принципа субсидиарности полномочия позволяют отметить особый правовой статус городского округа, являющегося административным центром субъекта Российской Федерации. В связи с этим необходимо нормативное закрепление принципа субсидиарности с включением дополнительной ст. 82.3 «Особенности организации местного самоуправления в административных центрах субъектов Российской Федерации» в главу 11 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В-четвертых, учет принципа субсидиарности и применение его в практике взаимоотношений субъектов РФ и их административных центров (подобно Алтайскому краю и г. Барнаулу) позволит сформировать подлинно демократическую и правовую государственность в России.

Литература

1. Биккулова Г.З. Принцип субсидиарности: идейно-теоретический смысл и европейские политические реалии: дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2000.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 06.12.2011 № 411-ФЗ) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. О статусе административного центра Алтайского края: закон Алтайского края № 69-ЗС от 08.10.2001 (в ред. от 10.11.2009 № 85-ЗС) // СЗ АК. 2001. № 66.
4. Тихомирова Л.А. Принцип субсидиарности как основа взаимоотношения Российской Федерации и её субъектов // Право и политика. 2011. № 2.

УДК 348.71

М.Е. Живов

Уральский государственный юридический университет

e-mail: ludas66@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (1993-2013 ГГ.)

В статье проведен историко-правовой анализ взаимоотношений церкви и государства, предложена авторская периодизация государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государство, Конституция Российской Федерации.

M.Ye. Zhivov

Ural State Law Academy

e-mail: ludas66@bk.ru

REVISITING THE LEGAL REGULATION OF THE RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE RUSSIAN STATE IN THE CURRENT PERIOD (1993-2013)

The article deals with the historical-legal analysis of the Church and State interrelation; there is the author's periodization of Church-State relations.

Key words: Russian Orthodox Church, state, Constitution of the Russian Federation.

Исходя из анализа текста действующей Конституции Российской Федерации 1993 г., ст. 14 которой гласит: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» видно, что Русская православная церковь (другое официальное наименование – Московский патриархат) занимает особое место в российском обществе.

Так сложилось, что на протяжении исторического пути с 1917 г. церковь была отделена от государства. Об этом говорят и все советские Конституции – 1918, 1924, 1936 и 1977 гг., это положение, как было сказано выше, сохраняется де-юре и сейчас. Но важные политические изменения, произошедшие в нашей стране в 1991-1993 гг., приведшие к образованию принципиально нового государства, ставят под сомнение вопрос: а отражает ли де-факто новая Конституция 1993 г. истинное положение вещей?

В этой связи необходимо проанализировать характер нынешних взаимоотношений между Русской православной церковью и современным Российским государством. В ходе анализа нужно выявить основные проблемные моменты в правовом регулировании этих отношений и высказать свое видение в разрешении спорных моментов.

Во-первых, спорным является сам термин, используемый в Конституции РФ 1993 г., – «светскость». В науке этот термин вызывает многочисленные споры. Дело в том, что в настоящее время Русская православная церковь начинает восприниматься почти как полноценный институт гражданского общества, ориентированный на максимальное восстановление собственных позиций, занимаемых ею в дореволюционный период, т.е. до ленинского Декрета от 23 января 1918 г. [10, с. 7]. Поэтому четкое и ясное определение дефиниций имеет принципиальное значение.

Во-вторых, определенная сложность при исследовании этой проблемы возникает из-за неопределенности и размытости самих понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания». Хотя, безусловно, эти понятия тесно связаны между собой. Специалисты Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации категории «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в подготовленном ими комментарии к Конституции Российской Федерации рассматривают в неразрывном единстве – как одно понятие и единый правовой институт [9, с. 108-111]. М.В. Баглай и В.А. Туманов также трактуют свободу совести и свободу вероисповедания как идентичные понятия. В частности, они отмечают: «свобода совести и вероисповедания – право человека как быть атеистом, т.е. не верить в Бога, так и верить в Бога в соответствии с учением той или иной свободно выбранной им религии (вероисповедания)» [3, с. 414].

Другой известный ученый, специалист в области конституционного права профессор С.А. Авакьян отмечает, что Федеральный закон 1997 г. не проводит каких-либо различий между свободой совести и свободой вероисповедания – в тексте они используются совместно в виде обобщенного понятия [1, с. 9].

Таким образом, данный вопрос не разрешен в полной мере и является в настоящее время дискуссионным. Вместе с тем представляется, что понятие «свобода совести» – более широкое понятие, чем «свобода вероисповедания», поскольку свобода вероисповедания (религии) – это право человека выбирать и исповедовать любую религию, а свобода совести, хотя и связана с этим понятием, но уже по своему содержанию.

Как отмечалось выше, спорным является понятие «светскость государства». М.И. Одинцов подчеркивает, что светское государство тоже проводит вероисповедную политику, но в отличие от вероисповедной политики конфессионального государства она базируется на отделении церкви от государства и вытекающих из него принципов отношения к мировоззренческим убеждениям граждан [11, с. 13].

По мнению И.В. Понкина, светскость – характеристика государственных или общественных институтов, сфер общественной жизни, отражающая их общегражданскую, мирскую направленность, независимость от религиозного или идеологического санкционирования или давления, от религиозных объединений, деятельность которых направлена на распростра-

нение идеологии или от подчиненности таковым [12, с. 67].

П.Н. Дозорцев отмечает, что светское государство – это, прежде всего, государство нецерковное, противоположное государству клерикальному (clerical state) или теократическому, в котором власть светская (мирская, гражданская) находится у главы церкви [6, с. 124].

По данной проблеме имеются и другие точки зрения, нашедшие свое отражение в работах М.Н. Кузнецова, Г.М. Миньковского, Ю.И. Стецковского, С.В. Потанина, Е.М. Мирошниковой и др.

Представители богословской науки, в свою очередь, определяют понятие светскости как «неконтролируемый и нефиксируемый церковной властью» (священнослужитель А. Кураев) [10, с. 135].

Безусловно, на содержание понятия светскости повлияла и политическая ситуация в России, переходный период 1991-1993 гг. и создание принципиально нового государства – Российской Федерации.

В настоящее время государство отказалось от тотального контроля в религиозной сфере и признало необходимость религиозных прав и свобод человека. Это зафиксировано и в сфере правового регулирования отношений государства и церкви. Новые отношения нашли свое отражение в Основах социальной концепции Русской православной церкви, принятой архиерейским Собором в августе 2000 г.

Речь идет о симфонии церкви и государства («государственная церковность»), хотя данный термин не вызывает однозначного восприятия в нынешнем российском обществе – М.Ж.), суть которой состоит в обоюдном сотрудничестве, взаимной поддержке и взаимной ответственности церкви и государства, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой. Государство ищет духовной поддержки у церкви, а церковь получает от государства помощь для создания условий, благоприятных для духовной жизни граждан [4, с. 38].

Вместе с тем необходимо отметить, что сам термин «симфония» также вызывает споры в науке. Так, М.А. Жеребятьев вкладывает в него «равенство и партнерство церкви и государства, при этом и то и другое понимаются как власти (власть духовная и власть государственная (светская) ... при условии признания государством титульного статуса РПЦ Московской Патриархии, сохранения автономности внутреннего церковного устройства и возможности высказы-

вать собственные взгляды по общественно значимым проблемам» [7, с. 35].

Известный российский ученый-богослов В.А. Цыпин указывает, что именно равноправие, равная значимость, «неслитное и нераздельное» существование церковной и светской власти отличают концепцию симфонии властей, суть которой составляют обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой [14, с. 15].

Общепризнано, что с 1990-х гг. в России началось возрождение религии или, другими словами, процесс «легитимизации» православной церкви. И это можно выделить в качестве отдельного этапа во взаимоотношениях церкви и государства.

Вопрос о периодизации всегда представляет собой научную ценность, особенно для исторических исследований, поскольку правильная, выверенная научная периодизация есть залог успешной научной работы.

Существует несколько вариантов периодизаций государственно-конфессиональных отношений в период религиозной активности постсоветской России.

Следуя периодизации А.А. Данилова, представляется, что ее можно изложить следующим образом:

- события периода 1980-х – начала 1990-х гг. Апрель 1985 г. – май 1989 г. – период так называемой революции «сверху», содержание которого, по мнению Н. Эдельмана, сводилось к тому, что в СССР с 1985 г. происходят преобразования революционного характера, начатые по инициативе высшего руководства страны;

- весна, лето 1989 г. – сентябрь 1991 г. – революция «сверху» сменяется массовым движением «снизу». При этом «низы» настолько сильно давят на «верхи» с целью радикализации реформ, что власти уже не могут не учитывать этого важнейшего политического фактора;

- октябрь 1991 г. – октябрь 1993 г. – завершающий период революционных перемен в России. Разработка и принятие (декабрь 1993 г.) Конституции нового государства – Российской Федерации [15, с. 23; 5, с. 163-164].

Другой видный специалист в области истории Русской православной церкви профессор М.И. Одинцов считает, что собственно государственно-конфессиональные отношения прошли в своем развитии следующие этапы:

- начальный этап с 1985 г. по сентябрь 1990 г., на который приходится уничтожение организационно-управленческой структуры мо-

дели советского типа, завершается принятием закона «О свободе вероисповедания»;

- основное содержание второго этапа с октября 1990 г. по 1993 г. составляет вторжение в Россию представителей нетрадиционных религиозных культов, завершается этап принятием Конституции РФ;

- третий этап – 1994 г. – сентябрь 1997 г., когда значительно увеличилось количество религиозных организаций, а конфессии стремились закрепить свои позиции. Конечной точкой этого периода является принятие Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях»;

- четвертый этап – 1997-1999 гг. [11, с. 45-49].

В историко-правовой науке имеются и другие подходы в периодизации церковно-государственных отношений в России. Так, А.В. Исаев выделяет три этапа современных государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: 1988 г. – декабрь 1991 г. – предпосылки смен ориентиров в религиозной сфере, религиозный плюрализм; 1992-1997 гг. – период формирования нормативно-правовой базы государственно-конфессиональной политики, принятие Конституции РФ; 1997-2011 гг. – этап динамизации коммуникативных взаимодействий государства и Русской православной церкви, развитие цивилизованных форм и механизмов сотрудничества [8, с. 16-17].

В свою очередь, в диссертации В.В. Алпатовой выделяются два периода в формировании и реализации государственно-религиозной политики: первый этап – 1980-1996 гг. и второй этап – с 1997 г. по настоящее время [2, с. 12].

Имеются и другие точки зрения на определение этапов в истории русского православия в советский период.

Понятно, что в рамках небольшой научной статьи невозможно охватить весь круг вопросов, возникающих по поводу правового регулирования между Русской православной церковью и Российским государством. Вне круга остались такие важнейшие вопросы этих взаимоотношений, как реституция церковного имущества, характер землеотвода церковных земель, проблемы межотраслевого законодательства, религиозного образования и т.д.

Вовлечение религиозных объединений практически во все сферы общественно-политической жизни страны ставит на повестку дня вопрос об изменении ст. 14 Конституции РФ 1993 г., поскольку она де-юре уже не отражает фактического положения церкви в новом обще-

стве. В подтверждение того, что Россия прошла в рассматриваемый период новейшей истории принципиально новые этапы своего развития, может служить следующая периодизация:

- с середины 1980-х гг. в контексте перестройки начинается процесс коренных изменений в отношениях между государством и Русской православной церковью;
- во второй половине 1980-х гг. наблюдается значительный всплеск религиозности в стране, обусловленный, прежде всего, кризисом советского общества;
- 1990-е годы, время процесса суверенизации субъектов Российской Федерации, когда конфессиональная свобода использовалась как средство борьбы за власть. В 1990 г. религиозные объединения Российской Федерации получили статус юридического лица, а в 1991 г. Совет по делам религии при Совете Министров СССР был упразднен;

- период 1992-2000 гг. явился началом законодательного суверенитета Российской Федерации и новой политики во взаимоотношениях церкви и государства. Это выразилось и в издании в августе 2000 г. «Основ социальной политики Русской Православной Церкви».

В заключение хотелось бы отметить, что до настоящего времени в России нет достаточного количества специалистов в области государственно-конфессиональных отношений, в частности юристов, ориентирующихся в религиозно-правовых вопросах. Совершенно недостаточен учебный материал по вопросам церковного (канонического) права. Исключение составляет лишь учебник, написанный для светских юристов профессором А.С. Смыкалиным [13]. Все это лишний раз подтверждает факт неразработанности этой темы в отечественной историко-правовой науке.

Литература

1. Авакьян С.А. Свобода вероисповедания как конституционно-правовой институт // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 1999. № 1.
2. Алпатова В.В. Принципы и механизмы реализации государственно-конституционной политики в современной России (на примере Уральского региона): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
3. Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М.: БЕК, 1998.
4. Володина Н.В. Отношения государства и религиозных объединений: опыт правового регулирования. СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2010.
5. Данилов А.А. Политические перемены в Российской Федерации начала 1990-х годов: современные дискуссии // История современной России: проблемы, документы, факты (1985-1999): мат-лы междунар. конф. (25 ноября 2010 г.). М.: Фонд современной истории, Изд-во МГУ, 2011. Т. 1.
6. Дозорцев П.Н. Развитие светской государственности в России: история и современность. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
7. Жеребятьев М.А. Светскость в постсоветской России: забытый конституционный принцип // Свобода религии и демократии: старые и новые вызовы: мат-лы междунар. науч. конф. (7 августа 2010 г.). Киев, 2010.
8. Исаев А.В. Социально-политическое партнерство органов государственной власти и Русской Православной Церкви в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2011.
9. Комментарии к Конституции РФ (отв. ред. Л.А. Окуньков). М., 1996.
10. Королева Л.А., Королев А.А., Мельниченко О.В. Русская Православная Церковь в России в конце XX века. М.: Инфра-М, 2013.
11. Одинцов М.И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в теократическом обществе: мат-лы междунар. конф. (23-24 марта 1999 г.). М.: Источник жизни, 1999.
12. Понкин И.В. Светскость государства. М.: Изд-во «Учебно-научный центр довузовского образования», 2004. Ч. 1.
13. Смыкалин А.С. Каноническое право (на примере Русской Православной Церкви XI-XXI вв.): учеб. пос. Екатеринбург, 2013.
14. Протоирей Владислав Цыпин. Симфония Церкви и Государства // Православная государственность: 12 писем об империи. СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2003.
15. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.

УДК 342.7

В.С. Зубкова

аспирант Алтайского государственного университета

e-mail: zvs89@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ

На основе изучения и анализа теоретико-правовых источников научного материала рассмотрены подходы к определению принципа правового статуса личности. Исследован принцип единства прав и обязанностей в мусульманских странах.

Ключевые слова: личность, принцип единства права, обязанности, законодательство, шариат.

V.S. Zubkova

a postgraduate student of Altai State University

e-mail: zvs89@mail.ru

CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF THE UNITY OF THE RIGHTS AND OBLIGATIONS IN THE ISLAMIC LAW

The author considers some approaches to the definition of the personal legal status principle based on the scientific materials. The unity of the law and obligations principle is researched of the Muslim country.

Key words: constitutional person, unity of the law, obligations, legislation, sharia.

Развитие государства в XVII-XXI вв. в соответствии с принципами признания суверенитета народа, свободы личности, равноправия, верховенства права и закона концентрированно выражено в теории и практике конституционализма. Конституционализм охватывает различные сферы жизни человека как индивида, общественного существа и члена государственно образованного общества (гражданина государства). Одной из примет развивающегося конституционализма стало обновление содержания правового статуса личности на основе признания индивидуальной свободы, формально-юридического равенства (равноправия), естественных прав и обязанностей, особой природной и общественной ценности человека. «Права, свободы и обязанности личности – явление естественно-историческое, это значит, что они возникают и развиваются на основе природной и социальной сущности человека с учетом исторической динамики общества, постоянно из-

меняющихся условий человеческого бытия. Права, свободы и обязанности образуют совокупность принципов и норм, регулирующих определенные общественные отношения. Отсюда необходимость познания этих принципов и норм, раскрытия закономерности, присущей этой отрасли человеческих отношений» [7; 17, с. 310]. Одновременно на протяжении почти трех столетий происходило изменение круга прав, свобод и обязанностей личности, наполнение их новым содержанием и условиями их реализации. В основе прав, свобод и обязанностей личности лежит естественно-правовая доктрина, которая формировалась длительный период [18, с. 224-245]. Права и свободы развивались параллельно с обязанностями личности. По сути, между ними шла борьба, выразившаяся в проблеме соотношения. При этом права и свободы личности вытесняли обязанности [21, с. 28]. Права личности больше всего важны личности как существу природно-

социальному и свободному, а обязанности личности необходимы в первую очередь государству, как системе социальной [13, с. 231].

Так, по мнению Е.А. Лукашевой, права человека как составляющая часть правового статуса личности основываются на следующих принципах: права человека принадлежат ему от рождения, являются естественными, неотъемлемыми и неотчуждаемыми; они универсальны, основаны на принципе равенства; права человека гарантированы каждому, кто находится под юрисдикцией данного государства; права человека – высшая ценность, их уважение, соблюдение и защита – обязанность государства; права человека – средство контроля за властью, ограничитель всевластия государства, которое не должно переступать границы свободы, очерченные правами человека; обеспечение прав и свобод несовместимо с дискриминацией по какому-либо признаку; осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц; основные права и свободы должны быть едины на всей территории государства; личные, политические, экономические, социальные и культурные права и свободы равноценны, в системе прав нет иерархии; коллективные права неотделимы от прав индивида, не должны противоречить индивидуальным правам, ограничивать правовой статус личности; права человека регулируются законом, в т.ч. могут быть ограничены законом на основании обстоятельств, указанных в конституциях и важнейших международно-правовых актах [14, с. 98-106].

В отличие от развернутого представления Е.А. Лукашевой о принципах правового статуса личности в отечественной юридической науке преобладают мнения о более комплексном перечне соответствующих принципов. Например, Е.И. Козлова выделяет следующие принципы: 1) равноправие прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; 2) гарантированность прав и свобод; 3) неотъемлемость; 4) недопустимость ограничения; 5) обладание каждым не только правами, но и обязанностями [8, с. 184-192]. Аналогичные принципы называют А. Головистикова и Л. Грудцына: всеобщность и неотчуждаемость; единство прав, свобод и обязанностей; равенство всех перед законом; непосредственность действия; гарантированность и защищенность государством [3, с. 18-23].

Представляется более обоснованным выделение принципов, обозначенных В.В. Невинским: 1) признания человека, его прав и свобод высшей общественной ценностью, обязанности государства уважать, соблюдать и за-

щищать права человека и гражданина; 2) свободы; 3) равноправия; 4) приоритета принципов и норм международного права в области прав человека перед национальными нормами права; 5) законности («оговорки в законе»); 6) сочетания личных и общественных интересов [16, с. 33, 36]. Несмотря на многообразие подходов к выделению тех или иных принципов правового статуса личности, прослеживается сходство в их содержании, обусловленное нормами Конституции РФ, воспринявшей многие идеи общепризнанных принципов и норм международного права. Указанные принципы образуют систему, в которой они согласуются между собой и тесно взаимодействуют друг с другом.

Вопросы конституционного закрепления прав и обязанностей в государствах решаются по-разному. Конституционное законодательство учитывает условия своей страны. При этом законодательные акты регулируют необходимый объем прав и обязанностей, присущий государству как на внутреннем, так и на международном уровнях. Соответствие должно иметь единую всестороннюю связь, проявляющуюся во взаимоотношениях государства и общества, общества и личности, государства и личности.

Первый способ конституционного закрепления принципа единства прав и обязанности личности достаточно глубоко исследуется в европейской юридической науке. Акцентируется внимание на позитивных и негативных началах официального закрепления принципа единства прав и обязанностей личности в национальных конституциях. Наиболее распространенным является такое закрепление, при котором Основной Закон устанавливает только права и свободы, а обязанности обходит молчанием (например, Конституция США [2, с. 96] и Конституция Франции [15, с. 79]). Второй способ конституционного признания принципа единства прав и обязанностей личности связан с отдельным закреплением в конституции прав и обязанностей. Такая форма закрепления характерна для современных конституций, в которых права, свободы и обязанности отдельно провозглашаются в одной главе или даже разных главах (например, Конституция Словацкой Республики [1, с. 48], Конституция Венгрии [10, с. 35]).

Третий способ регулирования принципа единства прав и обязанностей связан с развернутым закреплением обязанностей в законодательстве мусульманских стран. В этих странах подход к правам человека в значительной мере свя-

зан с религиозной и половой принадлежностью лица. Конституционный статус личности в государствах, где сильным остается влияние шариата, включает в себя принадлежность к гражданству данной страны, определенный объем прав и свобод, обязанностей гражданина [6]. Современное мусульманское право подвержено значительному влиянию со стороны международных норм и принципов. Однако сильное влияние оказывают предписания шариата, Корана и Сунны, которые составляют основу мусульманского права. Для него характерно закрепление верховенства Аллаха, который передал это верховенство Мухаммеду. Из норм шариата следует, что права и свободы личности являются божественными. Мусульманское право указывает на то, как мусульманин должен вести себя, не различая обязательств по отношению к себе подобным и по отношению к Богу. Иными словами, мусульманское право основано на идее обязанностей, возложенных на человека, а не на правах, которые он может иметь. По мнению юристов-теологов, ислам соединяет в себе достоинство умеренности, сдержанности, неприязнительности, простоты и гибкости [5, с. 216]. Объем прав и обязанностей в этих странах во многом определяется характером политического режима, конституционной системой государственных органов, положением главы государства – президента или монарха, а также степенью влияния норм ислама на государственно-правовые и общественно-политические институты и органы.

Нельзя не согласиться с тем, что мусульманской культуре известны свои представления о правах человека, которые зафиксированы в виде стандартов для всего исламского мира (в рамках Организации Исламской конференции), а также отдельно для группы арабских стран (в рамках Лиги арабских государств). Самыми известными документами являются Всеобщая исламская декларация прав человека 1981 г., Каирская декларация прав человека в исламе 1990 г. и Арабская хартия прав человека 1994 г. Главной особенностью исламской концепции прав человека является их религиозный характер. Творцом и источником всех прав человека считается Аллах. Правам придается сакральный характер, они интерпретируются как предоставление Божественным законом права. Права человека необходимо понимать и толковать на принципах шариата. При этом действует правило: если для конкретной ситуации шариат не дает точного ответа (отсутствует регулирующая норма), то следует руководствоваться презумпцией дозво-

ления и личного усмотрения человека. Широкая свобода выбора варианта поведения по собственному усмотрению в сфере, не регулируемой нормами шариата, – характерная черта мусульманского права. Таким образом, исламская модель прав человека сочетает религиозные и светские принципы, она сильна своей слитностью религиозных и правовых начал» [9, с. 123-124].

На наш взгляд, самым главным отличием двух деклараций (Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Всеобщей исламской декларации прав человека 1981 г.) является то, что в Декларации ООН 1948 г. речь идет только о материальных сторонах жизни человека, а во Всеобщей исламской декларации на первый план ставится духовная жизнь человека, проявляющаяся в его нравственности и убеждениях. Духовная жизнь основана на Коране и Сунне. Важно подчеркнуть, что между Всеобщей исламской декларацией прав человека 1981 г. и Всеобщей декларацией права человека 1948 г. имеются определенные сходства по общим принципам, например право на существование, образование, жилье; свобода слова, совести, а также запрещение дискриминации. Ислам считает, что соблюдение прав человека необходимо для сохранения человеческого достоинства. Это обусловлено тем, что в религиозном понимании человек является преемником Бога на земле, поэтому он заслуживает почета и уважения. В Суре «Путешествие ночью» (70) Аллах говорит: «Несомненно, Мы даровали почет сынам Адама, и по Нашей воле они передвигались по земле и по морю, Мы наделили их благами и дали им явное превосходство над другими тварями».

Различие между правами человека, установленными нормами шариата, и правами, признаваемыми международным правом, в том, что во втором закреплены естественные права и свободы, а не обязательства, которые вытекают из требований мусульманского государства. Нельзя не согласиться с мнением Рене Давида о том, что «Мусульманское право в отличие от других правовых систем не является самостоятельной отраслью науки. Оно – лишь одна из сторон религии ислама. Эта религия содержит, во-первых, теологию, которая устанавливает догмы и уточняет, во что мусульманин должен верить, во-вторых, – это предписание верующим, что они должны делать и чего не должны. Шариат обозначает в первую очередь путь следования и составляет то, что называется мусульманское право» [4, с. 29]. Необходимо отметить, что с XX в. не образовано государств, созданных только на

мусульманском праве, где были бы только права из Корана и Сунны. Например, Алжир, Египет, Иордания, Ирак, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Судан восприняли романо-германскую и англосаксонскую правовые системы. Эти мусульманские государства не могут отказаться от международных соглашений, т.к. они являются членами Организации Объединенных Наций (ООН). Поэтому мусульманские государства заимствовали нормы из международного права, закрепляющие основные естественные права личности. Но в отношении прав мужчин и женщин существуют различия, проявляющиеся в неравном соотношении их прав. Так, ислам разрешил мусульманам жениться на женщинах других вероисповеданий и запретил мужу оказывать давление на жену в принятии исламской религии или запрещать ей исповедовать свою религию. Однако женщинам-мусульманкам Коран запрещает выходить замуж за мужчину другого вероисповедания. Шариат выступает в защиту лиц других вероисповеданий в отношении их безопасности, имущества и чести, от любого нападения, в то же время предъявляет к ним требования соблюдать правила, установленные в обществе, выплачивать налоги, участвовать в общественных и государственных делах, но они ограничены в правах, т.к. не могут занимать высокие посты, например главы государства, министров. Такие посты только для мусульман. Коран ограничивает в правах и женщин (в управлении делами государства, в избирательном праве, женщинам запрещено появляться в общественных местах вместе с мужчинами и присутствовать с ними на государственных переговорах), что является нарушением прав человека в современном обществе, тем самым грубо попираются основные международные стандарты в области прав человека. Так, Конвенция о политических правах женщин 1952 г. гласит, что женщины могут занимать должности наравне с мужчинами, избирать и быть избранными в органы власти. Аналогичные нормы закреплены в Международном билле о правах человека, Пакте о гражданских и политических правах (ст. 3 – обязанность государства обеспечить равное для мужчин и женщин право пользоваться всеми гражданскими и политическими правами).

Коран провозглашает обязанность труда. Но одновременно на государство возлагается обязанность предоставления работы каждому трудоспособному. Право личности закреплено таким образом, что трудящийся имеет право требовать справедливую оплату за свой труд и нормальные условия труда. Мусульманское пра-

во рассматривает труд как обязанность всех мусульманских общин, но при этом предоставляет свободу в выборе профессии. Вместе с тем оговариваются ограничения: свобода в выборе профессии не должна противоречить интересам других членов общества и нормам шариата (например, строго запрещается работа со спиртным, колдовство). Если же член общества нетрудоспособен, то ему выплачивается пособие за счет государственной казны. Можно отметить особенность регулирования вопроса об образовании, т.к. оно является по шариату не правом, а обязанностью каждого мусульманина. Так, статья 58 «Префирательство» гласит: «Возвышает Аллах тех из вас, которые уверовали, и тех, кому дано знание на разные степени. Аллах сведущ в том, что вы делаете». В Коране Аллах призывал самого Пророка к получению образования «Читай во имя Господа твоего, который сотворил – сотворил человека из сгустка. Читай! И Господь твой щедрейший, который научил человека тому, чего он не знал» (Сура «Сгусток» 96:1-3Г) [5, с. 52].

В исламе большое значение придается праву частной собственности. Шариат защищает частную собственность и в то же время дает государству право на эту собственность для поддержки нуждающихся. Здесь действуют два принципа – справедливость и милосердие, а также защита этого права. В Суре «Разъяснены» (11: 46) говорится: «Кто творил благое, тот для самого себя, а кто творил злое, тоже против себя». Немощным, нуждающимся (сироты, вдовы, старики, больные, умалишенные) ислам установил получать средства из «закята». Так, в Конституции Иордании 1952 г. [11, с. 341] закреплено, что ислам является религией государства (ст. 2). Во второй главе Конституции регламентированы права и обязанности граждан Иордании. Провозглашается право на труд, но никто не может привлекаться к принудительному труду, и тут же делается оговорка, что принудительный труд разрешен в случае необходимости (война, возникновение опасности в стране, пожар, наводнение, голод, землетрясение, эпидемия людей и животных и др.). Конституцией провозглашена свобода религии и вероисповедания, но с оговоркой, что «государство обеспечивает свободное осуществление всех форм вероисповедания и религиозных обрядов в соответствии с обычаями, соблюдаемыми в королевстве, если это не противоречит общественному порядку или нравственности» (ст. 14). Это объясняется тем, что ислам является официальной государственной религией. В Конституции Иор-

дании не декларируются права на равенство всех иорданцев перед законом. Лишь в статье 6 говорится об отсутствии дискриминации в правах и обязанностях по полу, языку или религии. Статьи о правах и обязанностях сформулированы очень кратко.

Важно подчеркнуть, что в арабских странах обычно статьи конституции, закрепляющие правовой статус личности, объединены в единые главы. Вместе с тем положения, касающиеся правового статуса личности, могут быть распределены по различным разделам. В частности, основы избирательного права и избирательной системы могут быть включены в разделы о порядке формирования высших выборных органов власти и местного самоуправления, как и вопросы функционирования политических партий или других массовых общественных организаций [19, с. 48].

Разделы или главы конституций арабских государств о правах и свободах именуется по-разному, например в Конституции Ливана 1926 г. «Граждане Ливана, их права и обязанности», а в Конституциях Сирии, Кувейта, Египта «Публичные права и обязанности» [11, с. 310, 520]. При этом имеется ряд конституций, в которых содержится непосредственное указание на обязанности. К ним относятся Конституции Омана, Иордании, Саудовской Аравии, Мавритании. В то же время в Конституции Алжира выделена глава «Права и свободы», а также имеется отдельная глава «Обязанности»

[12, с. 432]. Как справедливо отмечает Р. Хуннов, «в Конституциях арабских стран довольно четко прослеживается преобладающее положение государства над личностью, фактический примат высших органов государственной власти. Разумеется, в этих условиях говорить о наличии в арабских странах развитого гражданского общества было бы неверно. Верховенство государства по отношению к личности прямо определяет специфические черты правового статуса гражданина. Несмотря на то, что конституции арабских государств даже в преамбулах декларируют приверженность принципам демократии, социальной справедливости, международным стандартам прав и свобод человека, иногда даже со ссылкой на международные документы (например, Всеобщую декларацию прав человека), тем не менее ни эти принципы, а прямое господство государственной власти над личностью определяет конституционный статус человека в арабских странах» [20, с. 27-29].

Хотелось бы отметить, что в целом мусульманское право оказало глубокое влияние на историю развития права целого ряда стран Востока, а имеющиеся главы или разделы о правах и свободах граждан в конституциях арабских стран «по воле Аллаха» записаны весьма лаконично, формулировки очень краткие, без детализации. Следовательно, главное в мусульманском праве – не сами права личности, а обязанности перед Аллахом.

Литература

1. Андреева Г.Н. Конституционные изменения в Словакии (Реферативный обзор) // Конституционное право: новейшие зарубежные исследования: сб. науч. тр. М., 2005.
2. Билль о правах // Русский орфографический словарь: ок. 180 000 слов / отв. ред. В.В. Лопатин. М., 2004.
3. Головистикова А., Грудцына Л. К вопросу о системе конституционных принципов основных прав, свобод и обязанностей человека в РФ // Право и жизнь. 2007. № 5.
4. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.
5. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 1991.
6. Исмаилов Б.И. Конституционно-правовой статус личности в странах арабского востока / Конституционно-правовой статус личности в странах арабского востока // URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum5770/print5771.html>.
7. Киричк Е.В. Становление и развитие прав и свобод человека и гражданина: философско-правовое измерение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2 (16).
8. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Принципы правового статуса человека и гражданина // Конституционное право России. М., 2010.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2014.
10. Конституционный контроль: доктрина и практика: мат-лы междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституционного Суда РФ. Санкт-Петербург, 28-29 окт. 2011 г. / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2012.

11. Конституции государств Азии / отв. ред. и рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева. М., 2013.
12. Конституции государств Среднего и Ближнего Востока. М., 1996.
13. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. М., 2009.
14. Лукашева Е.А. Правовой статус человека и гражданина // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011.
15. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств. Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
16. Невинский В.В. Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти: избр. науч. труды. М., 2012.
17. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 2010.
18. Права человека накануне XXI века. М., 1994.
19. Рахманов А.Р. Исламское право. М., 2003.
20. Хунов Р. Особенности конституционного статуса личности в исламском праве // Право и жизнь. 2003. № 5.
21. Эбзеев Б.С. Советское государство и права человека. Конституционные вопросы / под. ред. И.Е. Фарбера. Саратов, 1986.

УДК 347.98

*А.С. Смыкалин, доктор юрид. наук, профессор
Уральский государственный юридический университет*

ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНЫХ СИСТЕМ XIX-XXI ВВ. В РОССИИ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

В статье рассматривается судебная реформа 1864 г. и ее реализация, институт судебных заседателей и судебных поверенных, глубокому анализу подвергнут судебный устав 1964 г., проводятся параллели в развитии современных судебных реформ в России.

Ключевые слова: судебная реформа, судебные уставы, сенат, манифест, законодательная база, мировые суды, общие судебные места, окружной суд, судебная палата.

*A.S. Smikalin, Ph.D (Doctor of Juridical Sciences), professor
Ural State Law Academy*

HISTORICAL AND COMPARATIVE ANALYSIS OF THE JUDICIAL SYSTEMS OF THE XIX-XXI CENTURIES IN RUSSIA

The article discusses the judicial reform of 1864 and its implementation, Institute for judges and court attorneys, analysis in-depth subjected to judicial Charter of 1964, Parallels in the development of modern judicial reforms in Russia found.

Key words: judicial reform, legal statutes, senate, manifest, legislative framework, magistrates' courts, General court designated, district court, trial chamber.

2014 год – юбилейный год для тех, кто занимается историко-правовыми исследованиями. Ровно 150 лет назад были приняты так называемые Судебные Уставы 1864 г., которые кардинально изменили существующую систему судостроительства и судопроизводства в России. Каковы же были причины принятия этих важных нормативных актов, получивших название в исторической науке «Судебная реформа 1864 г.»?

Судебная реформа 1864 г. занимает особое место в истории развития российского судостроительства и судопроизводства. В ее основе лежат серьезные экономические и политические изменения, произошедшие в стране во второй половине XIX в. и приспособившие ее к условиям буржуазного, капиталистического развития.

К середине XIX в. различные рычаги государственной машины самодержавия стали явно обнаруживать свою негодность, но ни один из органов государственного аппарата не

находился в столь скверном состоянии, как судебная система.

Дореформенный суд основывался на законодательстве Петра I и Екатерины II, а в отдельных случаях использовались даже нормы Соборного Уложения 1649 г. При систематизации русского права М.М. Сперанским старое законодательство о судебной системе вошло в книгу 2 тома XV Свода законов Российской империи. Как отмечал А.Ф. Кони, получалось «бесвязное собрание самых разновременных постановлений, механически сливавшихся воедино: Уложение царя Алексея Михайловича, указы Петра и, как выразился в 1935 г. Государственный совет, «виды правительства», обнародованные в 1784, 1796, 1823 гг.» [4].

До реформы 1864 г. структура судебной системы была сложной и запутанной. Суд строился по сословному принципу. Кроме того, существовало множество специальных судов – воен-

ных, духовных, коммерческих, совестных, межевых и иных. Судебные функции отправляли и административные органы – губернские правления, органы полиции и др. Другой порок дореформенного суда – взяточничество, которое приобрело чудовищный, всепоглощающий размах. Попытки правительства бороться с ним не давали никаких результатов, т.к. оно охватило весь государственный аппарат.

Закон не устанавливал для судей образовательного ценза, не только юридического, но и общего. Даже в Сенате, по данным на 1841 г., числились лишь шесть человек с высшим образованием [3]. Обычным явлением была волокита, некоторые дела рассматривались десятилетиями. Так, в 1844 г. в уездном суде было начато дело о краже мелкой монеты на сумму 115 тыс. рублей, а закончено оно было лишь в 1865 г. [3].

В суде господствовала следственная (инквизиционная) форма судопроизводства. Процесс проходил при закрытых дверях, в глубокой тайне. Принцип письменности предполагал рассмотрение дела не на основе непосредственного устного допроса обвиняемого и свидетелей, а на основании рассмотрения письменных материалов, полученных во время следствия. Да и доказательства оценивались по формальной системе. Их сила и достоверность заранее определялись законом, который твердо делил их на совершенные и несовершенные. Среди совершенных доказательств лучшим считалось признание самого обвиняемого [9]. Для его получения широко применялась пытка, запрещенная в 1801 г., но на практике просуществовавшая в течение всей первой половины XIX в. О презумпции невиновности не было и речи: при недостаточном количестве улик суд не выносил обвинительный или оправдательный приговор, а оставлял подсудимого под подозрением.

В Манифесте о вступлении на престол императора Александра II была выражена воля государя, чтобы «правда и милость царствовала в судах». Это пожелание, как отмечали современники реформы, отвечало потребности государства, «изнемогавшего под бременем невероятного расстройств правосудия» [7].

В реформе суда были заинтересованы все слои общества, а главное – правящий класс. Таким образом, судебная реформа стала следствием и так называемого кризиса верхов, результатом осознания правящей верхушкой необходимости создания эффективного механизма защиты личности и собственности. Кроме того, сторонниками изменений выступали сам император

Александр II и его брат Константин Николаевич, который придерживался еще более радикальных взглядов [9].

История подготовки судебной реформы уходит своими корнями в первую половину XIX в.

В 1803 г. М.М. Сперанский предложил широкую программу усовершенствования судебной системы, которая позднее получила развитие во «Введении к Уложению государственных законов» 1809 г. В 1821 и 1826 гг. он возвращался к проектам судебных преобразований. Однако правительства Александра I и Николая I их отвергли, поскольку эти проекты, пусть и весьма робко, предлагали реализацию некоторых буржуазных принципов. Кроме того, судебные преобразования нельзя было провести изолированно, без решения коренных вопросов общественной жизни, в первую очередь – крестьянского вопроса. Как известно, Александр I и Николай I были противниками отмены крепостного права. Поэтому буржуазные принципы равенства всех собственников перед законом, лежащие в основе усовершенствования судебной системы Сперанского, оказались неприемлемы и преждевременны для крепостнической России, где более 50% населения находилось в условиях рабства и зависело не от закона, а от воли и произвола помещиков [9].

Летом 1857 г. Александр II повелел представить в Государственный совет проект Устава гражданского судопроизводства, родившийся в недрах II Отделения царской канцелярии. К проекту прилагалась пояснительная записка начальника II Отделения графа Д.Н. Блудова (1785-1864). В проекте предлагалось ввести принцип состязательности процесса, сократить количество судебных инстанций и обратить внимание на качество подготовки и подбора кадров судебной системы. Проект Устава вызвал неоднозначную реакцию, разделив высшее чиновничество на две основные группы – либералов и консерваторов. Первые желали существенной перестройки судостроительства и судопроизводства, вторые – лишь незначительных изменений. Консерваторы и прежде всего сам Блудов не хотели следовать западноевропейским образцам и вводить принципы устности, гласности, равенства сторон в процессе, учреждать адвокатуру. За 1857-1861 гг. II Отделение подготовило и представило в Государственный совет 14 законопроектов, предлагавших те или иные изменения в структуре судебной системы и судостроительстве. Материалы судебной реформы составили 74 объемных тома.

Работа особенно активизировалась после отмены крепостного права. В октябре 1861 г. подготовка документов о судеустройстве и судопроизводстве была передана из II Отделения в Государственную канцелярию. Образовалась специальная комиссия, в которую вошли виднейшие юристы России: А.Н. Плавский, Н.И. Стояновский, К.П. Победоносцев и др. Фактически возглавлял ее статс-секретарь Государственного совета С.И. Зарудный – крупный специалист по гражданскому праву и процессу. Эта комиссия, состоявшая в основном из единомышленников, пошла по пути, противоположному блудовскому. За основу ею была взята общая теория буржуазного судеустройства и судопроизводства и практика западноевропейского законодательства. Принимая в расчет российскую действительность и традиции, реформаторы старались доказать, что буржуазные институты, например суд присяжных и адвокатура, ни в коей мере не подрывают основы самодержавия.

Результатом работы комиссии стали «Основные положения преобразования судебной части в России». В апреле 1862 г. этот документ был передан императором на рассмотрение в Государственный совет, а 29 сентября 1862 г. утвержден им и опубликован в печати. Одновременно с обнародованием «Основных положений» покинул пост министра юстиции граф В.Н. Панин, который еще 18 февраля 1860 г. был временно освобожден от управления Министерством по случаю назначения его председателем Редакционной комиссии. Высочайшим указом от 21 октября 1862 г. министром юстиции назначен товарищ министра, сенатор, тайный советник – Дмитрий Николаевич Замятин.

Законодательная база

На базе «Основных положений преобразования судебной части в России» были подготовлены четыре закона, утвержденные императором 20 ноября 1864 г.: «Учреждение судебных установлений», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Судебная реформа в корне изменила судеустройство, процессуальное и отчасти материальное право Российской империи. Судебные уставы строились в соответствии с процессуальными и организационными формами буржуазных государств и провозглашали буржуазные по своему характеру принципы: отделение судебной власти от законодательной, исполнительной и

административной; закрепление принципа независимости и несменяемости судей; устность, гласность, состязательность судопроизводства; презумпция невиновности и равенство всех перед законом.

Вводились всесловный суд и институт присяжных заседателей в окружных судах (для рассмотрения уголовных дел); была учреждена адвокатура; реорганизована прокуратура, освобожденная от функций общего надзора и сосредоточившаяся на работе в суде; создан выборный мировой суд для рассмотрения малозначительных дел; учрежден институт судебных следователей, независимых от полиции.

Две судебные системы: местные и общие суды

Кардинальные изменения в системе судеустройства России нашли отражение в «Учреждении судебных установлений» (ст. 1-420). Вместо сложной и громоздкой структуры сословных судов были организованы две судебные системы: местные и общие суды.

К местным судам относились мировые судьи и съезды мировых судей в качестве второй (апелляционной) инстанции. Сюда же вошли созданные в 1861 г. волостные суды, которые разбирали дела крестьян по маловажным проступкам, если в них не были заинтересованы лица других сословий и если эти деяния не подлежали рассмотрению общих судов.

К общим судам были отнесены окружные суды и судебные палаты в качестве апелляционной инстанции. Возглавлял эту систему Сенат – единственная кассационная инстанция для всех судов Российской империи.

Статья 1 «Учреждения» закрепляла принцип осуществления правосудия только судом и провозглашала отделение судебной власти от административной. Новые судебные органы были призваны рассматривать уголовные и гражданские дела всех подданных империи, к какому бы сословию они ни принадлежали (правда, примечание к ст. 2, которая провозглашала всесловность и равенство всех перед законом, оставляло в неприкосновенности духовные, военные, коммерческие, крестьянские (волостные) и инородческие суды, т.е. фактически сохраняло сословную юстицию – это положение подвергалось резкой критике).

Деятельность судов строилась на началах коллегиальности, при этом исключение составляли только мировые судьи, рассматривавшие дела единолично (ст. 3). Дела рассматривались не более чем в двух инстанциях, пространство деятельности каждой инстанции определялось довольно четко. Судебные органы выстраива-

лись исходя из значимости рассматриваемых ими дел: мировая юстиция предназначалась для малозначительных дел; общие суды – для дел, не ограниченных ни тяжестью преступления, ни ценой гражданского иска. Сокращение числа судебных инстанций и разграничение их компетенции значительно ускорило процесс судопроизводства.

Мировой суд

Эта судебная инстанция создавалась в уездах и городах и предназначалась для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел.

Мировые суды были выборными органами. Но выбирало их не население, а уездные земские собрания, в столицах же – городские думы. После избрания состав мировых судей утверждался Сенатом. Так же, как судьи в общих судах, мировые судьи пользовались правом несменяемости в течение трехлетнего срока, т.е. не могли быть уволены или переведены из одной местности в другую без собственного согласия; временное отстранение судей от должности могло иметь место только в случае предания их суду вследствие совершенного преступления, установленного приговором уголовного суда, вступившим в законную силу.

Должность мирового судьи состояла в высоком пятом классе Табели о рангах. Мировой судья имел особый знак отличия – золотую цепь с аллегорическим символом закона, которую возлагал на себя во время исполнения обязанностей. Законом устанавливался особый порядок замещения должности мирового судьи. Наряду с общими условиями для поступления на судебную службу (российское подданство, возраст не ниже 25 лет, мужской пол, нравственная безупречность) к претендентам предъявлялись и другие требования. В частности, мировым судьей мог стать только местный житель: закон выдвинул это условие, чтобы создать авторитетную власть, хорошо знакомую с местными нравами, обычаями и людьми.

Впрочем, понятие местного ценза трактовалось весьма широко. Так, от претендента не требовалось проживание во время выборов или в течение определенного предвыборного периода не только в том уезде, но даже в той губернии, где баллотировалась его кандидатура. Обязанность стать местным жителем возникала как следствие избрания кандидата на должность мирового судьи. Тогда с согласия мирового съезда он определял постоянное место пребывания в своем участке и должен был находиться в нем безотлучно [14].

Чтобы стать избранным мировым судьей, следовало обладать и образовательным цензом, предполагавшим наличие высшего или среднего образования либо наличие трехлетнего стажа работы, преимущественно по судебной части. Важным требованием, кроме того, был имущественный ценз в размере не менее 400 десятин земли (при отсутствии земли лицо, претендующее на избрание мировым судьей, должно было иметь другую недвижимость на сумму: в уездах – не ниже 15000 руб., в столицах – 6000 руб., в прочих городах – 3000 руб.).

Статья 19 «Учреждения» предоставляла возможность баллотироваться в мировые судьи и тем, кто сам не являлся собственником, однако его жена или родители обладали землей или недвижимостью в количестве, указанном в законе.

Поскольку, учреждая мировой суд, законодатель намеревался создать надежного посредника при разрешении мелких споров, возникающих между подданными империи, мировой судья должен был пользоваться непререкаемым уважением и авторитетом среди населения.

Мировые судьи делились на две категории: участковые и почетные.

Участковые мировые судьи считались основными органами мировой юстиции и осуществляли правосудие на своем участке, где находились их камеры. В отличие от почетных, участковые мировые судьи получали жалование и определенные суммы на наем письмоводителя, рассыльного и прогоны. Они не имели права занимать должности в государственных и общественных учреждениях, поскольку обязаны были безотлучно пребывать в участке и постоянно выполнять возложенные на них обязанности.

Почетные мировые судьи вводились для облегчения исполнения многочисленных обязанностей участкового мирового судьи. Они не имели своих камер, могли занимать государственные и общественные должности и не получали содержания, все расходы по выполнению судебных функций оплачивая из собственных средств.

Почетные мировые судьи рассматривали дела в случае отсутствия или болезни участковых судей, а также по просьбе тяжущихся сторон (либо если об этом просил потерпевший, а обвиняемый не настаивал на рассмотрении дел участковым судьей).

При рассмотрении дел почетные мировые судьи пользовались такими же правами, как и участковые.

Закон четко определял юрисдикцию, подсудность мировых судов.

Согласно ст. 33 «Устава уголовного судопроизводства» мировым судьям были подсудны малозначительные уголовные дела и проступки: о кражах предметов ценю до 300 рублей, лесных порубках, присвоении найденного имущества. За совершение этих деяний виновный мог подвергнуться следующим наказаниям: выговор, замечание и внушение; денежное взыскание не выше 300 рублей; арест не свыше трех месяцев; заключение в тюрьме не свыше одного года [10].

Статья 29 «Устава гражданского судопроизводства» определяла гражданскую подсудность мировых судов: иски по личным обязательствам и договорам, иски о движимости ценю не свыше 500 рублей; иски о возмещении ущерба и убытков на сумму не свыше 500 рублей; иски о личных обидах и оскорблениях; иски о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более шести месяцев [10]. Споры о праве собственности на недвижимое имущество были изъяты у мировых судей и рассматривались в общих судах (ст. 12 Устава).

Съезды мировых судей

Участковые и почетные мировые судьи единолично рассматривали подсудные им дела и единолично выносили приговоры и решения. Стороны, недовольные решением мирового судьи, могли подать апелляционную жалобу в мировой съезд – вторую инстанцию мировой юстиции.

Апелляция – одна из форм обжалования судебных приговоров и решений, при которой вышестоящий суд (в данном случае съезд мировых судей) пересматривал по существу дело нижестоящего суда (в данном случае мирового судьи) с полным рассмотрением заново представленных доказательств и вызовом сторон.

Мировые судьи собирались в назначенные сроки для рассмотрения апелляционных жалоб и протестов. Съезд состоял из всех мировых судей округа и председателя, который избирался из участковых судей на съезде на три года. Заседания требовали участия не менее трех мировых судей округа. Дела на съезде решались коллегиально.

Приговоры мирового съезда были окончательными и могли быть пересмотрены только в кассационном порядке в департаментах Сената в тех случаях, когда в мировых судах были нарушены существенные правила судопроизводства или неверно применены нормы материального права.

Общие судебные места: окружной суд и судебная палата

Для рассмотрения уголовных и гражданских дел, выходивших за пределы компетенции мировых судов, создавались общие судебные места, состоявшие из двух судебных инстанций:

1) окружного суда – одного в судебном округе, включавшем несколько уездов;

2) судебной палаты, действовавшей в пределах одной или нескольких губерний и объединявшей значительное количество судебных округов.

Общие суды являлись коллегиальными органами. Председатели и члены как окружных судов, так и судебных палат назначались императором по представлению министра юстиции.

Окружные суды считались судами первой инстанции по всем уголовным и гражданским делам, выходящим за пределы компетенции мировых судов. И только в особых случаях – по государственным и должностным преступлениям – их обязанности выполняли судебные палаты.

В качестве второй инстанции для окружных судов учреждались судебные палаты. Они создавались в каждом округе, состоявшем из губерний, и разделялись на два департамента – по гражданским и уголовным делам. Председатели и члены департаментов назначались императором по представлению министра юстиции. Общим собранием департаментов судебной палаты руководил один из председателей департаментов, называвшийся старшим председателем. Судебная палата стала апелляционной инстанцией по делам окружных судов, рассмотренных без участия присяжных заседателей. Кроме того, она была первой инстанцией для рассмотрения государственных, а также должностных преступлений. В последнем случае рассмотрение дел в судебной палате осуществлялось при участии коронного суда и сословных представителей, в состав которых входили: губернский и уездный предводители дворянства; городской голова губернского города; волостной старшина волости, в которой находилась судебная палата.

Сословные представители наравне с членами палаты участвовали как в определении вины или невинности подсудимого, так и в постановлении приговора. Такой суд был надежным орудием защиты интересов господствующего класса в условиях обострившейся классовой борьбы.

Сенат

Верховным кассационным судом для всех местных и общих судов Российской империи являлся Сенат. Он делился на два департамента по отраслям права – уголовно-кассационный и гражданско-кассационный.

Каждый из кассационных департаментов Сената состоял из определенного числа сенаторов, один из которых назначался первоприсутствующим. Весь состав департаментов назначался императором по представлению министра юстиции.

В задачу Сената входил пересмотр дел только в тех случаях, когда нарушались существенные правила судопроизводства, неправильно применялся закон или открывались об-

стоятельства, обнаруживающие невинность осужденного.

Еще в период подготовки реформы Государственная канцелярия указывала на то, что Сенат не должен рассматривать апелляционные жалобы «на неправильное уразумение обстоятельства дела и доказательства» [1]. Таким образом, в Сенате было сосредоточено верховное наблюдение за единообразным и грамотным применением закона.

Литература

1. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
2. История государства и права России: учебник / под общ. ред. В.Е. Рубанюка. М.: Юрайт, 2012.
3. История государства и права СССР: учебник / под ред. Ю.П. Титова. М., 1988.
4. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России. М., 1967. Т. 4.
5. Конституция Российской Федерации (государственные символы России). Новосибирск: Изд-во «Норматика», 2014.
6. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX в. – первая половина XX в. Саратов, 1999.
7. Отчет Министерства юстиции за сто лет. 1801-1901 гг. (Исторический очерк). СПб., 1902.
8. Попова А.Д. Деятельность пореформенной судебной системы // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1999. № 5.
9. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 4.
10. Сборник документов по истории государства и права СССР: Досоветский период. Свердловск, 1987.
11. Смыкалин А.С. История становления и развития нотариата на Среднем Урале XVIII-XX вв. М., 2007.
12. Смыкалин А.С. История судебной системы России. М.: Юнити-Дана, 2010.
13. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. 1914. Т. 2.
14. Шаркова И.Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 9.

УДК 342.8

Д.А. Шапоров, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: shaporevda@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ ПУТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Статья посвящена изучению способа распределения депутатских мандатов между партийными списками в зависимости от количества голосов избирателей, полученных партиями на выборах.

Ключевые слова: выборы, избирательная система, политическая партия.

D.A. Shaporev, Ph.D. (Candidate of Historical Sciences),
assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: shaporevda@mail.ru

MODERN ELECTORAL SYSTEM: ISSUES, FINDING WAYS OF IMPROVEMENT

The article is devoted to studying distribution method of deputy's seats between party lists depending on the number of votes of electors received by the parties for election.

Key words: elections, elections system, political party.

В учебной и научной литературе термин «избирательная система» употребляется обычно в двух значениях – широком и узком.

В широком смысле избирательная система представляет собой совокупность правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений, связанных с выборами. Круг этих отношений весьма широк и разнообразен. К отношениям такого рода относят отношения, связанные с регистрацией и составлением списка избирателей, созданием избирательных участков и округов, избирательных органов и т.д. Это отношения, складывающиеся на каждой стадии избирательного процесса вплоть до его завершения. Избирательная система регулируется нормами избирательного права, понимаемого как система правовых норм, представляющая собой, с одной стороны, конституционно-правовой институт, с другой – подотрасль конституционного права. Тем не менее не вся избирательная система регулируется правовыми нормами. В ее состав входят также отношения, регулируемые корпоративными

нормами (уставами политических общественных объединений и др.), а также обычаями и традициями конкретного общества.

Избирательная система в узком смысле представляет собой способ распределения мандатов между кандидатами или партиями (партийными списками) в зависимости от итогов голосования. В этой связи различают несколько разновидностей избирательных систем: мажоритарная, пропорциональная, смешанная и т.д.

При этом, в зависимости от использования конкретной разновидности избирательной системы, результаты распределения мандатов могут быть разными, несмотря на одни и те же итоги голосования. В этой связи политические силы нередко борются между собой за установление более выгодной для себя избирательной системы.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. прозвучал тезис о целесообразности возвращения к выборам по одномандатным округам. Этот призыв Президента стал поводом для очередного

этапа поиска наиболее эффективной модели избирательной системы в России. Ранее (в 2007 и 2011 гг.) нижняя палата российского парламента формировалась исключительно с использованием пропорциональной избирательной системы, при которой депутатские мандаты распределялись только между списками кандидатов от политических партий, участвовавших в избирательной кампании. Чем продиктовано возвращение к прежней модели формирования представительных органов в данной ситуации и будет ли она рациональной, попытаемся рассмотреть на примере избирательной системы Алтайского края.

Как известно, в Алтайском крае выборы проходят по смешанной избирательной системе, включая элементы мажоритарной и пропорциональной систем. Согласно ст. 152 Кодекса Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов и выборных должностных лиц от 8 июля 2003 г. № 35-ЗС депутаты представительных органов местного самоуправления в соответствии с уставами муниципальных образований избираются на основе мажоритарной системы по одномандатным и (или) многомандатным избирательным округам, образуемым на основе средней нормы представительства избирателей [2]. Однако распределение мандатов по одномандатному избирательному округу на территории г. Барнаула осуществлялось не на основе мажоритарной системы, а по принципам пропорциональной избирательной системы по методу Империяле. Данное положение внесено в Кодекс Алтайского края и закреплено в законе «О внесении изменений в Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов» от 12 марта 2010 г. № 16-ЗС [3].

В соответствии с установленными нормами 14 октября 2012 г. в Алтайском крае состоялись выборы глав муниципальных образований и депутатов представительных органов городских округов и муниципальных районов. В муниципальных районах и городских округах выборы проходили по смешанной избирательной системе, что предполагало участие в них политических партий и самостоятельных кандидатов. По данным Управления Министерства юстиции РФ, в Алтайском крае по состоянию на 01.10.2012 было зарегистрировано 29 региональных отделений политических партий [6].

Семь политических партий существовало до либерализации партийного законодательства, в частности «Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Яблоко», «Патриоты России», «Правое дело».

Первые четыре партии являются парламентскими и имеют своих представителей в Государственной Думе и Алтайском краевом Законодательном Собрании. Именно эти партии имеют реальную политическую силу и могут реально бороться за места в представительных органах Барнаула и края, выдвигать кандидатов с реальными претензиями на власть на пост губернатора Алтайского края.

На момент проведения выборов ведущей политической силой в Алтайском крае являлось региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия». В регионе были созданы и осуществляли свою деятельность 73 местных отделения партии, включающие 1 262 первичных отделения. На учете в региональном отделении партии состояло 28 тыс. членов партии. Второй по численности политической партией являлось региональное отделение «Справедливой России». Численность членов партии составляла свыше 8,9 тыс. человек, было создано 75 местных отделений. Численность регионального отделения ЛДПР составляла 6,5 тыс. человек, создано 76 местных отделений. В то же время численность регионального отделения КПРФ составляла 3 тыс. человек, было создано 70 местных отделений. Здесь, конечно, необходимо учитывать, что полученные данные в действительности значительно завышены, т.к. получены от самих партий [6].

В то же время в связи с партийной реформой на федеральном уровне обозначились 200 оргкомитетов по созданию новых политических партий.

На конец 2012 г. в крае появилось более 50 новых зарегистрированных региональных отделений политических партий, в частности «Народная партия "За женщин России"», «Партия Социальных Сетей», «Аграрная партия России» и т.д. Названия данных партий выглядят очень необычно, некоторые фактически повторяют друг друга. Так, например, на федеральном уровне действуют оргкомитеты по созданию «Партии любви», «Партии любителей пива», «Деревенской партии», политической партии «Против всех», «Пиратской партии России», «Партии садоводов и дачников», партии «Россия без мракобесия» и многие другие. У данных непарламентских партий небольшое количество активистов на местах, основной их ресурс сосредоточен в Барнауле [6]. К тому же их деятельность не оказывает значительного воздействия на людей, и они не влияют на общественно-политическую обстановку, но тем не менее участие в выборах в Барна-

ульскую гордому выступало залогом их дальнейшего существования.

Рассмотрим действовавший механизм распределения мандатов пропорциональной избирательной системы на примере выборов в Барнаульскую городскую Думу.

Всего в городской Думе 40 мандатов, 20 депутатов избирались по партийным спискам, другие 20 – по одномандатным округам [7]. Для того чтобы партия приняла участие в распределении депутатских мандатов, ей необходимо набрать не менее 5% голосов избирателей. Таким образом, от «Единой России» зарегистрировано 20 кандидатов по одномандатным округам, 82 кандидата – по муниципальному списку. Общегородская часть: И. Савинцев, Д. Бессарабов, М. Ермоленко. От «Справедливой России» зарегистрировано 19 кандидатов по одномандатным округам, 73 – по спискам. Общегородская часть: депутат Государственной Думы А. Терентьев, В. Банщиков, Д. Аганов. КПРФ представила 17 кандидатов по одномандатным округам, 56 – по спискам. Общегородская часть: партийные секретари А. Сартаков, А. Барсуков. У ЛДПР – 18 по одномандатным округам, 62 – по спискам. Общегородская часть: депутат АКЗС А. Щукин, Е. Боровикова, А. Скосырский. От Республиканской партии России зарегистрированы 6 депутатов по округам, 19 – по списку. Во главе списка – В. Рыжков, К. Емешин, С. Мамаев, В. Рау, О. Фотиева. Таким образом, на 40 мандатов претендует более 490 кандидатов [6].

По результатам выборов 14 октября 2012 г. наибольшее количество голосов получила партия «Единая Россия», набравшая 50,17%. На втором месте – представители Коммунистической партии Российской Федерации с результатом 16,57%. «Справедливая Россия» получила 11,09%, Либерально-демократическая партия России – 7,84% голосов избирателей. Также необходимый пятипроцентный барьер преодолело Алтайское краевое отделение политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы» («РПР-Парнас»), получив 5,44% голосов избирателей. Так, из 20 мандатов, распределяемых по результатам выборов по пропорциональной системе, 12 получили представители «Единой России», 4 – Коммунистической партии, 2 мандата получили представители политической партии «Справедливая Россия», по 1 мандату у Либерально-демократической партии России и «РПР-Парнас» [6].

Таким образом, используемый здесь метод Империяле (другими словами, «метод делителей») дает преимущества партиям, набравшим наибольшее количество голосов, т.е., если сравнивать вновь введенный метод Империяле и ранее имевший место метод Т. Хэйра с использованием дополнительного способа распределения мандатов «наибольшего остатка», то «Единой России» при распределении 20 мандатов по партийным спискам достанется 2 дополнительных мандата, КПРФ, чтобы заслуженно получить доставшиеся 4 мандата, требуется набрать еще 3,34% голосов. Следовательно, данная система предусматривает существенный перевес в пользу лидирующих партий. Партия «Справедливая Россия» недосчиталась 1,09%, ЛДПР – 2,84% голосов, а у «РПР-Парнас» не учли 0,44% голосов избирателей при распределении депутатских мандатов.

На основании вышеуказанных обстоятельств можно сделать следующий вывод. С одной стороны, используемая система распределения мандатов имеет свои плюсы. В частности, безусловным достоинством используемой избирательной системы является формирование представительного органа по смешанной системе при участии кандидатов в депутаты независимых от партийного членства, имеющих возможность баллотироваться в одномандатных избирательных округах, что, безусловно, является позитивным фактором, повышающим уровень народного представительства в избираемом органе власти; отсеивание небольших партийных фракций в представительном органе с помощью применения новой системы распределения депутатских мандатов в многомандатных округах позволит мобильнее принимать властные решения и не тратить время на различного рода согласительные процедуры по рассматриваемым вопросам.

С другой стороны, данный способ распределения мандатов не является идеальным, потому что в данном случае может произойти нарушение принципа справедливого распределения мандатов. Партии, набравшие небольшое количество голосов, могут не получить возможность провести в представительный орган власти своих однопартийцев. В силу этих причин оппозиция будет иметь ограниченные возможности должным образом влиять на принятие решений муниципальных органов власти; к тому же разделение края на 10 региональных групп не увеличит присутствие районных кандидатов. Наоборот, партии, набравшие большинство голосов избирателей, будут

бороться и за одномандатные округа, и за мандат по округу, тем более появляется и система так называемых «паровозов», когда в предста-

вительный орган попадают те депутаты, которые выгодны партии, а не те, за которые проголосовало большинство граждан.

Литература

1. Грудинин Н.С. Проблемы модернизации избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26).

2. Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов и выборных должностных лиц от 08.07.2003 № 35-ЗС: принят постановлением АКСНД от 03.07.2003 № 232 (ред. от 26.05.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 07.12.2012 № 98-ЗС (ред. от 26.05.2014): принят постановлением АКЗС от 05.12.2012 № 611. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 12.03.2010 № 16-ЗС: принят постановлением АКЗС от 04.03.2010 № 124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Сайт избирательной комиссии муниципального образования город Барнаул. URL: <http://barnaul.org/vlast/izbirkom/>.

6. Сайт избирательной комиссии субъекта федерации Алтайский край. URL: <http://www.altai-terr.izbirkom.ru/>.

7. Устав городского округа – города Барнаула Алтайского края: принят Решением Барнаульской городской Думы от 20.06.2008 № 789 (ред. от 03.06.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Административное право и административный процесс

УДК 351.74:342.9

Ф.П. Васильев, доктор юрид. наук, доцент

Академия управления МВД России

e-mail: vasilev17@mail.ru;

А.В. Николаев

Академия управления МВД России

e-mail: nikola06061981@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В данной статье авторами рассматриваются вопросы, касающиеся предоставления государственных услуг физическим и юридическим лицам органами внутренних дел.

Ключевые слова: государственная услуга, муниципальная услуга, закон, физическое лицо, юридическое лицо.

F.P. Vasilyev, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Academy of Management of the Interior Ministry of Russia

e-mail: vasilev17@mail.ru;

A.V. Nikolaev

Academy of Management of the Interior Ministry of Russia

e-mail: nikola06061981@mail.ru

REVISITING THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES BY THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

In this article the authors consider the questions relating to the provision of public services to individuals and legal entities by the internal Affairs bodies.

Key words: public service, municipal service, law, natural person, legal person.

Любой участник правоотношения в обществе обязательно взаимодействует с другими участниками, обращаясь за содействием в разрешении тех или иных жизненно необходимых вопросов (например, к должностному лицу, обладающему полномочиями или обязанностями в связи с выступлением им от имени субъекта государственного органа, на которого возложены обязанности по предоставлению услуг).

До июля 2010 г. вопросы регулирования и толкования государственных услуг в России осуществлялись как в законодательном, так и в ведомственном порядке. Вопросы оказания услуг обсуждались в постановлениях Правительства России и иных органов, издавались множественные нормативные акты, в т.ч. и ведомственные. Это связывается с тем, что каждый федеральный орган исполнительной власти, издавая свой ведомственный нормативный акт по вопросам ока-

зания тех или иных государственных услуг юридическим и физическим лицам, подходил с ведомственных позиций.

В целях урегулирования возникающих вопросов по предоставлению услуг как юридическим, так и физическим лицам Президентом и Правительством России было принято решение о создании регламентов. Так, был издан Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Указанный Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг всеми федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия.

В настоящее время вопросы оказания государственных услуг – это окончательно налаженная государственная политика в области исполнения государственных функций и предоставления услуг участникам правоотношения на территории страны.

Так, Министерство внутренних дел Российской Федерации, являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, также осуществляет государственную функцию и предоставляет государственные услуги физическим и юридическим лицам.

Государственная услуга органов внутренних дел Российской Федерации – это деятельность органов внутренних дел РФ по исполнению запроса или требования юридических и физических лиц о признании, установлении, изменении или прекращении их прав, а также получении определенных объектов для их реализации в случае и в порядке, предусмотренном нормативно-правовыми актами, установлении юридических фактов или предоставлении информации по вопросам, входящим в компетенцию территориальных органов внутренних дел Российской Федерации и включенным в Реестр государственных услуг.

Административный регламент – нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления органами внутренних дел Российской Федерации государственной услуги. Именно административные регламенты спо-

собствовали совершенствованию вопросов государственного управления в области оказания услуг.

Совместный административный регламент – нормативный правовой акт, изданный двумя и более федеральными органами исполнительной власти в целях своевременного (оперативного) предоставления определенного вида государственной услуги (исполнения функции) физическим и юридическим лицам.

Частью административного регламента государственной функции, связанной с оказанием государственной услуги, осуществляемой органами внутренних дел Российской Федерации, является стандарт государственной услуги.

Стандарт государственной услуги – обязательные для исполнения правила, возложенные на органы внутренних дел Российской Федерации, устанавливающие в интересах получателя государственной услуги (физическое или юридическое лицо) требования к оказанию государственной услуги, включающие характеристики процесса, формы, содержания и результата оказания данной государственной услуги.

Стандарт государственной услуги содержит следующие сведения:

- наименование и описание результата государственной услуги;
- получателей государственной услуги;
- входящие документы, предоставляемые получателем госуслуги, с указанием количества экземпляров каждого входящего документа;
- согласование государственной услуги;
- стоимость услуги (подготовки и выдачи документа), если документ выдается на возмездной основе;
- срок предоставления услуги и основания для отказа в предоставлении со ссылкой на действующее законодательство (исчерпывающий перечень);
- место расположения территориального органа внутренних дел Российской Федерации, предоставляющего услугу;
- режим работы территориального органа внутренних дел Российской Федерации, оказывающего услугу и порядок доступа и обращений;
- определение очередности предоставления государственной услуги в случае превышения спроса на государственную услугу над возможностью ее предоставления без ожидания;
- информационное обеспечение получателей государственной услуги при обращении за ее получением и в ходе предоставления государственной услуги;

- должностные лица органов внутренних дел Российской Федерации, непосредственно обеспечивающие предоставление услуги;

- порядок предоставления услуги престарелым лицам и инвалидам;

- порядок подачи, регистрации и рассмотрения жалоб на несоблюдение регламента предоставления услуги или требований ведомственных отдельных инструкций;

- порядок исправления возможных недостатков предоставленной государственной услуги органом внутренних дел Российской Федерации;

- порядок контроля за предоставлением услуги со стороны вышестоящих должностных лиц (органов государственной власти).

Со стандартами и административными регламентами можно ознакомиться на сайтах территориальных органов внутренних дел Российской Федерации.

Установленные требования к взаимодействию с заявителем при предоставлении государственных услуг следует соблюдать участникам правоотношения в процессе осуществления своих обязанностей. В соответствии с Законом органы внутренних дел Российской Федерации не вправе требовать от заявителя:

- ✓ предоставления документов и информации или осуществления действий, которые не предусмотрены нормативными правовыми актами, регулирующими отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных услуг;

- ✓ осуществления действий, в т.ч. согласований, необходимых для получения услуг и связанных с обращением в иные госорганы, органы местного самоуправления, организации, за исключением получения услуг, документов и информации, предоставляемых в результате оказания таких услуг, включенных в перечни, указанные в ч. 1 ст. 9 ФЗ № 210-ФЗ.

В случае если для оказания услуги необходимо предоставление документов и информации об ином лице, не являющемся заявителем, при обращении о получении заявитель дополнительно предоставляет документы, подтверждающие наличие согласия указанных лиц или их законных представителей на обработку персональных данных, а также полномочие заявителя действовать от имени указанных лиц или их законных представителей при передаче персональных данных указанных лиц в орган или организацию. Указанные документы могут быть представлены в т.ч. в форме электронного документа. Действие настоящей части не

распространяется на лиц, признанных безвестно отсутствующими.

Для обработки информации, которая связана с правами и законными интересами заявителя, доступ к которой ограничен федеральными законами, за исключением персональных данных и сведений, составляющих государственную и налоговую тайну, и информации, которая имеется в распоряжении субъектов, предоставляющих государственные услуги, требуется получение согласия заявителя. Согласие может быть получено и представлено как в форме документа на бумажном носителе, так и в форме электронного документа.

Если иное не предусмотрено нормативными правовыми актами, определяющими порядок предоставления государственных услуг, данные правила не распространяются на следующие документы, предоставляемые в форме документа на бумажном носителе или в форме электронного документа:

- удостоверяющие личность гражданина РФ, в т.ч. военнослужащих, а также документы, удостоверяющие личность иностранного гражданина, лица без гражданства, включая вид на жительство и удостоверение беженца;

- воинского учета;

- подтверждающие регистрацию по месту жительства или по месту пребывания;

- подтверждающие прохождение государственного технического осмотра (освидетельствования) транспортного средства соответствующего вида;

- подтверждающие предоставление лицу специального права на управление транспортным средством соответствующего вида;

- на транспортное средство и его составные части, в т.ч. регистрационные документы;

- о трудовой деятельности, трудовом стаже и заработке гражданина, а также документы, оформленные по результатам расследования несчастного случая на производстве либо профессионального заболевания;

- о соответствующем образовании или профессиональной квалификации, об ученых степенях и ученых званиях, а также иные документы, связанные с прохождением обучения, выдаваемые организациями, осуществляющими образовательную деятельность;

- архивные документы (в т.ч. Архивного фонда Российской Федерации) в соответствии с законодательством об архивном деле в РФ, переданные на постоянное хранение в государственные архивы;

- выдаваемые федеральными госучреждениями медико-социальной экспертизы;
- о государственных и ведомственных наградах, государственных премиях и знаках отличия;
- справки, заключения и иные документы, выдаваемые организациями, входящими в государственную, муниципальную или частную систему здравоохранения;
- решения, приговоры, определения и постановления судов общей юрисдикции и арбитражных судов;
- учредительные документы юридического лица;
- решения, заключения и разрешения, выдаваемые органами опеки и попечительства в соответствии с законодательством РФ об опеке и попечительстве;
- правоустанавливающие документы на объекты недвижимости, права на которые не зарегистрированы в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним;
- удостоверения и документы, подтверждающие право гражданина на получение социальной поддержки;
- первичные статистические данные, содержащиеся в формах федерального статистического наблюдения, предоставленных юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

В настоящее время законодателем закреплены требования по оплате за предоставление услуг. Так, услуги предоставляются органами внутренних дел Российской Федерации заявителям на бесплатной основе. Однако госпошлина может взиматься за предоставление услуг в случаях, порядке и размерах, установленных законодательством РФ о налогах и сборах.

Перечни услуг, которые являются необходимыми и обязательными для их предоставления, размещаются на официальных сайтах органов, предоставляющих государственные услуги. В процессе предоставления запрещается требовать от заявителя обращения за оказанием услуг,

не включенных в перечни услуг, а также предоставления документов, выдаваемых по результатам оказания таких услуг. При этом следует соблюдать требования к организации предоставления услуг в электронной форме. Так, при предоставлении услуг в электронной форме осуществляется:

- ✓ предоставление в установленном порядке информации заявителям и обеспечение доступа заявителей к сведениям о услугах;
- ✓ подача заявителем запроса и иных документов, необходимых для предоставления услуги, и прием запроса и документов органом, предоставляющим государственную услугу, с использованием информационно-технологической и коммуникационной инфраструктуры;
- ✓ получение заявителем сведений о ходе выполнения запроса о предоставлении услуги;
- ✓ получение заявителем результата предоставления услуги, если иное не установлено федеральным законом;
- ✓ иные действия, необходимые для предоставления услуги.

В целях оптимизации механизма предоставления государственных услуг политика государства должна быть продуманной и построена на соответствующем современном реалиям комплексном анализе административно-правового регулирования государственных услуг. При этом административные процессы во всех случаях должны проходить в рамках установленных нормативно-правовыми актами правил и требований, а также с учетом правоприменительной практики.

Административные регламенты являются относительно новой для системы МВД России юридической формой, устанавливающей административные процедуры в органах внутренних дел. С их помощью предпринята попытка разграничения и систематизации юрисдикционных полномочий, оптимизации административных процедур предоставления государственных услуг, устранения пробелов в действующем российском законодательстве.

Литература

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 342.7

Т.Ю. Герасименко

аспирант Омской юридической академии

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуется правовая природа решений Европейского Суда по правам человека, их свойства и виды, а также особенности реализации.

Ключевые слова: источники конституционного права, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека.

T.Yu. Gerasimenko

a postgraduate student of Omsk Law Academy

LEGAL NATURE OF JUDGMENTS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The article examines the legal nature of judgments of the European Court of Human Rights, characteristics and types, and implementation features.

Key words: sources of constitutional law, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, European Court on Human Rights.

Традиционно источниками российского конституционного права как отрасли права являются нормативные юридические акты, регулирующие (закрепляющие) политические отношения и содержащие нормы конституционного права [5]. Между тем в доктрину источников конституционного права в последние годы внесены определенные коррективы, обусловленные масштабными изменениями, которые произошли в различных сферах российского и международного права. Это касается всех уровней источников конституционного права и входящих в них нормативных юридических актов.

Так, к числу самостоятельного уровня источников конституционного права относятся общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации они являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

При известном технико-юридическом несовершенстве этого положения (по единодушному мнению многих российских ученых) Конституция России 1993 г. заложила важные политико-

правовые основы для осуществления коренных перемен в характере взаимодействия России с внешним миром [6, 7]. Ведь до принятия новой Конституции России в большинстве своем отрицалась возможность включения норм международного права в правовую систему Российской Федерации.

Следует признать справедливым, что включение норм международного права в правовую систему нашей страны изменяет ее содержание и структуру, «пополняя» нормативный массив правовой системы Российской Федерации, оказывает существенное влияние на взаимодействие ее элементов, превращает правовую систему России из суверенно-замкнутой, изолированной «объективными границами» в сосуществующую и взаимодействующую с международной правовой системой [8].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод относится к числу важнейших региональных международно-правовых документов. Она была подписана 4 ноября 1950 г. в Риме и вступила в силу 3 сентября 1953 г. Но для Российской Федерации данная Конвенция вступила в силу 5 мая 1998 г. [10].

Конвенция о защите прав человека и основных свобод является международным договором, но международным договором особого рода, т.к. большинство ее положений сформулировано способом, предполагающим их прямое действие внутри национальных правовых систем.

Международные органы, учрежденные в соответствии с Конвенцией (такие, как Европейский Суд по правам человека), изначально должны были играть вспомогательную роль, осуществляя надзор и вмешиваясь лишь в том случае, если внутригосударственные механизмы защиты прав и свобод окажутся недостаточными.

Конвенция содержит перечень неотъемлемых прав человека: право на жизнь, на защиту от пыток и бесчеловечного обращения, на свободу и безопасность, на справедливое судебное разбирательство, на уважение частной и семейной жизни и корреспонденции, право на свободу выражения мнений, мысли, совести, религии и некоторые другие.

В дальнейшем Конвенция была дополнена 14 протоколами. Так, например, Протоколы № 1, 4, 6, 7, 12 и 13 расширили перечень прав человека и основных свобод, провозглашенных Конвенцией. Протокол № 2 наделил Европейский Суд по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения. Протокол № 9 предоставил индивидуальным заявителям право самим передавать дела в Суд. Протокол № 11 кардинально преобразовал контрольный механизм Конвенции. Иные протоколы касались процедурных вопросов деятельности органов, учрежденных Конвенцией.

Таким образом, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод является самостоятельным источником конституционного права среди международных договоров Российской Федерации. При этом обязательства стран-участников Конвенции предусматривают обеспечение прав и свобод, как правило, во многом дублирующих национальные (конституционные) права и свободы человека и гражданина.

Анализ общетеоретической и отраслевой юридической литературы свидетельствует о том, что вопрос о судебной практике как особом источнике отечественного права активно обсуждается в последнее время соответствующими специалистами [1, 3, 4, 12].

Между тем вопросами определения юридического значения решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) и их месту среди иных источников конституционного права

все же не уделяется должного внимания. Недостаточно работ, в которых рассматривается соотношение решений ЕСПЧ с другими источниками права в англо-саксонской и романо-германской правовых системах, раскрываются специфические особенности применения этих решений в практике национальных судов.

Решения ЕСПЧ по существу принимаются в форме соответствующего постановления. Постановления представляют собой итоговый акт Суда, результат правосудной деятельности. Данные акты отличаются от национальных итоговых судебных постановлений по характеру, форме и содержанию. Кроме того, им присущи некоторые особые специфические свойства.

Постановления ЕСПЧ имеют надгосударственный характер, т.к. они принимаются особым органом, не входящим в национальную систему органов государственной власти.

Стоит отметить, что влияние постановлений ЕСПЧ распространяется не только на государство-ответчика по жалобе, но и на другие государства, в которых обнаруживается схожая проблема.

Постановление ЕСПЧ имеет особую структуру и состоит из трех частей:

- 1) процедура, где указываются общие сведения о рассматриваемом деле;
- 2) факты, где подробно излагаются фактические обстоятельства дела, имеющие отношение к делу нормы национального законодательства, выдержки из судебных решений и административных органов государства-ответчика по жалобе;
- 3) вопросы права, где детально исследуются все правовые вопросы, существенные для окончательных выводов Суда.

Отличительная черта содержания постановлений ЕСПЧ от национальных судебных решений – наличие декларации (предписания). Постановления ЕСПЧ всегда выносятся в декларативной форме, т.е. ограничиваются объявлением того, в чем состоит нарушение Конвенции. Однако они не содержат конкретных указаний на меры, которые должно принять государство-ответчик для ликвидации выявленного нарушения.

Если же самой констатации нарушения Конвенции недостаточно, то принимаются специальные так называемые пилотные постановления. Целью такой процедуры является содействие скорейшему и наиболее эффективному устранению сбоев, затрагивающих права человека, а также побуждение государства-ответчика к разрешению большого количества индивиду-

альных дел, вытекающих из той же структурной проблемы на национальном уровне.

Знаковая и важная особенность пилотных постановлений в том, что в них используются возможности «нормативного» предписания. Таким образом, ЕСПЧ выдает предписание законодателю об обязанности внесения изменений в закон [2].

В первом пилотном постановлении ЕСПЧ от 07.05.2002 «Бурдов против России» (№ 2) указано, что власти государства-ответчика обязаны ввести в течение 6 месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с п. 2 ст. 44 эффективное внутреннее средство правовой защиты или комбинацию таких средств, которые обеспечат адекватное и достаточное возмещение в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением решений национальных судов с учетом ряда конвенционных принципов, установленных в прецедентной практике ЕСПЧ.

Учитывая вышеизложенное, можно говорить о том, что ЕСПЧ имеет полномочие принимать два вида окончательных постановлений по жалобам заявителей, которые отличаются характером содержащихся в них предписаний: при вынесении прецедентных постановлений используются декларативные рекомендации (предусматривающие право выбора средств для приведения их в действие), а при вынесении пилотных постановлений – нормативные предписания (четко устанавливающие способ приведения их в действие). В связи с этим представляется возможным все постановления ЕСПЧ условно разделить на две группы: ординарные (прецедентные, принимаемые по большинству дел) и неординарные (пилотные, принимаемые в исключительных случаях).

Выделение отдельных видов постановлений ЕСПЧ позволяет определить наиболее эффективные мероприятия, которые способствовали бы наиболее полной реализации и имплементации каждого из них.

О важности решений ЕСПЧ и его правовых позиций в правоприменительной деятельности

неоднократно обращали внимание Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ. Так, например, еще в постановлении от 23.11.1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» Конституционный Суд указал, что постановления ЕСПЧ от 25.05.1993 и от 26.09.1996 разъясняют характер и масштаб обязательств государства, вытекающих из ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [11]. А в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» (в ред. от 05.03.2013) отмечалось, что «Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней"). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [9].

В современных условиях, учитывая роль и значение решений ЕСПЧ, ощущается острая потребность изучения практики Европейского Суда при подготовке юристов в рамках любой отраслевой юридической дисциплины.

Литература

1. Гаджиев Г. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник конституционного права // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 1999. № 3.
2. Глазкова М.Е. Значение прецедентной практики Европейского Суда по правам человека для отправления правосудия по гражданским делам в Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 1.
3. Зимненко Б.Л. Решения Европейского Суда по правам человека и правовая система РФ // Государство и право. 2008. № 7.

4. Колесников Е.В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права // Правоведение. 2001. № 2.
5. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Юрист, 2006. Т. 1.
6. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 2: Источники конституционного права: монография. М., 2011.
7. Лукашук И.И. Конституция России и международное право // Московский журнал международного права. 1995. № 2.
8. Марочкин С.Ю. Нормы и источники международного права в правовой системе Российской Федерации // Правоведение. 1997. № 3.
9. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 // Бюллетень Верховного Суда. 2003. № 12.
10. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
11. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения "Христианская церковь Прославления: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.11.1999 № 16-П // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6363.
12. Шиткина И.С. О признании судебной практики источником российского права // Хозяйство и право. 2013. № 4.

УДК 343.85

И.А. Зайцев, канд. юрид. наук

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России;

Е.В. Кашкина, канд. юрид. наук

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ЛИЦАМИ, ТРЕБУЮЩИМИ ПОВЫШЕННОГО ВНИМАНИЯ СО СТОРОНЫ ПОЛИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УМВД РОССИИ ПО ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В настоящее время вопросам профилактики правонарушений в Российской Федерации уделяется большое внимание, в частности работе с лицами, представляющими профилактический интерес и входящими в так называемую группу риска. В статье авторы рассмотрели положительный опыт распределения нагрузки в сфере профилактики между участковыми уполномоченными полиции и иными сотрудниками других подразделений и служб органов внутренних дел на примере УМВД России по Тамбовской области, который позволил эффективно решить вопрос взаимодействия сотрудников полиции при проведении профилактической работы с лицами, требующими повышенного внимания со стороны полиции.

Ключевые слова: полиция, административный надзор, поднадзорное лицо, профилактика.

I.A. Zaitsev, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

E.V. Kashkina, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Russian Institute for professional development of the Ministry of the Interior of Russia

ORGANIZATION OF INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK WITH PERSONS REQUIRING CLOSE ATTENTION OF THE POLICE (BY THE EXAMPLE OF THE MAIN DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF TAMBOV REGION)

Currently, a lot of attention is paid to the issues of crime prevention in the Russian Federation, in particular to the work with people that make up so-called risk group – persons possessing preventive interest. The authors examined the positive experience of load distribution in the prevention sphere among district officers of police and employees of the other departments and services of the Ministry of the Interior, for example, the Ministry of Internal Affairs of Russia in Tambov region, which effectively solved the problem of the police employees interaction during preventive work with persons requiring increased attention from the police.

Key words: police, administrative supervision, supervised person, prevention.

К лицам, требующим повышенного внимания полиции, мы предлагаем относить граждан, поведение и образ жизни которых представляет опасность для окружающих, а также указывает на реальную возможность совершения ими преступлений и иных правонарушений.

Согласно п. 63 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции к данной категории относятся лица, состоящие на профилактическом учете участковых уполномоченных полиции:

1) лица, на которых распространяются требования Федерального закона от 6 апреля

2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [2];

2) больные алкоголизмом или наркоманией, состоящие на учете в медицинской организации и представляющие опасность для окружающих;

3) совершившие правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющие опасность для окружающих;

4) совершившие административные правонарушения против порядка управления и (или) административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность при проведении общественно-политических, спортивно-массовых, культурно-массовых, религиозных и иных общественно значимых мероприятий;

5) входящие в неформальные молодежные объединения противоправной направленности, совершившие административные правонарушения против порядка управления и (или) административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность;

6) лица, которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача [3].

Кроме этого, участковые уполномоченные полиции в пределах своей компетенции участвуют в контроле за поведением осужденных за совершение преступления, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно, и несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних.

Индивидуальная профилактическая работа, осуществляемая участковым уполномоченным полиции, направлена на корректировку поведения личности и предполагает решение целого ряда задач, связанных с выявлением и постановкой на учет определенной категории лиц, а также последующей проверкой их по месту жительства.

Безусловно, эффективность этой работы будет зависеть и от методов индивидуальной профилактики (убеждение, принуждение и помощь). Например, использование метода убеждения предполагает оказание воспитательного воздействия на сознание гражданина, когда с помощью бесед формируется положительная социальная ориентация, в то же время применение метода принуждения позволяет оказывать

влияние на поведение лица для принуждения его к правомерному поведению.

Особое внимание представляет использование метода оказания помощи, суть которого заключается в решении вопросов трудоустройства, обучения, оформления документов и получения медицинской помощи. Реализация этого метода предусматривает взаимодействие участкового уполномоченного полиции с представителями всех субъектов системы профилактики.

Так, в Белгороде созданы и активно работают межведомственные комиссии по выявлению и социальной реабилитации (адаптации) неработающих и не имеющих постоянного источника доходов граждан, а также по вопросам социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Только в текущем году ими оказана помощь в решении социально-бытовых вопросов 12 лицам (8 находятся под административным надзором, 2 формально подпадают под административный надзор и 2 относятся к категории «ранее судимые»).

Вместе с тем расширение прав руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне, исходя из п. 2.2 приказа МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 по привлечению участкового уполномоченного полиции к выполнению обязанностей, напрямую не относящихся к их компетенции, привело к отвлечению их от исполнения непосредственных обязанностей, а именно профилактики правонарушений на закрепленном административном участке [1].

В первую очередь это касается исполнения обязанностей в качестве оперативного дежурного, осуществление конвоирования, рассмотрение материалов экономической направленности. При этом заметно увеличилось количество обращений граждан в территориальные органы МВД России.

Так, анализ служебной деятельности работы УМВД России по Тамбовской области за 2013 г. позволяет утверждать, что нагрузка на одного участкового уполномоченного полиции в среднем составила 182 материала, а за период с 2008 г. по 2013 г. она увеличилась почти в три раза.

В сложившихся на сегодняшний день условиях работы представляется целесообразным распределить обязанности участковых уполномоченных полиции по индивидуальной профилактической работе с лицами, требующими повышенного внимания, между всеми сотрудниками полиции.

Однако в настоящий момент этот вопрос нормативно урегулирован не полностью. В

связи с этим имеющиеся пробелы заполняются ведомственными нормативными актами территориальных органов МВД России на региональном уровне.

Здесь следует обратиться к опыту УМВД России по Тамбовской области, где вопросы организации и тактики работы с лицами, представляющими профилактический интерес, подробно раскрыты в Наставлении по организации работы с лицами, состоящими на профилактических учетах в органах внутренних дел (далее – Наставление).

Обращает на себя внимание система учета лиц, требующих особого внимания со стороны полиции, – это не только служебная документация в бумажном (рукописном) варианте (например, паспорт на административный участок или на жилой дом), но и электронная экспертно-аналитическая система «Профилактика-900» (далее – «Профилактика-900»).

Использование «Профилактики-900» позволяет участковому уполномоченному полиции:

- осуществлять поиск и вывод информации по различным категориям лиц, организаций, сообщений о происшествиях, преступлениях и автотранспорте;
- выводить сводные аналитические отчеты (паспорт на дом, на участок, криминальный паспорт сведений о проверках подучетных лиц);
- отслеживать списки лиц, представляющих оперативный и профилактический интерес, особенно находящихся под административным надзором или формально попадающих под него.

Если говорить о распределении роли должностных лиц по осуществлению индивидуальной профилактической работы с лицами, представляющими профилактический интерес, то в Наставлении предусмотрены функции не только исполнителей, но и руководителей.

Так, в обязанности **начальника территориального органа** входит проведение проверки ведения служебной документации сотрудниками подразделений УУП и ПДН с занесением результатов проверки в соответствующие разделы документации и «Профилактику-УУП», осуществляется контроль за устранением выявленных недостатков. Им же ежеквартально рассматриваются на оперативном совещании результаты профилактической работы с лицами, состоящими на профилактических учетах, с оценкой вклада каждой службы и подразделения.

Заместитель начальника полиции по охране общественного порядка, заместитель начальника отдела (отделения) полиции,

помимо организации работы с лицами, состоящими на профилактических учетах, осуществляет контроль за своевременной постановкой, корректировкой и снятии с профилактических учетов лиц в «Профилактику-900». Результаты проделанной работы ежемесячно докладываются руководителю территориального органа МВД России.

Отметим, что указанные должностные лица информируют не реже одного раз в квартал органы местного самоуправления, прокуратуру об имеющихся проблемах в работе с подучетными лицами, вносят предложения о рассмотрении на межведомственных комиссиях по профилактике правонарушений вопросов, связанных с ресоциализацией, лечением, трудоустройством данных лиц.

Начальник подразделения УУП и ПДН территориального органа МВД России на районном уровне проводит обучение подчиненных сотрудников в системе служебной подготовки формам и методам работы с подучетными лицами, осуществляет повседневный контроль за проведением ими индивидуальной профилактической работы, также ежемесячно анализирует работу подчиненных сотрудников, по результатам которой письменно информируется руководство, службы и подразделения об имеющихся недостатках, ежеквартально проводит сверку учетов с медицинскими учреждениями лиц, больных алкоголизмом, наркоманией, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих, ведет постоянный списочный учет подучетных лиц в «Профилактике-900», осуществляет их своевременную постановку и снятие с учетов, несет персональную ответственность за достоверность информации.

В обязанности участкового уполномоченного полиции входит посещение не реже одного раза в квартал подучетного лица по месту жительства, получение сведений, характеризующих образ его жизни и поведение по месту проживания, установление источников дохода подучетного и лиц, с которыми он поддерживает отношения. В случае нарушения подучетным лицом общественного порядка он вызывает его в служебное помещение для принятия мер профилактического характера, не реже одного раза в месяц проверяет подучетных лиц по информационно-справочным учетам базы данных ИЦ УМВД, а также проверяет их на причастность к нераскрытым преступлениям.

Участковый уполномоченный полиции осуществляет взаимодействие с другими

службами, в рамках которого принимает участие в розыске подучетных лиц, скрывшихся от контроля, а также направляет информацию службам и подразделениям органов внутренних дел о противоправном поведении профилактируемых лиц. О получении информации, представляющей оперативный интерес, незамедлительно докладывает рапортом руководителю.

Результаты проводимых мероприятий ежеквартально докладываются руководителю в форме рапорта о проделанной работе.

Следует отметить, что согласно Наставлению участковый уполномоченный полиции несет персональную ответственность за организацию работы с подучетными лицами на обслуживаемом административном участке, а старший участковый уполномоченный полиции – на территории, обслуживаемой подчиненными ему участковыми уполномоченными полиции.

В обязанности **руководителя подразделения ПДН** входит организация и контроль за состоянием индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактических учетах в ПДН, внесение руководству предложений по совершенствованию деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Обращаем внимание, что положениями Наставления предусмотрена ответственность руководителя подразделения ПДН за своевременное и достоверное внесение сведений о подучетном контингенте в АИПС «Подросток», которое осуществляет **инспектор ПДН** в течение трех суток с момента постановки несовершеннолетнего на профилактический учет и снятии. При снятии несовершеннолетнего с учета инспектор ПДН направляет информацию участковому уполномоченному полиции, обслуживающему административный участок, на котором проживает несовершеннолетний.

Также в обязанности инспектора ПДН входит ежемесячное направление в подразделения УУП, УР, дежурную часть списков подучетных категорий несовершеннолетних, а также проведение ежеквартальной сверки.

Инспектор по организации и осуществлению административного надзора формирует профилактические дела и иные документы на поднадзорных лиц и лиц, подлежащих учету при осуществлении административного надзора, ведет постоянный списочный учет указанных лиц, дела административного надзора, также вносит информацию в «Профилактику-УУП» и осуще-

ствляет их своевременную постановку и снятие с учетов.

Помимо этого он не реже одного раза в квартал направляет информацию в территориальный орган занятости населения для оказания содействия в трудоустройстве и органы местного самоуправления при отсутствии у поднадзорного постоянного места жительства (проживания), дважды в месяц (до 1 и 15 числа) предоставляет в ООДУУП и ПДН УМВД области в бумажном виде сторожевые листки в отношении поднадзорных лиц и информацию в отношении лиц, формально подпадающих под действие административного надзора.

Сотрудник территориального подразделения по исполнению административного законодательства при поступлении материалов об административных правонарушениях в течение 10 дней письменно информирует руководство территориального органа внутренних дел, на территории которого проживает правонарушитель, для постановки на учет и проведения профилактической работы. При совершении административного правонарушения условно осужденным лицом в течение трех рабочих дней направляет информацию о данном факте в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства подучетного лица.

Начальник подразделения уголовного розыска обеспечивает организацию оперативно-разыскных мероприятий по контролю за лицами, состоящими на профилактических учетах, документирование и пресечение противоправных действий со стороны подучетных лиц, осуществляет взаимодействие с подразделениями УУП и ПДН, предоставляя им не реже одного раза в квартал информацию в отношении указанных лиц.

По его поручению **сотрудники подразделения уголовного розыска** осуществляют мероприятия по установлению местонахождения поднадзорных лиц. При выявлении лиц, склонных к правонарушениям, предоставляют информацию в подразделения УУП и ПДН для проведения профилактической работы, а также принимают меры по предупреждению преступлений со стороны лиц, находящихся на профилактических учетах. Они ежеквартально осуществляют проверку на причастность данных лиц к нераскрытым преступлениям. Помимо этого, в их обязанности входит установление лиц, с которыми поддерживает отношения профилактируемое лицо, и лиц, способных оказывать на подучетного положительное влияние.

Сотрудники подразделений патрульно-постовой службы полиции, вневедомственной охраны и дорожно-патрульной службы в пределах компетенции участвуют в осуществлении наблюдения за лицами, состоящими на профилактических учетах, на маршрутах патрулирования и иных зонах ответственности проверяют соблюдение подучетными лицами установленных ограничений, а при выявлении лица, совершившего преступление или административное правонарушение, доставляют его в дежурную часть отдела полиции для разбирательства по существу.

Следователи, дознаватели направляют в течение 10 дней информацию в территориаль-

ные уголовно-исполнительные инспекции о возбуждении уголовных дел в отношении осужденных с момента принятия такого решения.

Практическая значимость подобного разграничения полномочий по организации работы с лицами, требующими повышенного внимания полиции, не вызывает сомнения. Полагаем, что именно участие всех сотрудников полиции, а не только участкового уполномоченного полиции позволит максимально повысить эффективность предупредительного воздействия на рассматриваемую категорию лиц с целью недопущения совершения преступлений и иных правонарушений.

Литература

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 // Рос. газ. 2013. 27 марта.
2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.
3. Об утверждении Наставления по организации работы с лицами, состоящими на профилактических учетах в органах внутренних дел: приказ УМВД России по Тамбовской области от 28 ноября 2013 г. № 900.

УДК 351.74

А.В. Мельников

ГУОООП МВД России

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ОРГАН ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

В настоящей статье дается определение территориальных органов внутренних дел как системы соответствующих органов, звеньев, подсистем субъектов управления. Указывается, в частности, что за прошедшие годы в России происходили существенные структурные изменения во всей системе правоохранительных органов в целом. Ограничительные, запретительные и карательные функции, в большинстве своем, отходят на второй план, уступая место задачам обеспечения правопорядка и общественной безопасности, профилактики и контроля над преступностью.

Ключевые слова: государственные функции, территориальные органы внутренних дел, технология управления.

A. V. Melnikov

Head department of public security of the Interior of Russia

TERRITORIAL BODY OF INTERNAL AFFAIRS AS A SUBJECT OF PUBLIC FUNCTIONS

In this article the author gives the definition of the territorial bodies of internal Affairs as the relevant bodies, parts, subsystems of management subjects. It is pointed out, that in the past few years in Russia has undergone substantial structural-changes in the entire system of law enforcement in General. Restrictive prohibitive and punitive functions, mostly fade into the background, giving place to the problems of law enforcement and public safety, prevention and control of crime.

Key words: state functions, territorial bodies of internal Affairs, technology management.

Современное исполнение государственных функций (далее – госфункций) органами внутренних дел (МВД России и его территориальными органами) взаимосвязано с социальными вопросами и в полной мере должно отвечать отдельным признакам и особенностям в рамках установленных принципов государственного управления. Вместе с тем это специальное явление, свойственное исключительно исполнению определенных государственных функций органами внутренних дел (полиции), оно имеет социальный характер и собственные (ведомственные) особенности, которые требуют отдельного научно-теоретического и практического толкования.

Несомненно, в правовом, демократическом государстве территориальные органы внутрен-

них дел (подразделения полиции) как особые субъекты управления (исполнители) выступают в другом качестве, чем иные субъекты управления. Ограничительные, запретительные и карательные функции отходят на второй план, уступая место задачам обеспечения правопорядка и общественной безопасности, профилактики и контроля над преступностью.

За прошедшие годы в России (1993-2014) происходили существенные структурные изменения во всей системе правоохранительных органов в целом, в т.ч. и в ОВД РФ. В частности, это пересмотр структур центрального аппарата МВД России; территориальных делений на уровне регионов; ликвидация в центральном аппарате ГУВД округов МВД России (за исключением Северо-Кавказского); ликвидация рай-

онных отделов внутренних дел (РОВД) [7]. Президентом России периодически пересматривались полномочия ОВД в области исполнения госфункций и т.д.

В настоящее время теорией государства и права определено, что в теории государственного управления закономерно присутствует организационная структура госуправления, которая имеет свои черты и состоит из соответствующих органов, звеньев, подсистем субъектов управления. В частности, многие ученые отмечают исполнение объема компетенций в области ответственности права и полномочий, принятие решений по каждой управленческой задаче [12, с. 34-81]. Эти факторы присутствуют также на районных уровнях. Вопросы структуризации конкретизированы Президентом России. В частности, в Указе от 01.03.2011 № 248 (ред. от 06.08.2014) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации») установлено, что территориальными органами МВД России (далее – территориальные ОВД) являются:

•на окружном уровне – Главное управление МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, управления на транспорте МВД России по федеральным округам;

•на межрегиональном уровне – оперативные бюро МВД России, центры специального назначения МВД России, линейные управления МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте;

•на региональном уровне – министерства внутренних дел по республикам, главные управления, управления МВД России по иным субъектам Российской Федерации;

•на районном уровне – управления, отделы, отделения МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям, в т.ч. по нескольким муниципальным образованиям, управления, отделы, отделения МВД России по закрытым административно-территориальным образованиям, на особо важных и режимных объектах; линейные отделы, отделения МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, управление внутренних дел на Московском метрополитене Главного управления МВД России по г. Москве, Управление МВД России на комплексе «Байконур».

Подчиненность территориальных органов определяется Министром внутренних дел РФ. Кроме того, Президент страны предоставил

полномочия руководителям территориальных органов по субъектам РФ осуществления непосредственного контроля (обеспечения) за исполнением госфункций районными территориальными органами, обслуживающими муниципальные территории на данном субъекте РФ. Ныне присутствуют достаточно существенные современные особенности исполнения государственных функций не только органами внутренних дел на муниципальной территории, но и другими субъектами управления. Это мы можем заметить на основе анализа научно-теоретических суждений Г.В. Атаманчука, В.Г. Игнатьева, М.И. Абдулаева, С.А. Комарова, Л.А. Морозовой и др., которыми даны научно-теоретические выводы. Но они в основном даны в рамках толкования деятельности местных и муниципальных органов власти, а не других федеральных органов исполнительной власти или федеральных государственных органов (скажем, СК России или Счетной палаты).

Но при толковании деятельности структурных государственных органов (всех) в области исполнения госфункций на современном этапе требуется рассматривать и на местных (муниципальных уровнях) не только в рамках местных и муниципальных органов власти, но и территориальных органов всех правоохранительных органов, осуществляющих свои госфункции на муниципальной территории. Например, ФМС России, МЧС и Минобороны России, ФСИН и ФСНКА России и др. При этом они все взаимодействуют на районном уровне с территориальными органами МВД России, обслуживающими муниципальные территории. Поскольку они имеют свою структуризацию, требуется специфичность научно-теоретического толкования. И эти аспекты недостаточно исследованы, в т.ч. учеными-исследователями в области теории государства и права, административного права и процесса, деятельности правоохранительных органов и т.д.

В частности, В.Г. Атаманчук уделяет особое внимание таким общераспространенным явлениям в области государственного управления, как тем, что произошли и в системе МВД России с 2011-2012 гг. по настоящее время: «Все пока делается наоборот: сначала создается какая-то организационная структура, а затем под нее или для нее начинают придумывать цели и функции. А поскольку придумать часто не удается, то ограничиваются описанием в их статусах полномочий и форм деятельности. В результате оказывается: структур много, а

спросить не с кого» [2, с. 201]. Повсеместное создание моментального характера в областных центрах управлений – УВД по городу, его не было весь период существования СССР. В действительности целесообразнее было бы управление (контроль) с территориальными ОВД по городам областных, республиканских центров. Городскими районными отделами внутренних дел должен руководить один из заместителей начальника полиции (или начальник полиции) данного региона (области, края, республики). Надо ли было создавать межрайонные управления по обслуживанию сельских муниципальных территорий, тем самым сужая определенные полномочия на низовых уровнях? Ныне присутствуют проблемы использования сил и средств и их расстановки [9, с. 96-99].

Данная технология (теория толкования) управления уже доказала, что цели и функции управления в области правопорядка (деятельности территориальных ОВД) также выступают первичными, образующими, формирующими по отношению к организационным элементам государственного управления. А они создаются для реализации первых. Ибо создание и поддержание внутренней безопасности с излишней армией руководителей не позволяют экономично использовать тактику управления и соответствующие ресурсы.

Нет сомнений, что в теории права за последние 20 лет вопросы государственного управления и исполнения госфункций, принципы и методы их реализации на низовом уровне рассматривались недостаточно. Действительно, в правовом государстве (гражданском обществе) подобные исследования и их совершенствование (процессы), прежде всего, способствуют развитию в обществе правовой грамотности и высокого правового сознания.

Безусловно, рассматриваемый вопрос требует обращения внимания и на *особенности исполнения отдельных госфункций районными территориальными ОВД*. В данном случае также присутствует (требуется) дифференцированный подход в области их исполнения. Они возложены на названные территориальные органы и выступают как дополнительные функции. Так, отдельные направления деятельности в нашем случае впервые с научно-теоретических позиций следует рассматривать в квалифицирующем порядке, в частности исполнение госфункций на районном уровне:

– *обязательные*, определенные непосредственно в основных федеральных законах (например: федеральных законах о полиции,

транспортной безопасности, лицензионно-разрешительной деятельности, противостоянии коррупции; противостоянии терроризма и экстремизма, пресечении определенных административных правонарушений и уголовных преступлений (в т.ч. расследование уголовных дел подразделениями дознания и следствия), оказание содействия (участия) федеральным государственным органам и федеральным органам исполнительной власти и их территориальным органам и др.). И они выступают как основные госфункции, исполняемые МВД России, центральным аппаратом МВД России и территориальными органами МВД России – региональными и районными ОВД, обслуживающими определенные территории, прежде всего муниципальные.

В итоге *исполнение основных государственных функций на муниципальной территории территориальным ОВД районного уровня* – это реализация государственной внутренней политики в области безопасности и правопорядка, входящие в ведение органов внутренних дел Российской Федерации, определенные нормативными правовыми актами Президента России и конкретизированные приказами Министра внутренних дел РФ, а также приказами руководителя территориального ОВД по субъекту РФ (регионального), изданные в соответствии с конституцией России в целях обеспечения реализации требований соответствующих федеральных законов Российской Федерации.

Дополнительные определены (закреплены) в федеральных законах, а также в нормативных правовых актах Президента и Правительства России. Например, в области регулирования государственной политики (функции), осуществления контроля (надзора) в области миграционной политики. Так, в регулировании миграционных процессов полиция (ОВД) участвует на основании требований Президента и Правительства России [13] (2012-2014), где должностные лица федерального органа исполнительной власти ФМС России и ее территориальных органов, взаимодействуя с сотрудниками территориальных органов (полиции), осуществляют государственный контроль (надзор) в указанной сфере. Эти вопросы ранее осуществлялись непосредственно территориальными ОВД (милицией) и с учетом того, что Президентом России пересмотрены полномочия как ОВД (полиции), ФСИН, так и ФМС России [14]. Тем самым в данном случае вполне уместно, что в системе государ-

ственного управления, т.е. исполнения госфункций в условиях комплексного пересмотра основных и дополнительных функций, следует говорить об особой роли в государственном управлении (деятельности субъектов управления, контроля и надзора), существенную роль играют правовая грамотность, правосознание и качественная профессиональная подготовка как сотрудников полиции, так и сотрудников ФМС России [10, 11] в рамках требований Распоряжения Президента России [15]. Без конкретизации исполнения госфункций невозможно говорить о правовой грамотности в области государственного управления (регулирование и исполнение государственных функций).

Таким образом, *исполнение дополнительных государственных функций* – это реализация органами внутренних дел (полицией) не свойственных им государственных функций, исполняемых в порядке оказания содействия соответствующим федеральным органам исполнительной власти и их территориальным органам (должностным лицам), а также иным субъектам управления в области обеспечения безопасности и поддержания правопорядка, возложенных Президентом и Правительством России в целях обеспечения реализации требований соответствующих нормативных правовых актов. Подобные дополнительные госфункции мы видим также и в области обеспечения пожарной безопасности, контроля (надзора) за отдельными гражданами (лицами), пресечения незаконного наркооборота и др.

Наверное, с учетом этих и других проблемных аспектов и анализа ряда федеральных законов: от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.06.2014) [16], от 6.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»; указов Президента России: от 01.03.2011 № 248 (в ред. от 25.07.2014) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации»), от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изм. и доп. от 10.09.2014) и др. нормативных правовых актов и в целях поиска и совершенствования вопросов осуществления госфункций (надзорных и контрольных) предва-

рительного осуществления ряда публикаций, научно-практических суждений, анкетирования, опроса, анализа нормативных правовых актов и др., авторский коллектив в следующем составе: Ф.П. Васильев (Академия управления МВД России), А.С. Дугенец (Совет безопасности при Президенте России), А.Г. Николаев и А.С. Ускова (Академия управления МВД России), С.Ю. Анохина (Барнаульский юридический институт МВД России), И.Л. Дембицкая (УФСИН России по Владимирской области), Т.С. Лятифова (УВД по Курской области) опубликовали весьма важный научный труд «Осуществление государственных надзорно-контрольных функций в России и их научно-теоретическое толкование в административном праве на современном этапе» в журнале «Вестник Московского университета МВД России» [8, с. 146-152]. На основе анализа их суждений целесообразно в рамках исследуемого вопроса ныне дать следующие определения.

Административный надзор – это государственная мера (функция), направленная на осуществление установления правовых условий (правоотношения) в отношении участника правоотношения уполномоченным(-и) субъектом(-ами), в целях обеспечения безопасности и единой государственной правовой дисциплины (правопорядка), направленные на правовое воспитание и развития правового сознания поднадзорного.

Поднадзорный – это физическое лицо, находящееся под административным надзором подразделений МВД России или ФСИН по месту пребывания и нуждающееся в правовом перевоспитании в связи с допущением им ранее противоправных действий.

Административный надзор за гражданами – это установленные на основании соответствующего федерального закона дополнительные условия и ограничения в отношении гражданина в местах лишения свободы или после отбывания уголовного наказания по месту пребывания за совершение им ранее тяжкого уголовного преступления.

Вышеизложенные суждения позволяют утверждать о наличии проблемных аспектов в системе образования в различных ведомствах как в области подготовки кадровых ресурсов, так и по вопросам совершенствования осуществления государственных функций – административного надзора: развития и совершенствования образования и науки в России и совершенствования вопросов государственного управления; разрешения (совершенствования) отдельных направ-

лений в области осуществления административного надзора; разрешения отдельных предметных и адресных толкований практических вопросов в области государственного права и управления; выяснения необходимости фундаментальных исследований в области административно-правовых отношений и др.

Как мы знаем, начиная с 2000-х годов в России вопросы государственного управления (функции) осуществляются через принцип административного регламентирования. Однако при этом в имеющемся ряде учебников (например, «Теория государственного права» или «Проблемы теории государственного права») мы не наблюдаем, что административное регламентирование выступает как самостоятельный принцип в области государственного управления.

Ныне также имеются некоторые новации в суждениях (Ф. Васильев, А. Николаев и Л. Орехова), требующие практического подтверждения при реализации общественных отношений, связанных с административно-правовыми мерами в области правовой грамотности (сознания), образования и воспитания, или в области изучения и определения места и роли технических регламентов [6].

Есть весьма существенные обоснования, что административная ответственность как

самостоятельный вид ответственности закономерно имеет свою теорию доказывания и процессуальные особенности (С. Анохина, Ф. Васильев), которые требуют отдельного научно-теоретического толкования. Подобные научно-теоретические суждения требуются и в области реализации дисциплинарного принуждения (А. Николаев), поскольку данный институт также имеет право на свою теорию рассмотрения и процессуальные особенности реализации. Также подобные проблемные аспекты достаточно широко и углубленно рассматриваются и в научных трудах Н.Ф. Бережковой [1, с. 12-16; 3, с. 30-35; 4, с. 27-35; 5, с. 23-27].

Вышесказанное обуславливает необходимость проведения разноплановых научных исследований по различным направлениям практической работы МВД России, ФСИН, ФМС России и т.д. в целях установления объективной ситуации, сложившейся в сфере межведомственного взаимодействия, что, в свою очередь, позволит объективно взглянуть на исследуемую проблему. Опираясь на практический опыт самих сотрудников (органов), имеющих непосредственное отношение к анализируемым видам правоохранительной деятельности, следует провести конкретный анализ порядка исполнения тех или иных госфункций.

Литература

1. Анохина С.Ю., Бережкова Н.Ф. Прохождение государственной службы гражданами Российской Федерации как способ реализации конституционных гарантий участия в государственном управлении // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.): в 3 ч. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. Ч. 2.
2. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекции. М.: Омега – Л, 2006.
3. Бережкова Н.Ф. Правовое регулирование соблюдения этических (клятвы) норм в Следственном Комитете Российской Федерации как способ обеспечения законности и соблюдения конституционных норм // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.): в 3 ч. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. Ч. 2.
4. Бережкова Н.Ф. Современные требования к сотрудникам полиции, обеспечивающим безопасность // Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: сб. ст. межвуз. науч.-практ. конф. (Москва, 29 мая 2012 г.). М., Академия управления МВД России, 2013.
5. Бережкова Н.Ф. Юридическое образование и этические нормы // Формирование знаний, навыков и профессиональных компетенций в образовательном процессе юридических вузов: мат-лы всероссийской науч.-метод. конф. Владимир: Атлас, 2013.
6. Быкадоров В.А., Васильев Ф.П., Казюлин В.А. Техническое регулирование и обеспечение безопасности: учеб. пос. / под ред. д-ра юрид. наук Ф.П. Васильева. М.: Изд-во «ЮНИТИ-ДАНА», 2014.

7. Васильев Ф.П. Организация охраны общественного порядка городскими районными органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД РФ, 1995.
8. Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5.
9. Мельников А.В. Научно-теоретический взгляд на деятельность территориальных органов внутренних дел районных уровней в области организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в современных условиях // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 4 (25).
10. Мельников А.В. Современные особенности правового регулирования миграционной политики в России и деятельности органов внутренних дел // Конституция РФ как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.): в 3 ч. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета РФ, 2013. Ч. 1.
11. Мельников А.В. Юридическое образование полицейского в системе МВД России // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4).
12. Миллер В.З., Евенко Л.И., Рапопорт В.С. Системный подход к организации управления. М., 1983.
13. О вопросах Федеральной миграционной службы»: постановление Правительства России от 13.07.2012 № 711 (ред. от 21.12.2013) // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4276.
14. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной миграционной службы: указ Президента Российской Федерации от 15.01.2013 № 30 (ред. от 01.07.2014) // СЗ РФ. 2013. № 3. Ст. 177.
15. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом России 28.04.2011 № Пр-1168).
16. СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

УДК 343.843

А.В. Равнюшкин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

**О ПРОБЛЕМАХ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ
ВОЗМОЖНО УСТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА
В СООТВЕТСТВИИ С ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ
«ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ ЗА ЛИЦАМИ,
ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ»**

Особую актуальность в последние годы приобрела проблема профилактики рецидивной преступности. В 2011 г. в российском праве был возрожден институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Однако обнаруживается проблема выявления лиц, в отношении которых возможно установление судом административного надзора. Отсутствует нормативное определение объема полномочий участковых уполномоченных полиции по проведению профилактических мероприятий с лицами, в отношении которых возможно установление административного надзора.

Ключевые слова: административный надзор, предупреждение преступлений, профилактика правонарушений.

*A. V. Ravnushkin, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*

**PROBLEMS OF IDENTIFYING PEOPLE WHO ARE TO ESTABLISH
ADMINISTRATIVE SUPERVISION IN ACCORDANCE WITH THE FEDERAL
LAW «ON ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS
RELEASED FROM PLACES OF DETENTION»**

The problem of prevention of recurrent pre-criminality has become of particular relevance in recent years. Institute of administrative supervision of persons released from places of imprisonment was revived in Russian law in 2011. However, a problem is encountered in the detection of persons in respect of whom may be established by the court of administrative supervision. There is no normative definition of the scope of the powers of local district police chef for preventive measures in respect of persons in respect of which it is possible to establish administrative oversight.

Key words: administrative supervision, crime prevention, infraction prevention.

С момента вступления в силу Федерального закона от 04.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и введения в действие Порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденного приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818, прошло несколько лет [2, 4]. Как отметил Министр

внутренних дел России В.А. Колокольцев, активное использование института административного надзора дает положительные результаты. В 2012 г. под административный надзор взяты 42 тыс. человек. Из числа лиц, состоящих под административным надзором, повторно совершили преступления всего 6% [8, с. 54-57].

Однако в 2013 г. и первые месяцы 2014 г. проблемы выявления и постановки под админи-

стративный надзор лиц, освобожденных из мест лишения свободы, стали очевидными.

Так, по состоянию на 01.01.2014, органами внутренних дел Кемеровской области было выявлено 6003 лица, в отношении которых возможно установление административного надзора. Однако официально по решению суда под надзор были поставлены только 1707 [7, с. 1]. Остальные 4296 были упущены, с ними профилактические мероприятия не проводились. По результатам работы подразделений участковых уполномоченных полиции и сотрудников, осуществляющих административный надзор, по итогам работы органов внутренних дел Кемеровской области за шесть месяцев 2014 г. деятельность по выявлению лиц, в отношении которых возможно установление административного надзора, оценена неудовлетворительно. С января по июль 2014 г. под административный надзор поставлено всего 757 лиц, из них по инициативе органов внутренних дел области – только каждое третье лицо (268) [6, с. 2]. Данные результаты работы органов внутренних дел Кемеровской области повлияли на состояние рецидивной преступности.

Так, в Управлении МВД России по г. Новокузнецку из 935 лиц, попадающих под административный надзор, 68 в течение года совершили два и более административных правонарушений, однако под административный надзор поставлены не были. Аналогичная ситуация наблюдалась и в г. Прокопьевске, где из 597 лиц, попадающих под административный надзор, 56 в течение года совершили два и более административных правонарушения, но под административным надзором не находились. В целом в 2013 г. в Кемеровской области 637 из 6003 лиц, подлежащих постановке под административный надзор, совершили 839 преступлений [7, с. 2-3].

Рассмотрим суть проблемы подробнее.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал четкие разъяснения положениям Федерального закона от 04.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» относительно категорий лиц, в отношении которых возможно установление административного надзора по инициативе органов внутренних дел. Он указал, что органам внутренних дел предоставляется право подавать заявление в суд об установлении административного надзора не только в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих неснятую и (или) непогашенную судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; преступления при рецидиве преступлений; умыш-

ленного преступления в отношении несовершеннолетнего, привлеченных два и более раз в течение одного года к административной ответственности против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) здоровье населения и общественную нравственность, но и в отношении указанных лиц, если они были освобождены из мест лишения свободы до дня вступления в силу Закона и имеют непогашенную либо неснятую судимость на день вступления его в силу [5].

Кроме того, по заявлению органов внутренних дел в отношении совершеннолетних лиц, имеющих непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также при совершении преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, освобожденных из мест лишения свободы до дня вступления в силу Закона и на день вступления его в силу имеющих непогашенную либо неснятую судимость, судом также может быть принято решение о постановке под административный надзор [5]. Административный надзор в отношении данной категории лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также при совершении преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, применяется в обязательном порядке [5]. Если по каким-либо причинам исправительное учреждение, в котором лицо отбыло наказание в виде лишения свободы, не направило заявление об установлении административного надзора, то подать его обязаны уже органы внутренних дел.

В отношении лиц, освобожденных условно досрочно из мест лишения свободы, при уклонении их от исполнения обязанностей, возложенных судом, а также при совершении ими до момента истечения срока оставшейся неотбытой части наказания административного правонарушения или преступления, условно-досрочное освобождение может быть отменено с исполнением оставшейся неотбытой части наказания. По инициативе органов внутренних дел за указанными лицами после истечения срока оставшейся неотбытой части наказания в местах лишения свободы при наличии оснований, предусмотренных в Законе, судом может быть назначен административный надзор.

В отношении лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте и достиг-

ших к моменту или после освобождения из мест лишения свободы восемнадцати лет, руководствуясь положениями ст. 3 Закона, суд также имеет право определить административный надзор. Применение административного надзора возможно и в отношении иностранных граждан (подданных) и лиц без гражданства (подданства) при условии их проживания на территории Российской Федерации на законных основаниях.

Как мы видим, перечень лиц, в отношении которых возможно установление административного надзора, внушительный. В целях профилактики преступлений и административных правонарушений органам внутренних дел предоставляется право выявлять перечисленных лиц и направлять заявление в суд об установлении надзора. Однако, несмотря на принятые правовые акты, в настоящее время отсутствует единый порядок выявления лиц, в отношении которых возможно установление судом административного надзора.

Изданный 25 февраля 2014 г. приказ МВД России № 112 дсп [3] установил две категории лиц, в отношении которых органам внутренних дел необходимо организовать сбор информации в целях установления их местонахождения:

а) поднадзорные лица (лица, в отношении которых судом уже установлен административный надзор);

б) лица, подлежащие постановке под административный надзор.

При этом под вторыми понимаются «лица, подлежащие постановке под административный надзор в соответствии с частью 2 и пунктом 2 статьи 3 Закона» [3]. Это совершеннолетние лица, освобожденные или освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость:

1) за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений;

2) за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; преступления при рецидиве преступлений; умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего и привлеченных два и более раз в течение одного года к административной ответственности против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) здоровье населения и общественную нравственность.

Данный приказ утверждает Инструкцию по организации сбора информации о поднадзорных лицах и лицах, подлежащих постановке под ад-

министративный надзор, сведениями о которых органы внутренних дел уже располагают, т.е. известны их установочные данные: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, регистрация по месту жительства (пребывания) и т.п. Органы внутренних дел осуществляют сбор информации, чтобы этих известных (установленных) лиц найти при их отсутствии более 10 суток по месту жительства, и инициировать их постановку под надзор.

Однако на территории, обслуживаемой органом внутренних дел, может проживать лицо, в отношении которого возможно установление административного надзора, но никакой информации, что такое лицо проживает, у данного органа нет, и оно не разыскивается. Например, это может быть лицо, освобожденное из мест лишения свободы за указанные выше преступления до дня вступления в силу Закона и имеющее непогашенную либо неснятую судимость на день вступления его в силу и в настоящее время; либо под надзор поставить возможно лицо, совершившее преступление в несовершеннолетнем возрасте и достигшее к моменту или после освобождения из мест лишения свободы восемнадцати лет. Ранее упомянутая Инструкция по организации сбора информации на таких неизвестных лиц не распространяется. Но это не значит, что таких лиц не следует выявлять.

Отсутствует четкая регламентация деятельности органов внутренних дел по формированию и порядку учета таких лиц в рамках действующих правовых актов. Ни один нормативный правовой акт не определяет полномочия должностных лиц органов внутренних дел, прежде всего участковых уполномоченных полиции, по проведению профилактических мероприятий в отношении лиц, подпадающих под административный надзор (в т.ч. в отношении лиц, подлежащих постановке под административный надзор). Вполне понятно, что законодательные и иные нормативные правовые акты не могут подробно регулировать все вопросы, которые могут возникнуть в связи с реализацией административного надзора [1]. Однако МВД России имеет возможность осуществлять ведомственное правовое регулирование.

Проведение профилактических мероприятий в отношении поднадзорных лиц формально возможно только после соответствующего решения суда об установлении надзора и официальной их постановки на учет в органах внутренних дел. Тем более, как указано в Инструкции, при осуществлении сбора информации в целях установления местонахождения лиц, подлежащих постановке под

административный надзор, «не допускается ограничение их прав и законных интересов» [3].

Для подготовки материалов в суд об установлении административного надзора необходимо реализовывать ряд мероприятий. В частности, осуществлять постоянный мониторинг совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеющими непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) здоровье населения и общественную нравственность.

Из всего сказанного следует, что при осуществлении административного надзора выявляются проблемы административно-правового и организационного характера:

а) определение единого алгоритма выявления лиц, в отношении которых возможно установление административного надзора, и законного порядка формирования участковыми уполномоченными полиции их учета (в виде списков, карточек и т.п.). В п. 7 Инструкции, утвержденной приказом МВД от 25 февраля 2014 г. № 112 дсп, указано, что при осуществлении сбора информации в целях установления местонахождения поднадзор-

ного лица либо лица, подлежащего постановке под административный надзор, по поручению начальника территориального органа МВД России сотрудником подразделения по осуществлению административного надзора заводится контрольно-наблюдательное дело [3]. Однако данное дело не формируется на указанных лиц, находящихся по адресу жилого или иного помещения, являющегося их местом жительства (пребывания).

б) официальное предоставление должностным лицам, уполномоченным осуществлять административный надзор, в т.ч. участковым уполномоченным полиции, полномочий по ведению мониторинга совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеющими непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) здоровье населения и общественную нравственность.

в) нормативное определение объема полномочий участковых уполномоченных полиции по проведению профилактических мероприятий с лицами, в отношении которых возможно установление административного надзора.

Литература

1. Васильев Ф.П., Майдыков А.А., Миронов А.Н. Что нам совершенствовать, чтобы исполнить Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»? [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Инструкции по организации сбора органами внутренних дел информации в целях установления местонахождения поднадзорных лиц и лиц, подлежащих постановке под административный надзор: приказ МВД России от 25 февраля 2014 г. № 112 дсп.

4. О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: приказ МВД Российской Федерации от 8 июля 2011 г. № 818 (в ред. от 30.06.2012 № 657, от 25.06.2014 № 534). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 22 // Рос. газ. 2013. 5 июля. № 145.

6. Протокол совещания при заместителе начальника полиции (по охране общественного порядка) ГУ МВД России по Кемеровской области от 09.07.2014 № 9/1.

7. Протокол совещания при начальнике ГУ МВД России по Кемеровской области от 05.03.2014 № 2.

8. Фильченко А.П. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспективы законодательного регулирования // Административное право и процесс. 2012. № 2.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.72

И.В. Ботвин

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

e-mail: casper.top@mail.ru

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье исследуются вопросы, связанные с развитием уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в постреволюционный и советский период. Проводится историко-правовой анализ российского уголовного законодательства, начиная с революции 1917 года и до вступления в силу действующего УК РФ.

Ключевые слова: причинение имущественного ущерба, обман, злоупотребление доверием, мошенничество.

I.V. Botvin

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia

e-mail: casper.top@mail.ru

DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR CAUSING DAMAGE TO PROPERTY BY DECEPTION OR ABUSE OF TRUST IN POST-REVOLUTIONARY AND SOVIET PERIOD

This article examines the issues associated with the development of criminal liability for causing damage to property by deception or abuse of trust in post-revolutionary and Soviet periods. The author conducts historical and legal analysis of the Russian criminal legislation, starting with the 1917 revolution and before the entry into force of the current criminal code.

Key words: causing damage to property, fraud, breach of trust, fraud.

Важный этап в развитии российского уголовного законодательства связан с Октябрьской социалистической революцией 1917 г. Октябрьская революция ознаменовала переход к новому социально-экономическому строю, при котором осо-

бое значение придавалось охране и укреплению социалистической собственности. Это предопределило коренное изменение всей системы законодательства, в т.ч. в области регулирования уголовно-правовых отношений [5, с. 17].

Так, уже 24 ноября 1917 г. Декретом СНК № 1 «О суде» были отвергнуты дореволюционные законы в случае их противоречия «революционной совести и революционному правосознанию» (с конца 1918 г. вводится прямой запрет на использование старых законов) [6, с. 50-57], а 31 декабря 1917 г. приказом Народного комиссариата по военным делам была организована северная военно-продовольственная дружина, перед которой в качестве одной из задач стояла борьба с хищениями и спекуляцией [7, с. 123].

1922 г. ознаменован принятием первого советского уголовного кодекса. Посягательствам на собственность в кодексе была посвящена гл. VI «Имущественные преступления», в которой особое место занимало мошенничество. Трактовка мошенничества с 1922 г. была значительно расширена, под ним понималось получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана [10, с. 121]. При этом законодатель определил обман как сообщение ложных сведений и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно. Однако второму способу совершения мошенничества законодатель определения не дал.

Тем не менее в теории уголовного права использовалось понятие злоупотребления доверием, под которым, например, А.А. Жижиленко понимал «причинение вреда чужому имуществу, охрана которого лежала на обязанности виновного, посредством ненадлежащего пользования им правами, вытекавшими для него из этой обязанности» [4, с. 118]. Более того, не все ученые согласны с тем фактом, что злоупотребление доверием является лишь составной частью мошенничества.

Так, С.В. Познышев утверждал, что такая регламентация показывает лишь то, что «составителям Кодекса не была ясна граница, отделяющая злоупотребление доверием от мошенничества, и существенные признаки этого преступления» [9, с. 137]. Позднее М.Д. Шаргородский также отмечал, что злоупотребление доверием представляет собой самостоятельный вид преступления против имущества и соединение его в одну статью с мошенничеством вряд ли можно считать удачным [12, с. 24-28].

Таким образом, в УК 1922 г. законодатель не закрепил отдельной нормы об ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Однако, опираясь на мнение ученых, считаем, что в названном законе содержались частные случаи

такого преступного поведения, например неплательщиками отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных (ст. 79 УК); организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание о количествах, подлежащих обложению или учету предметов и продуктов (ст. 80 УК), заключение убыточных договоров и сделок (ст. 128а) и др.

Название главы, охраняющей имущественные отношения, в УК РСФСР 1926 г. не изменилось. Зато мошенничество (ст. 169) стало определяться как «злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод». По-прежнему злоупотребление доверием остается лишь одним из способов совершения мошенничества, однако предмет посягательства расширен на категорию «иные личные выгоды», под которыми понимались выгоды имущественного характера, такие как право на занятие комнаты, получение назначения по службе и др.

Одной из предпосылок развития уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием стало введение в УК 1926 г. ст. 163 «Кража электрической энергии». Важно отметить, что после утраты законной силы УК РСФСР 1926 г. ответственность за кражу электроэнергии больше не выделялась в качестве отдельной нормы, и до настоящего времени в теории уголовного права ведутся споры о целесообразности ее законодательного закрепления.

Кража электроэнергии в третьей кодификации советского уголовного закона 1960 г. охватывалась ст. 94, название которой полностью совпадает с названием ст. 165 УК РФ в действующей редакции. Статья 94 УК РСФСР 1960 г. стала первой нормой, предусматривающей уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения, и являлась альтернативой мошенничеству. Следует отметить, что в законе содержались две статьи, предусматривающие уголовную ответственность за мошенничество. Так, этому виду хищения посвящены ст. 93 (Глава II «Преступления против социалистической собственности») и ст. 147 (Глава V «Преступления против личной собственности граждан»), при этом запрет на причинение имущественного ущерба устанавливался лишь во II главе.

Новая норма, содержащаяся в ст. 94 УК РСФСР, распространяла свое действие на посягательства, в результате которых государству или

общественным организациям был причинен имущественный ущерб в виде упущенной выгоды.

Несмотря на то, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием сходно с мошенничеством, имеется ряд отличительных особенностей. Так, в ст. 94 УК РСФСР виновный в результате обмана или злоупотребления доверием фактически не изымал имущество из наличных фондов собственника, а ущерб причинялся путем непередачи имущества, которое должно было поступить в фонды собственника, в результате чего виновный получал материальную выгоду.

Неуплата налогов, сборов, пошлин, платежей за пользование газом, электроэнергией, жильем; незаконное использование имущества, вверенного виновному по работе; продажа поддельных или похищенных документов проездных билетов, билетов на посещение культурных мероприятий – все эти действия сохранялись в ст. 94 УК РСФСР 1960 г.

Однако не все ученые были согласны с этим перечнем. Так, существует противоречивое мнение В. Навроцкого, который полагал, что энергия не может быть отражена в фондах, следовательно, энергетических мощностей не существует, ее нельзя запасти, устройство для аккумуляции энергии стоит больше, чем стоимость самой энергии, находящейся в этом устройстве, поэтому уклонение за пользование электроэнергией следует квалифицировать по ст. 94 УК РСФСР. Но в то же время он отмечал, что газ с момента его добычи является имуществом, соответственно, неправомерное использование газа следует квалифицировать как хищение [8, с. 49-50].

М. Гельфер утверждал, что электроэнергия и прочие виды энергии, за пользование которыми установлена и взимается плата, обладают всеми признаками предмета хищения. Он предлагал с учетом специфики предметов преступления, а также способов завладения ими выделить это деяние в самостоятельный состав [3, с. 48-49]. В настоящее время подобной позиции придерживается А.В. Хабаров, обосновывая своё мнение тем, что на энергию распространяется вся триада правомочий собственника – владение, пользование, распоряжение, и договор энергоснабжения рассматривается как договор купли-продажи [11, с. 11-12].

По мнению А.И. Бойко, электроэнергию следует признавать имуществом, поэтому уклонение от оплаты электроэнергии путем обмана или злоупотребления доверием следует квалифицировать как мошенничество, а дейст-

вия по самовольному подключению к источнику энергоснабжения и пользование электроэнергией без платы за нее, соответственно, как кражу [1, с. 42].

У законодателя на этот счет было свое мнение, и 28 мая 1986 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в УК РСФСР 1960 г. введены специальные нормы – ст. 94-1 и ст. 94-2. Статья 94-1 предусматривала уголовную ответственность за самовольное использование в корыстных целях транспортных средств, машин либо механизмов, принадлежащих предприятиям, учреждениям, организациям, совершенное после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Статья 94-2 УК РСФСР содержала запрет на самовольное использование в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа, а равно нарушение правил пользования электрической либо тепловой энергией или газом в быту, совершенные после наложения административного взыскания за такие же нарушения либо причинившие существенный вред [2].

Представляется, что законодательный опыт введения в уголовный закон ст. 94-2 является положительным и может быть применен в действующем УК РФ в качестве самостоятельной нормы особенной части. Исходя из актуальности указанного уголовно-правового запрета, введение указанной нормы позволит значительно уменьшить доходы, получаемые от незаконного использования электроэнергии и газа, которые, по нашему мнению, по праву составляют предмет хищения.

Пленум Верховного Суда в своих разъяснениях расширил сферу применения ст. 94 УК РСФСР. Так, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» разъяснялось, что данной статье следует квалифицировать действия работников транспорта, не уполномоченных на получение с граждан денег за проезд, но получивших от граждан и обративших в свою пользу деньги за безбилетный проезд или провоз багажа. Кроме того, действия лиц, виновных в незаконном занятии рыбным и другими водными промыслами, незаконной охоте или порубке леса, использовавших государственный или общественный транспорт (согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г.), следует квалифицировать по ст. 94 УК РСФСР и нормам, предусматривающим ответственность за нарушение законодательства об охране природы.

Начало последнего десятилетия XX в. связано с серьезными изменениями уголовного закона. Несомненно, причиной изменения законодательства, в т.ч. и уголовного, стали глобальные перемены в социально-политической жизни страны, а также начавшийся переход к рыночным отношениям. После распада СССР законодатель существенно сузил сферу применения ст. 94 УК РСФСР, введя ответственность за уклонение от подачи декларации о доходах (ст. 162-1) и сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения (ст. 162-2). Статьи 94-1 и 94-2 были исключены из УК РСФСР законом РФ от 27 мая 1993 г.

Все вносимые изменения в уголовный закон не успевали за модификацией всех сфер жизни государства. УК РСФСР 1960 г. уже не мог в полной мере решать поставленные перед ним задачи. Многие его положения не соответствовали принятой Конституции РФ 1993 г., началась активная деятельность по разработке законопроекта нового Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, анализ развития уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в постреволюционный период российского государства показал, что в УК 1922 г. законодатель не закрепил отдельную норму об ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Развитие экономических отношений обусловило рост имущественных преступлений,

совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием, что, в свою очередь, привело законодателя к введению новой для российского государства нормы.

Норма, предусматривающая уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, впервые появилась в УК РСФСР 1960 г.

Изначально норма содержалась во II главе «Преступления против социалистической собственности» (ст. 94 УК), а после исключения указанной главы 1 июля 1994 г. в главу V была введена ст. 148.3 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». Однако актуальность данной нормы была утрачена, и при разработке проекта УК РФ вставал вопрос о целесообразности ее нахождения в уголовном законе. Данный вопрос на фоне последних изменений, внесенных в ст. 165 УК РФ, не теряет актуальности и в настоящее время.

Кроме того, законодательный опыт введения запрета на самовольное использование в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа является положительным и может быть применен в действующем УК РФ в качестве самостоятельной нормы особенной части. Введение указанной нормы позволит значительно уменьшить доходы, получаемые от незаконного использования электроэнергии и газа, которые, по нашему мнению, по праву составляют предмет хищения.

Литература

1. Бойко А.И. Уголовно-правовая квалификация незаконного использования электроэнергии // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 42.
2. Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 47. Ст. 264.
3. Гельфер М. О квалификации незаконного пользования электрической и другой энергией // Социалистическая законность. 1983. № 8.
4. Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л.: Рабочий суд. 1928.
5. Изосимов С.В., Чупрова А.Ю. Лжепредпринимательство (ст. 173 УК РФ): юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения. Н. Новгород, 2009.
6. Материалы Народного комиссариата юстиции. Народный суд. М., 1918. Вып. II.
7. Мишутин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917-1918 гг. М., 1954.
8. Навроцкий В. Уголовная ответственность за незаконное пользование электрической и другими видами энергии // Социалистическая законность. 1984. № 2.
9. Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Т. 2: Особенная часть. М., 1923.
10. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). М., 1938.
11. Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999.

12. Шаргородский М.Д. Мошенничество в СССР и на Западе. Харьков, 1927.

УДК 343.326

М.Н. Косарев, канд. юрид. наук, доцент
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: kmn8@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРОРИЗМ

В статье рассматриваются вопросы комплексного применения уголовно-правовых норм в борьбе с терроризмом. Предлагаются пути совершенствования действующего уголовного законодательства относительно рассматриваемой сферы.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, мотивы ненависти или вражды.

M.N. Kosarev, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
e-mail: kmn8@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF CRIMINAL LAW IMPACT ON TERRORISM

The article discusses issues related to the comprehensive application of criminal law in anti-terrorism effort. It proposes the ways of improving the existing criminal law-legislation regarding region of interest.

Key words: crimes of extremist, motives of hatred or enmity.

Терроризм в современном мире стал негативным явлением, посягающим на безопасность общества. В рамках террористической деятельности нарушаются основополагающие права и свободы человека, включая право на жизнь и здоровье многих людей, причиняется существенный экономический ущерб, разрушаются культурно-исторические памятники, дестабилизируется деятельность государственных институтов отдельных стран и даже мировых регионов.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации одним из источников угроз национальной безопасности называется деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя РФ, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей), уничтожение

военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества, устрашение населения, в т.ч. путем применения ядерного и химического оружия либо опасных радиоактивных, химических и биологических веществ [4].

Концепция противодействия терроризму в РФ определяет основные тенденции современного терроризма:

а) увеличение количества террористических актов и пострадавших от них лиц;

б) расширение географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора;

в) усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов на возникновение и распространение терроризма;

г) повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных

террористических формирований с развитой инфраструктурой;

д) усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в т.ч. транснациональной;

е) повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций;

ж) стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения;

з) попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств;

и) разработка новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших [1].

По статистическим данным МВД России, в последние годы отмечается стабильность совершения преступлений террористического характера в России: 2010 г. – 581; 2011 г. – 622; 2012 г. – 637; 2013 г. – 661; 2014 г. (за 8 мес.) – 709 (+80%) [2]. Это требует от государства формулирования и реализации ответных мер на угрозу терроризма.

Система противодействия названному опасному явлению состоит из политических, организационных, правовых, социально-экономических, информационных, технологических и иных мер.

В России создана система антитеррористического законодательства, которая включает в себя Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [3], Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), а также другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ, нормативные правовые акты Правительства РФ, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти.

Концепция противодействия терроризму в РФ выдвигает следующие требования к нормативно-правовой базе противодействия терроризму:

а) гибко и адекватно реагировать на постоянные изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности;

б) учитывать международный опыт, реальные социально-политические, национальные, этноконфессиональные и другие факторы;

в) определять компетенцию субъектов противодействия терроризму, адекватную угрозам террористических актов;

г) устанавливать ответственность физических и юридических лиц за несоблюдение требований законодательства РФ в области противодействия терроризму;

д) определять адекватные угрозам террористических актов меры стимулирования и социальной защиты лиц, участвующих в мероприятиях по противодействию терроризму;

е) обеспечивать эффективность уголовного преследования за террористическую деятельность [1].

В рамках применения правовых инструментов можно выделить уголовно-правовое воздействие, в связи с чем становится актуальным изучение и оценка уголовного закона России в сфере борьбы с терроризмом.

Можно с уверенностью утверждать, что в российском уголовном законодательстве сформировалась совокупность взаимосвязанных уголовно-правовых норм, направленных на противодействие угрозе терроризму. Выделяются следующие статьи УК РФ, регулирующие уголовно-правовые отношения в связи с осуществлением террористической деятельности:

1) Общая часть УК РФ: статьи 20, 35, 56, 63, 64, 73, 78, 79, 82, 83, 92, 1041;

2) Особенная часть УК РФ: статья 205 «Террористический акт»;

статья 2051 «Содействие террористической деятельности»;

статья 2052 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»;

статья 2053 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»;

статья 2054 «Организация террористического сообщества и участие в нем»;

статья 2055 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»;

статья 206 «Захват заложника»;

статья 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»;

статья 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»;

статья 281 «Диверсия»;

статья 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой» и др.

Принимаемые нормы содержат в себе усиление карательного воздействия уголовного права

в противодействии терроризму. Например, запрет на условное осуждение; увеличение максимальных сроков лишения свободы по совокупности преступлений – до 30 лет и совокупности приговоров – до 35 лет; отмена сроков давности; повышенные требования к фактически отбытому сроку наказания при условно-досрочном освобождении от наказания и др. При этом приходится констатировать, что максимальный предел возможного в России уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы за особо тяжкие преступления террористического характера в действующем законе уже достигнут.

Изменения в УК РФ в связи с противодействием терроризму вносились Федеральными законами РФ: от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ; от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ; от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ; от 27 июля 2010 г. № 197-ФЗ; от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ; от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ; от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ; от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ. Исходя из анализа нормативных актов, следует сделать вывод о том, что в ходе реализации уголовной политики не всегда присутствует системность в принятии антитеррористических уголовно-правовых мер. Само по себе изменение закона не гарантирует активизацию эффективного его применения. Зачастую уголовное законодательство в сфере противодействия терроризму совершенствуется относительно произошедших резонансных террористических актов, что не всегда сказывается положительно на качестве вновь включаемого законодательного материала.

В этом контексте обозначим некоторые противоречивые конструкции:

– в пункте «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ террористический акт, сопряженный с умышленным причинением смерти человеку, не соотносится с понятием убийства, т.е. умышленного причинения смерти другому (курсив наш – М.К.) человеку, содержащимся в ч. 1 ст. 105 УК РФ. Это может вызывать проблемные вопросы в толковании признаков и квалификации преступления;

– примечание 11 к ст. 2051 УК РФ полностью дублирует положения ч. 5 ст. 33 УК РФ относительно разъяснения понятия соучастника и дополнительной практической нагрузки не несет;

– в части 2 ст. 2052 УК РФ отсутствует признак публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или пуб-

личного оправдания терроризма, совершенные с использованием «информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"». При этом не учитываются тенденции в области совершенствования уголовного закона, которые признают повышенную общественную опасность такого признака за счет массовости, быстроты и глубины проникновения негативного информационного воздействия на общество.

В связи с обозначенными проблемами можем предложить варианты их разрешения:

– в пункте «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ следует заменить слова «повлекли умышленное причинение смерти человеку» на слова «повлекли умышленное причинение смерти другому (курсив наш – М.К.) человеку»;

– исключить примечание 11 к ст. 2051 УК РФ;

– часть 2 ст. 2052 УК РФ изложить в следующей редакции: «Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"».

При обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу государство исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй РФ [4].

Однозначность формы и содержания антитеррористических уголовно-правовых норм закладывает основу их дальнейшего эффективного применения, неотвратимости наказания и обеспечивает соблюдение принципов законности, справедливости и гуманизма.

Следует сделать вывод о том, что терроризм представляет собой изменчивое явление, присущее современному миру, поэтому и уголовно-правовая политика по отношению к нему должна выстраиваться исходя из системного анализа меняющихся угроз, с учетом соотношения с общими положениями и принципами уголовного права, что позволит более эффективно решать задачи по противодействию терроризму в целом.

Литература

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.). URL:<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.09.2014).
2. Общие сведения о состоянии преступности. URL:<http://www.mvd.ru> (дата обращения: 11.09.2014).
3. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. URL:<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.09.2014).
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.09.2014).

УДК 343.62

Т.А. Плаксина, доктор юрид. наук, доцент

Алтайская академия экономики и права

e-mail: plaksinata@yandex.ru

НАКАЗАНИЕ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО (СТ. 156 УК РФ): ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В статье рассматриваются история развития, современное состояние и проблемы применения санкции ст. 156 УК РФ. Автор анализирует статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2009-2013 годы о наказаниях, назначаемых за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Тенденция к повышению ответственности за преступления против несовершеннолетних, отчетливо проявившая себя в последние годы, находит свое выражение и в практике назначения наказания по ст. 156 УК РФ. Однако необходимое ужесточение уголовной репрессии сдерживается положениями ряда норм Общей части УК РФ и фактической невозможностью исполнения некоторых видов наказаний без ущерба для самих несовершеннолетних потерпевших.

Ключевые слова: несовершеннолетние, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, наказание, санкция, назначение наказания.

T.A. Plaksina, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Altai Academy of Economics and Law

e-mail: plaksinata@yandex.ru

PUNISHMENT FOR FAILURE TO PERFORM DUTIES IN THE EDUCATION OF MINORS (ART. 156 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): LEGISLATIVE DECISION AND LAW APPLICATION PRACTICE

The article examines the historical development, current status and problems of application of sanctions Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2009-2013 on penalties imposed for failure to perform duties in the education of minors. The trend towards increasing responsibility for crimes against minors, clearly manifested itself in recent years, reflected in the practice of sentencing in Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, the necessary tougher criminal repression is constrained by a number of rules of the General part of the Criminal Code and the impossibility of execution of certain types of penalties, without prejudice to juvenile victims themselves.

Key words: minor, failure to perform duties in the education of minors, punishment, sanction, sentencing.

Количество осужденных по ст. 156 УК РФ, предусматривающей ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, в течение последних 5 лет стабильно снижается: согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, содержащимся в отчетах о видах

наказания по наиболее тяжкому преступлению, в 2009 г. по ст. 156 УК РФ как основной было осуждено 3 368 человек [4], в 2010 г. – 3 192 [5], в 2011 г. – 2 516 [6], в 2012 г. – 2 024 [7], в 2013 г. – 1 732 человека [8]. Таким образом, за 5 лет количество ежегодно осуждаемых лиц уменьшилось почти в 2 раза на фоне сходной

динамики зарегистрированных преступлений данного вида [10, с. 28]. Однако оно остается довольно значительным для постановки и рассмотрения вопроса о наказании за это преступление.

Известно, что степень жесткости уголовной репрессии за то или иное преступление определяется как установленными законодателем пределами санкции, так и реализацией этой санкции в судебной практике при назначении наказания. Суровость санкции, вполне отвечающей характеру и степени общественной опасности преступления и имеющей достаточный для достижения целей наказания карательный потенциал, может быть нивелирована правоприменительной практикой. Но практика же нередко показывает и недостатки самой санкции, ставя законодателя перед необходимостью ее совершенствования.

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в настоящее время принадлежит к числу преступлений небольшой тяжести. Таковым оно было и на протяжении почти всего срока действия УК РФ, за исключением двухлетнего периода (2009-2011 гг.), когда за данное преступление законодатель уже предусматривал лишение свободы на срок до трех лет, но ст. 15 УК РФ еще относил такие деяния к преступлениям средней тяжести.

Как и за все преступления небольшой тяжести, за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего законодатель на протяжении всего периода действия УК РФ устанавливает альтернативную санкцию. Но по набору предусмотренных видов основных наказаний эта санкция не оставалась неизменной. На момент принятия УК РФ она предусматривала три альтернативных вида основных наказаний: штраф, ограничение свободы и лишение свободы, верхний предел которого составлял два года. Однако последний вид наказания был исключен из нее Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ. Этим же законом санкция была расширена за счет включения в нее таких видов наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы и исправительные работы. Учитывая, что ограничение свободы в его первоначальном варианте так и не было введено в действие, вплоть до середины 2009 г. исправительные работы были самым суровым видом наказания за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. В целом санкция этого периода была наиболее мягкой за всю историю существования ст. 156

УК РФ как по видам основных наказаний, так и по их срокам и размерам.

Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ в санкцию рассматриваемой статьи было возвращено наказание в виде лишения свободы, причем его максимальный предел был повышен до трех лет по сравнению с первоначальной редакцией ст. 156 УК РФ. При этом законодатель исключил из санкции основные наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничения свободы, одновременно увеличив максимальный размер штрафа и максимальные пределы обязательных и исправительных работ.

Наконец, изменения, внесенные в санкцию ст. 156 УК РФ Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ, сделали ее еще более жесткой как по видам наказаний, так и по их срокам и размерам: в качестве альтернативного основного вида наказания в ней появились принудительные работы, а также в два раза был повышен максимальный предел наказания в виде обязательных работ – с двухсот двадцати до четырехсот сорока часов. Таким образом, на сегодняшний день эта санкция содержит 5 альтернативных видов основных наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы и лишение свободы. При этом принудительные работы фактически не могут быть назначены, поскольку не введены в действие. Реально применяться могут только оставшиеся четыре вида основных наказаний.

В уголовно-правовой литературе последних лет обращается внимание на недостатки санкции в ее современной редакции. О.М. Шаганова, анализируя предусмотренные санкцией ст. 156 УК РФ виды наказаний, отмечает, что они в значительной части случаев либо не могут применяться к виновным по формальным основаниям, либо серьезно ухудшают положение не столько виновного лица, сколько членов его семьи, в т.ч. несовершеннолетних детей [10, с. 29-30]. Частым препятствием к применению лишения свободы является новая редакция ч. 1 ст. 56 УК РФ, согласно которой этот вид наказания может быть назначен осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, а они обычно при совершении анализируемого преступления отсутствуют. Обязательные и исправительные работы не могут быть назначены беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет (ч. 4 ст. 49,

ч. 5 ст. 50 УК РФ). Штраф как наказание имущественного характера при применении его к родителям отражается на доходах семьи и неизбежно – на условиях жизни ребенка. Д.А. Нечипоренко правильно считает, что штраф может быть целесообразен лишь по отношению к иным, помимо родителей, субъектам, названным в ст. 156 УК РФ [2, с. 113]. Поэтому предложение расширить пределы санкции за счет включения в нее наказания в виде ограничения свободы, высказанное в уголовно-правовой литературе [10, с. 29-30], представляется вполне обоснованным. Несмотря на то, что специалисты на сегодняшний день оценивают ограничение свободы как малоперспективный вид наказания, конкурирующий с условным осуждением с явным преимуществом в пользу последнего [9, с. 39-46], в рамках ст. 156 УК РФ он окажется реальной альтернативой условному осуждению к лишению свободы или исправительным работам в ситуациях, когда эти виды наказаний не могут быть применены в силу ограничений, установленных в Общей части УК РФ.

Изучение статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма статистической отчетности № 10-3 – отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению) показывает, что в 2009-2013 гг. к осужденным по ст. 156 УК РФ в действительности применялись не четыре, а шесть видов основных наказаний: помимо указанных в санкции видов основных наказаний суды также назначали ограничение свободы (за исключением 2009 г., когда ограничение свободы еще имело иное содержание) и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Назначение не указанных в санкции ст. 156 УК РФ видов основных наказаний производится с применением ст. 64 УК РФ: согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, данному в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», по смыслу ч. 1 ст. 64 УК РФ назначению более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, не препятствует наличие в санкции статьи Особенной части УК РФ, по которой лицо признано виновным, альтернативных более мягких видов наказаний [3]. Кроме того, при назначении наказания в виде лишения свободы и исправительных работ в части случаев применялось условное осуждение. Поэтому фактически в арсенале судов было 8 вариантов наказаний и иных мер уголовно-правового характера:

1) лишение свободы; 2) лишение свободы с применением условного осуждения; 3) исправительные работы; 4) исправительные работы с применением условного осуждения; 5) ограничение свободы; 6) обязательные работы; 7) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 8) штраф.

Статистический анализ данных отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ позволяет определить долю лиц, осужденных к каждому из видов наказания, в общем числе осужденных по ст. 156 УК РФ и сделать выводы о степени жесткости уголовной репрессии в правоприменительной практике.

Доля лиц, осужденных к видам наказаний, которые не фигурируют в санкции, вполне объяснимо является чрезвычайно низкой и не достигает даже 0,5% по каждому из этих видов наказаний. Ограничение свободы колеблется в пределах от 0,12% (2013 г.) до 0,4% (2012 г.), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – от 0,06% (2013 г.) до 0,24% (2009 г.).

Каждый из оставшихся 6 вариантов наказаний и иных мер уголовно-правового характера занимает статистически значимую долю в структуре фактического применения этих мер, однако динамика удельного веса различных видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера специфична.

Относительно стабильной является лишь доля лиц, осужденных к обязательным работам. В 2009 г. она составляла 32,19%, в 2010 г. – 25,84%, в 2011 г. – 24,8%, в 2012 г. – 27,33%, в 2013 г. – 25,57%. Наибольший удельный вес осужденных к данному виду наказания приходится на 2009 г., в 2010 г. этот показатель несколько снижается и в последующие годы остается в тех же пределах с отклонениями, не превышающими статистической погрешности.

Абсолютно иную динамику демонстрирует удельный вес исправительных работ. В 2009 г. исправительные работы, назначаемые к реальному отбыванию, занимали 26,58% в структуре наказаний, назначенных по ст. 156 УК РФ. В последующие два года их доля падала, наименьшей она была в 2011 г. – 14,23%, а затем в течение двух лет росла, вернувшись в 2013 г. к значению 2009 г. (26,9%). Эту траекторию повторяет и динамика удельного веса исправительных работ с применением условного осуждения (ст. 73 УК РФ) с той лишь разницей, что в 2013 г. доля осужденных к такому наказанию лиц в общем числе осужденных по ст. 156 УК

РФ не достигла уровня 2009 г. (2009 г. – 9,69%, 2011 г. – 4,98%, 2013 г. – 7,25%).

Аналогичным образом изменяется и структурный показатель штрафа. Занимая в 2009 г. в общем числе назначенных по ст. 156 УК РФ наказаний 28,39%, он начинает резко снижаться в 2010 г., достигая своего минимума в 2011 г. (12,48%), после чего происходит его рост. В 2013 г. доля лиц, осужденных к штрафу, составляет уже 29,1%, даже несколько превышая показатель 2009 г. При этом подавляющее большинство лиц, которым назначается этот вид наказания, осуждается к штрафу в размере не выше 5 тыс. руб. В 2013 г. удельный вес таких лиц по отношению ко всем осужденным по ст. 156 УК РФ, которым был назначен штраф, составлял 56,97%, в 2012 г. – 65,77%, в 2011 г. – 75,72%.

Зеркальным отражением изменений структурных показателей исправительных работ (в т.ч. и назначенных условно) и штрафа является динамика реального и условного лишения свободы. Минимальный удельный вес лиц, осужденных к лишению свободы, фиксируется в 2009 г. (0,09% – реальное лишение свободы; 2,82% – лишение свободы с применением ст. 73 УК РФ). Максимальные показатели достигаются в 2011 г. (5,5% и 37,8%); к 2013 г. они резко снижаются (3,25% – реальное лишение свободы, 7,77% – условное лишение свободы).

Н.В. Артеменко и Е.Р. Кейдунова, анализируя в 2011 г. статистические данные о видах наказаний, назначенных по ст. 156 УК РФ в 2009 г., указывали, что карательный потенциал санкции статьи используется лишь в части наказаний, не связанных с лишением свободы, несмотря на то, что и в науке, и в средствах массовой информации постоянно говорят о необходимости ужесточения наказания за данное преступление [1, с. 33]. Действительно, в

2009 г. лица, осужденные к лишению свободы, занимали в общей численности осужденных по ст. 156 УК РФ менее 3%. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что в 2010–2011 гг. в рамках отчетливо проявившейся в уголовно-правовой политике тенденции ужесточения ответственности за преступления против несовершеннолетних практика была сориентирована на применение за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних более суровых, чем ранее, наказаний, в частности лишения свободы. В 2011 г. реальное лишение свободы и лишение свободы с применением ст. 73 УК РФ в общей сложности составили 43,3% от всех назначенных наказаний. Однако поправки, внесенные в ч. 1 ст. 56 УК РФ Федеральным законом от 07.12.2011 № 420, коренным образом изменили ситуацию, поскольку появилось формальное ограничение в части назначения лишения свободы за впервые совершенное преступление небольшой тяжести.

Тем не менее нельзя не заметить, что показатели 2013 г. все же существенно отличаются от показателей 2009 г.: гораздо выше доля лиц, осужденных к реальному лишению свободы (0,09% – в 2009 г., 3,25% – в 2013 г.) и к лишению свободы с применением условного осуждения (2,82% – в 2009 г., 7,77% – в 2013 г.). Среди лиц, осужденных к штрафу, значительно уменьшилась доля тех, кому назначен штраф в размере, не превышающем 5 тыс. руб.: в 2011 г. – 75,72%, в 2013 г. – 56,97%. Поэтому в целом практика назначения наказания лицам, осужденным за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, в настоящее время является более жесткой, чем она была до того, как законодателем были приняты меры по усилению ответственности за преступления против несовершеннолетних.

Литература

1. Артеменко Н.В., Кейдунова Е.Р. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты) // Юрист-Правоведь. 2011. № 4.
2. Нечипоренко Д.А. Ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в Уголовном кодексе РФ // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2009. № 1.
3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 (ред. от 03.12.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 год. Форма № 10-3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840>.

5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010 год. Форма № 10-3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837>.

6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2011 год. Форма № 10-3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272>.

7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 год. Форма № 10-3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год. Форма № 10-3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>.

9. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М.: Penal Reform International, 2013.

10. Шаганова О.М. Обоснование необходимости совершенствования нормы, предусматривающей уголовную ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 1.

УДК 343.1:343.85

С.Н. Шатилович, канд. юрид. наук, доцент

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

e-mail: shatisergei@yandex.ru;

А.Н. Величко, канд. юрид. наук

Калининский районный суд г. Тюмени

e-mail: Aleksvell@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

Данная статья посвящена деятельности суда по предупреждению преступлений. На основе действующего законодательства и сложившейся судебной практики авторы выделяют виды процессуальных форм профилактической деятельности суда и определяют профилактическое значение каждого из них.

Ключевые слова: суд, деятельность, профилактика, предупреждение преступлений.

S.N. Shatilovich, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

e-mail: shatisergei@yandex.ru;

A.N. Velichko, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Kalininskiy district court, Tyumen

e-mail: Aleksvell@rambler.ru

INFLUENCE OF JURIDICAL ACTS OF COURT ON CRIME PREVENTION IN RUSSIA

This article focuses on the court's activities in crime prevention. The authors identify the types of procedural forms of preventive activities of the court on the basis of current legislation and court practice and determine the preventive value of each of them.

Key words: court, activities, prevention, crime prevention.

В начале XXI в. в России продолжает оставаться крайне напряженной криминальная ситуация. Так, в январе-декабре 2013 г. было зарегистрировано 2 206 249 преступлений, что всего на 4,2% меньше, чем за 2012 г. [5]. Более того, человечество подошло к такому рубежу своего развития, когда преступность, в особенности организованная, стала реально угрожать его безопасности. В связи с этим в Указе Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» указывается на то, что «Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной

и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации» [4]. Следовательно, деятельность по предупреждению преступлений является частью политики государства по борьбе с преступностью. Решение же комплексной задачи осуществления такой деятельности возможно лишь на

основе согласованных усилий законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, каждая из которых призвана внести свой вклад в рамках своих возможностей и полномочий.

Суды обладают большими возможностями, т.к. являются участниками широкого круга правоотношений, возникающих в сфере борьбы с преступностью. Вместе с тем в начале 90-х годов XX столетия вследствие односторонней трактовки правозащитной роли суда, преувеличенного понимания его независимости, места суда в системе государственных органов (необоснованное дистанцирование судов от системы правоохранительных органов) явно обозначилась тенденция к ограничению предупредительных функций судебной системы. Более того, в 2002 г. с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (далее – УПК РФ) законодатель освободил суд от обязанности выносить частные определения (постановления) по выявленным в ходе судебного разбирательства обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления, а вместо этого предусмотрел право суда на вынесение таких судебных актов (ч. 4 ст. 29 УПК РФ). В связи с этим в настоящее время у некоторых ученых-юристов и многих судей сложилось представление о том, что суд вообще не должен участвовать в осуществлении профилактических мероприятий.

Приведенные суждения свидетельствуют о недостаточной разработке вопросов деятельности суда по предупреждению преступлений, о сложности и многогранности проблемы, настоятельно требующей своего рассмотрения.

Деятельность суда по предупреждению преступлений носит межотраслевой характер в связи с возможностью применения им различных профилактических мер уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминологической политики. Это, в свою очередь, предоставляет суду наиболее широкие возможности по сравнению с другими специальными субъектами предупреждения преступлений [2, с. 13-38].

Специфика предупредительной деятельности суда вытекает, прежде всего, из процессуальной природы осуществления уголовного судопроизводства. Однако в предупредительную деятельность суда наряду с процессуальной формой необходимо включать и его непроцессуальные формы деятельности (статистико-аналитическая работа и обобщение судебной практики; правовая пропаганда среди населения; координация предупредительной деятельности суда с дея-

тельностью других субъектов предупреждения преступлений) [3, с. 309-353].

Участие суда в уголовном, административном и гражданском судопроизводстве позволяет выделить следующие группы процессуальных форм предупредительной деятельности суда:

- 1) уголовно-процессуальные формы;
- 2) формы, осуществляемые в ходе разрешения подведомственных суду административных дел;
- 3) формы, осуществляемые при отправлении правосудия по гражданским делам.

С учетом изложенного проведем краткий анализ процессуальных форм предупредительной деятельности суда с целью определения профилактического значения каждой из них.

Во-первых, правовой основой уголовно-процессуальной формы деятельности суда по предупреждению преступлений является ч. 4 ст. 29 «Полномочия суда» и ч. 2 ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию». В них регламентированы обязанность суда по обязательному выявлению в ходе судебного разбирательства по уголовным делам обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ), а также правомочия суда на вынесение частных определений или постановлений с целью обеспечения устранения данных обстоятельств (ч. 4 ст. 29 УПК РФ). К таким обстоятельствам относятся причины, порождающие преступление, и условия, способствовавшие его совершению. Более того, отмеченные обстоятельства могут проявляться в виде недостатков в деятельности организаций, должностных лиц и граждан.

Суд может вынести частное постановление (определение) в адрес любого органа, организации, должностного лица, наделенного полномочиями, необходимыми для принятия соответствующих мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления, а также по устранению нарушений закона и (или) направленных на недопущение их повторения [1, с. 55-57]. При этом судами Тюменской области в 2013 г. вынесено 69 частных определений и постановлений по уголовным делам, а также 27 – по гражданским делам.

В свою очередь, должностные лица данных органов, организаций должны своевременно сообщить о принятых мерах, направленных на устранение нарушений закона и их недопущение в последующем (например, обсуждение на оперативных совещаниях, проведение служебной проверки, указание лицу, допустившему нарушение закона, на недопустимость подобных

действий, наложение дисциплинарных взысканий). Кроме того, по некоторым частным определениям принимается совокупность перечисленных мер [6; 7, с. 158].

Помимо этого, предупредительный эффект деятельности суда связан с выполнением его основной задачи – осуществление правосудия, т.е. деятельность по восстановлению нарушенных преступлением или иным правонарушением прав и свобод личности и предупреждению этих нарушений. При должной организации работы суда оказывается большое правовое и нравственное воздействие на участников судебного процесса и иных граждан, присутствующих при судебном разбирательстве (в зале суда). Такое воздействие достигается также посредством реализации принципа законности при производстве по уголовному делу, соблюдения гласности судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ) и регламента судебного заседания (ст. 257 УПК РФ) как общих условий судебного разбирательства. Все это убеждает граждан в справедливости и эффективности правосудия, реальной возможности защиты их прав и законных интересов. В свою очередь, вынесение судом справедливого и обоснованного приговора по уголовным делам обеспечивает общую и частную превенцию, вносит свой вклад в предупреждение рецидива. В этом случае общая превенция в деятельности суда реализуется с помощью публичного применения норм уголовного закона. При этом значение приобретает принцип гласности судебного разбирательства. Частная же превенция достигается судом посредством применения к виновным лицам мер уголовного наказания, а также выявления причин и условий совершения конкретного преступления.

Обозначенное выше подтверждается также данными, полученными нами в результате анкетного опроса судей г. Тюмени и юга Тюменской области (всего проанкетировано 70 федеральных и 20 мировых судей), проведенного в период с 2003 по 2014 гг. Так, отвечая на вопрос: «Какие из перечисленных уголовно-процессуальных форм предупреждения преступлений, на Ваш взгляд, используются судом в деятельности по предупреждению преступлений?», мнения экспертов распределились следующим образом: 1) правовое и воспитательное воздействие на участников судебного процесса и иных граждан, присутствующих при судебном разбирательстве, посредством реализации принципа гласности судебного разбирательства и соблюдения рег-

ламента, осуществления быстрого, полного и всестороннего судебного рассмотрения дела, а также вынесения судом справедливого приговора либо принятие иного судебного решения – 79%; 2) выявление причин преступления и условий, способствовавших совершению преступлений, – 50%; 3) выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, – 40%; 4) вынесение частных определений или постановлений как уголовно-процессуальных средств реагирования на выявленные причины и условия, способствовавшие совершению преступления, – 60%; 5) суд не должен использовать уголовно-процессуальные формы предупреждения преступлений – 1%.

Во-вторых, переходя к анализу иных процессуальных форм предупреждения судом преступлений, важно отметить, что они носят в своем большинстве многоцелевой характер. Так, основной формой, осуществляемой в ходе разрешения подведомственных суду административных дел, является привлечение к ответственности за административные правонарушения с соблюдением общих правил назначения административного наказания, предусмотренных ст. 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (с послед. изм. и доп.) (далее – КоАП РФ). С учетом этого суд может применить следующие административно-правовые нормы: ст. 6.8-6.13, 7.27, 12.1-12.36, 17.4, 19.1, 20.1, 20.22 КоАП РФ и др. Особо следует выделить статью 17.4 КоАП РФ, предусматривающую административную ответственность за непринятие мер по частному определению суда, что позволяет суду воздействовать на должностных лиц, оставляющих без рассмотрения вынесенное судом частное определение в связи с выявленными причинами и условиями совершения преступлений.

В-третьих, немаловажное значение играют и формы предупреждения судом преступлений, осуществляемые при отправлении правосудия по гражданским делам. Анализ постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 1 сентября 1987 г. № 5 «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений» (в ред. от 21.12.1993) показывает, что при рассмотрении гражданско-правовых споров основной формой такого предупреждения выступает реагирование суда на

выявленные недостатки, ошибки, упущения в деятельности предприятий, учреждений, организаций или должностных лиц, которые способствовали совершению преступления (п. 4). В этом случае согласно ч. 1 ст. 226 Гражданско-процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с послед. изм. и доп.) суд наделяется правом вынесения частного определения при выявлении случаев нарушения законности. Кроме того, в части третьей данной нормы сказано, что «в случае если при рассмотрении дела суд обнаружит в действиях стороны, других участников процесса, должностного или иного лица признаки преступления, суд сообщает об этом прокурору».

К числу процессуальных форм предупреждения преступлений относятся и другие гражданско-правовые средства профилактического характера, используемые судами. Так, например, допустимо лишь в судебном порядке лишение родительских прав лиц, которые злостно уклоняются от выполнения обязанностей родителей, злоупотребляют родительскими правами, являются хроническими алкоголиками или наркоманами (ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с послед. изм. и доп.)). Данная санкция применяется судом к родителям также в случаях: жестокого обращения с детьми, в т.ч. применения физического или психического насилия к ним; покушения на их половую неприкосновенность; совершения умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга. Взаимосвязь неблагополучной семьи и преступности несовершеннолетних давно установлена, поэтому в перечисленных случаях основной целью является устранение таких криминогенных факторов, как безнадзорность подростка, употребление им алкоголя, наркотиков, а также негативное влияние на подростка со стороны недостойных родителей.

В свою очередь, лишь в компетенции суда находится принятие решения о выселении из жилого помещения граждан, лишенных роди-

тельских прав, если совместное проживание этих граждан с детьми признано судом невозможным (ст. 91 Жилищного кодекса РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (с послед. изм. и доп.)). С помощью этой меры можно ликвидировать острый бытовой конфликт, не дав ему вылиться в совершение преступления или иного правонарушения.

В целом же справедливое решение по гражданским, семейным, трудовым, хозяйственным делам способствует устранению или смягчению криминогенных конфликтных ситуаций, факторов, детерминирующих криминальную мотивацию и облегчающих ее реализацию.

Нельзя не заметить, что для всех анализируемых процессуальных форм предупреждения преступлений характерно то, что непосредственно профилактическую функцию выполняют выносимые судами в ходе судебного рассмотрения различных дел частные определения (постановления), направленные на устранение выявленных обстоятельств, служащих причинами и условиями, которые способствовали совершению преступления. При этом именно выявление в ходе судебного разбирательства обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятие мер по их устранению является стержнем деятельности суда по предупреждению преступлений.

Проведенный анализ процессуальных форм предупредительной деятельности суда показал, что в наибольшей степени профилактическим эффектом обладают уголовно-процессуальные формы предупреждения преступлений, используемые судом в ходе уголовного судопроизводства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процессуальные формы предупреждения преступлений, используемые судом в ходе судопроизводства, имеют большое профилактическое значение, т.к. непосредственно ориентированы на предупредительную деятельность и позволяют эффективно осуществлять ее в современных условиях.

Литература

1. Бурмагин С.В. Частное постановление (определение) как форма осуществления превентивной функции суда // Уголовный процесс. 2006. № 11.
2. Величко А.Н., Шатилович С.Н. Предупреждение преступлений в деятельности суда: монография / под ред. А.В. Шеслера. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006.
3. Метелев С.Е., Курьяков И.А., Лизунов В.В. и др. Деятельность административных органов по противодействию правонарушениям: монография. Омск: Издатель ИП Скорнякова Е.В., 2012.

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014.
6. Суворовский районный суд Тульской области – обобщение судебной практики вынесения частных определений судебной коллегией по уголовным делам Тульского областного суда за первый квартал 2013 года. URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 20.08.2014).
7. Шатилович С.Н. Направления работы с личным составом по противодействию злоупотребления алкоголем в условиях реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26).

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 342.102

С.И. Давыдов, доктор юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

Т.В. Жолтоног

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

e-mail: matresha-2010@mail.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗУМНЫЙ СРОК ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕРАСКРЫТЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

В данной статье обсуждается одна из наиболее острых в уголовном процессе проблема – проблема соблюдения разумных и приемлемых сроков судопроизводства, рассматриваются факторы, влияющие на разумный срок предварительного расследования.

Ключевые слова: судопроизводство, уголовное дело, уголовное преследование.

S.I. Davydov, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

T.I. Zholtanog

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia

e-mail: matresha-2010@mail.ru

FACTORS THAT AFFECT A REASONABLE PERIOD OF PRELIMINARY INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES ON UNSOLVED CRIMES

This article discusses one of the most acute in the criminal process problem – observance of reasonable and acceptable terms of legal proceeding. The factors that affect a reasonable period of preliminary investigation are considered.

Key words: proceedings, criminal case, criminal prosecution .

Проблема соблюдения разумных и приемлемых сроков судопроизводства – одна из наиболее острых в уголовном процессе [10] и требует обстоятельных исследований.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 6) уголов-

ное судопроизводство предназначено обеспечить защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Как правильно отмечает К.В. Во-

лынец, эффективность такой защиты во многом зависит от того, соблюдаются ли разумные сроки осуществления уголовно-процессуальной деятельности [2].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ определяет также обстоятельства, которые должны учитываться при определении разумного срока уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ). Данная статья была дополнена в УПК РФ Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"».

К таким обстоятельствам, учитываемым при определении разумного срока, относят период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора; правовую и фактическую сложность уголовного дела; поведение участников уголовного судопроизводства; достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела; общую продолжительность уголовного судопроизводства [11].

Однако определение разумного срока в практике судопроизводства по установленным делам вызывает трудности, прежде всего по той причине, что УПК РФ не закрепляет понятие «разумный срок уголовного судопроизводства», не определены критерии, на которые следует ориентироваться при оценке разумного срока уголовного судопроизводства. Особенно остро эти вопросы встают при определении разумности применительно к сроку досудебного производства по уголовным делам, по которым лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, не установлены, т.е. при расследовании нераскрытых преступлений.

Полагаем, что в определенной степени решение поставленных проблем будет способствовать уточнению понятия «разумный срок уголовного судопроизводства» и выделению факторов, влияющих на разумный срок предварительного расследования уголовных дел по нераскрытым преступлениям.

Прежде чем перейти к анализу понятия «разумный срок уголовного судопроизводства»,

отметим, что указанная категория является оценочной, Конституционный Суд Российской Федерации высказался по этому поводу однозначно – использование в норме оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности ее содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций [8, 9].

Анализируя позиции Европейского Суда по правам человека, Л.И. Лавдаренко приходит к выводу о том, что разумный срок – это «период, позволяющий избежать чрезмерного, необоснованного промедления при расследовании и рассмотрении уголовного дела», а требование разумных сроков есть требование срочности или быстроты процесса [5, с. 16-20].

М.Т. Аширбекова и С.Б. Некенова говорят о том, что разумный срок – это правовое оформление неимущественного интереса лица (стороны уголовного дела) в установлении предела его состоянию неопределенности и беспокойства в связи с производством по уголовному делу, требующего соразмерной ему по времени и эффективности деятельности со стороны субъектов, ведущих уголовный процесс, исходя из особенностей личности обладателя этого интереса (состояния здоровья и иных жизненных ситуаций), а также публичного интереса, вызывающего саму необходимость производства по уголовному делу [1, с. 27-31].

Ч.М. Исмаилов считает, что соблюдение разумного срока есть выполнение максимума субъективно возможного в рамках процессуальных сроков при объективных данных расследования и рассмотрения конкретного дела или проверки конкретного сообщения о преступлении [4, с. 35-38].

Такого же мнения придерживается В.С. Удовиченко, полагая, что в определение разумного срока необходимо включать не только объективные, но и субъективные критерии, а именно противодействие со стороны обвиняемого, подсудимого, защитника, уровень подготовки, опыт и профессиональные качества следователя, судьи и прокурора и т.д. [12, с. 66-68].

Обобщенный анализ приведенных точек зрения позволяет судить о том, что авторы выделяют существенные признаки исследуемого объекта и включают их в определение понятия

разумного срока. Однако у каждого автора свое видение проблемы понятия разумного срока, и, с нашей точки зрения, его оптимальная формулировка должна гармонично сочетать вышеуказанные дефиниции.

К числу проблемных и малоизученных следует отнести вопрос о соблюдении разумного срока при расследовании уголовных дел по неочевидным преступлениям. Актуальность его обусловлена рядом обстоятельств: во-первых, низкой раскрываемостью преступлений (за 2013 г. доля нераскрытых преступлений составила 44%); во-вторых, у граждан, чьи права были нарушены в результате совершенного в отношении них и их имущества преступления, возникает неверие в справедливость и силу закона, в неотвратимость наказания для преступников [13]. При этом у потерпевшего, даже если преступник не установлен, возникает неотъемлемое право на компенсацию за нарушение его права на судопроизводство в разумный срок [7]; в-третьих, значительная часть уголовных дел, приостановленных по п. 1. ч. 1 ст. 208 УПК РФ, как правило, не имеют дальнейшей перспективы. Из этого следует, что реализовать требование о разумном сроке досудебного производства по уголовному делу, где не установлено лицо, совершившее преступление, становится невозможным.

Тем не менее для определения разумного срока применительно к расследованию уголовных дел по неочевидным преступлениям необходима разработка ряда критериев. Полагаем, что дальнейшие исследования в этом направлении могут быть проведены с учетом факторов, которые в той или иной степени влияют на определение разумного срока расследования неочевидных преступлений.

С нашей точки зрения, целесообразно выделить две группы таких факторов – субъективные и объективные.

К субъективным факторам (в сфере организации расследования уголовных дел, принятия по ним решений) следует отнести следующие:

1. Несвоевременное возбуждение уголовного дела, т.е. спустя некоторое время после поступления заявления потерпевшего и проведения дополнительной проверки [3, с. 149-150]. В результате упущенного времени установить лицо, совершившее преступление, становится сложнее.

2. Утрата доказательств по уголовному делу, обусловленная его несвоевременным возбуждением и практической работы по нему на начальном этапе разных сотрудников.

3. Низкий уровень профессионализма следователей. В ходе проведенного опроса практических работников следственных органов в системе МВД города Барнаула было установлено, что расследование уголовных дел о неочевидных преступлениях доверяется неопытным сотрудникам, имеющим небольшой стаж работы¹.

4. Руководители следственных подразделений не уделяют достаточного внимания расследованию всех уголовных дел по нераскрытым преступлениям, находящимся в производстве следователей, осуществляя контроль только по делам, имеющим перспективу направления в суд.

5. Возобновление предварительного следствия по уголовным делам без достаточных на то оснований (например, при поступлении явки с повинной; указания об установлении лица, совершившего преступление). В этом случае проводится ряд следственных действий, как правило, формально, после чего дело вновь приостанавливается.

К объективным факторам, влияющим на разумный срок предварительного расследования уголовного дела по нераскрытым преступлениям, следует отнести отсутствие у следователя достаточных полномочий по установлению лица, совершившего преступление после приостановления уголовного дела. Законодательно закреплено только право следователя давать поручения органу дознания, которые, как правило, исполняются формально и не обеспечивают в полной мере решения задачи установления лица, совершившего преступление.

Сложившуюся ситуацию возможно изменить, устранив негативные факторы, влияющие на соблюдение разумного срока при расследовании нераскрытых преступлений. Полагаем, что необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 209 УПК РФ, наделив органы предварительного расследования полномочиями по производству следственных действий по приостановленному уголовному делу с целью установления лица, совершившего преступление.

¹ Из 16 опрошенных респондентов 10 – сотрудники с опытом работы в должности следователя около 1,5 года.

Литература

1. Аширбекова М.Т., Некенова С.Б. Разумный срок уголовного судопроизводства как правовое понятие // Администратор суда. 2014. № 1.
2. Волюнец К.В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1534528> (дата обращения: 28.04.2014).
3. Жолтоног Т.В. Проблемы возбуждения уголовных дел по факту совершения преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. Ч. 1.
4. Исмаилов Ч.М. Разумный срок уголовного судопроизводства и отдельные проблемы его применения // Российская юстиция. 2013. № 12.
5. Лавдаренко Л.И. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2014. № 2.
6. Михайлов В.А. Уголовно-процессуальный закон (часть первая уголовно-процессуального закона в системе уголовно-процессуального регулирования) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 1 (7).
7. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Электронный ресурс]: федеральный закон № 68-ФЗ от 30 апреля 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 120-О-О. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда от 19.03.2009 № 231-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Удовиченко В.С. К вопросу о разумном сроке в уголовном судопроизводстве // Вестник Барнаульского юридического института. 2010. Вып. № 2 (19).
13. URL: http://www.dp.ru/a/2014/03/21/Putin_MVD_nuzhno_povisit?print=true (дата обращения: 14.05.2014).

УДК 343.125.2

А.А. Лукьянова

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

e-mail: lok_doc@mail.ru

ЗАДЕРЖАНИЕ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ЛИЧНУЮ СВОБОДУ: МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена проблемам ограничения права на личную свободу в ходе применения задержания в уголовном процессе. Автором проанализирована имеющаяся теоретическая база и действующее российское и международное законодательство в сфере применения мер государственного принуждения в контексте обеспечения одного из основных конституционных прав – права на личную свободу.

Ключевые слова: задержание, меры государственного принуждения, личность, свобода личности, уголовный процесс.

A.A. Lukyanova

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia

e-mail: lok_doc@mail.ru

DETENTION AS A RESTRICTION ON PERSONAL FREEDOM: MATERIAL AND PROCEDURAL ASPECTS

«Меры обеспечения принимаются в интересах первого и могут часто вступать в коллизию со стремлениями второго, следствием чего является необходимость их регулирования законодательной властью, устанавливающей пределы нормального разграничения...»

П.И. Люблинский

Вопрос обеспечения прав личности обсуждается на всем протяжении исторического развития российского судопроизводства. Уголовный процесс неукоснительно связан с ограничением правового статуса человека: в части применения наказания или мер принуждения. Неслучайно учеными-правоведами прорабатывалась теория ограничения свободы личности в государственном строе. Так, П.И. Люблинский ассоциировал меры принуждения с нормами, обеспечивавшими функционирование правосудия [5]. Некоторые принудительные меры ученый сравнивал с такой формой наказания, как лишение свободы. Следует полностью согласиться с его позицией относительно основной задачи их применения (обеспечительной), а также равенства граждан по отношению к применению мер принуждения.

Обеспечительные меры должны рассматриваться не как наказание преступника, а как ограничение прав гражданина, ведь виновным человек признается только по приговору суда. До этого момента государство имеет дело с полноправным гражданином. Отличие наказания от принуждения заключается в том, что наказание применяется за нарушение закона, а принуждение – независимо от совершения преступления, в случае нарушения процессуальной нормы или с целью его пресечения. Ограничения прав человека в процессе правосудия избежать нельзя, можно лишь «стремиться к созданию минимально стеснительной обеспечительной меры» [5, с. 13]. Поэтому основной задачей законодателей и правоприменителей является четкая регламентация с целью исключения правовых пробелов, а так-

же законное использование существующих мер принуждения, дабы исключить факты нарушения прав человека.

В настоящее время уголовно-процессуальное задержание как мера принуждения также отождествляется с лишением свободы. Так, О.В. Воронин классифицирует меры процессуального принуждения как вид принудительной изоляции от общества в российском праве. Задержание схоже с лишением свободы, что прописывается в ст. 91 УПК РФ в части условия для его применения – в отношении лица, задерживаемого за преступление, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. В некоторых решениях Конституционного Суда РФ (постановление от 16.06.2009 № 9-П, постановление от 06.12.2011 № 27-П) уголовно-процессуальное задержание наряду с другими мерами принудительной изоляции от общества определяется как лишение свободы [2]. Действительно, если обратиться к постановлению Конституционного Суда РФ № 9-П от 16.06.2009, мы увидим, что понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, когда отраслевые законодательные меры, которые фактически влекут лишение свободы, должны соответствовать критериям ст. 22 Конституции РФ и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и его основных свобод 1953 г., которая ратифицирована Российской Федерацией 30 марта 1998 г.

Европейский Суд, провозглашая право на свободу и личную неприкосновенность, говорит о физической свободе. Исходя из этого следует, что в конкретной ситуации необходимо учитывать такие критерии, как характер, продолжительность, последствие и условия исполнения меры. Лишение свободы и ограничение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой и сущностью (п. 42 постановления от 25 июня 1996 г. по делу «Амюур против Франции») [9].

В контексте Конвенции каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность, и никто не может быть лишен этого права, за исключением случаев, прямо предусмотренных Конвенцией, и в законном порядке. Перечень оснований для лишения свободы в форме законного задержания и заключения под стражу четко ограничен. Среди них применение мер:

– в отношении осужденного компетентным органом;

– в отношении лица за неисполнение законного решения суда и с целью обеспечения ис-

полнения любого обязательства, предписанного законом;

– в отношении лица по обоснованному подозрению с целью предоставления в компетентный орган, для пресечения совершения правонарушения или попытки скрыться после его совершения;

– в отношении несовершеннолетнего лица для воспитательного надзора или для того, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

– в отношении лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также в отношении душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

– в отношении лица для предотвращения его незаконного въезда в страну или с целью его высылки, выдачи [4].

Признание юридической силы положений Конвенции в России означает, что любое нарушение государством права человека на свободу и личную неприкосновенность должно соответствовать требованиям законности порядка производства и подпадать под любые основания, перечисленные в ст. 5 Конвенции. Хотя в российской практике применяются не все основания (наркомания, алкоголизм и бродяжничество не влекут за собой ареста, а заключение под стражу несовершеннолетнего применяется только по обвинению в тяжком и особо тяжком преступлении), необходимо обратить внимание на закрепленной в Конвенции возможности лишения права на свободу с целью обеспечения любого обязательства, предписанного законом. Именно закрепленная на международном уровне возможность применения задержания как обеспечительной меры любого обязательства, предписанного законом, что необходимо подчеркнуть, дает право на существование дискуссии о понятии задержания относительно иных участников уголовного судопроизводства, а также о признании законности задержания лица в случае дальнейшего прекращения в отношении него уголовного преследования.

Уполномоченным по правам человека в РФ В.П. Лукиным в докладе за 2013 г. указана необходимость снижения персональной ответственности органов расследования и суда за ненадлежащее осуществление обвиняемыми своих прав. Такая позиция объясняется тенденцией применения более строгих мер принуждения с целью «подстраховки» и для обеспечения нормального функционирования системы правосудия [3].

Сложившаяся ситуация послужила одной из причин уточнения порядка применения уголовно-процессуальных мер пресечения на практике. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19.12.2013 обращено внимание на то, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу может быть только после изучения судом обоснованности подозрения. Обсуждение этих вопросов неслучайно, т.к. заключение под стражу непосредственным образом связано с задержанием и является его логическим продолжением. Поэтому с заключения под стражу правовая регламентация по смыслу перекладывается на такую меру принуждения, как задержание. Верховным Судом РФ определено, что, проверяя обоснованность подозрения лица в причастности к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица [7]. Следовательно, лицо, компетентное в ходе уголовного судопроизводства задерживать подозреваемого (ходатайствовать об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу), при принятии решения должно основываться только на обоснованности подозрения, а никак не обвинения, т.к. дальнейшее прекращение уголовного преследования лица не может служить основанием для признания применения меры принуждения незаконным.

При этом понятие «законное задержание» характеризуется как произведенное с соблюдением норм материального и процессуального права, а требования правомерности задержания не предусматривают, что компетентное лицо на момент применения данной принудительной меры обладает достаточными доказательствами для разрешения дела по существу [9]. Задержание считается законным, если на момент применения данной меры процессуального принуждения компетентное лицо обладает достаточными данными для обоснованного подозрения лица, действия которого содержат признаки состава преступления, а само задержание осуществляется в соответствии с действующими нормами процессуального законодательства.

Точная нормативная проработка всех этапов процессуального задержания, выработка алгоритма действий без правовых пробелов необходимы для существования системы мер государственного принуждения в уголовном процессе во взаимосвязи с институтом обеспечения прав личности. Без полноценной правовой нормы, которая бы затрагивала все грани понятия «уголовно-процессуальное задержание» в совокупности с профессиональными

действиями практика, невозможно исключить случаи нарушения прав человека и незаконного их ограничения.

В действующем законодательстве и теории уголовного процесса существуют противоречия. Например, по мнению М.В. Наумова, уголовно-процессуальное законодательство требует регламентации понятий «доставление» и «фактическое задержание» подозреваемого. Автор считает, что такой вариант решит спорную ситуацию о применении административного доставления относительно лица по подозрению в совершении преступления. Так как фактическое задержание на практике определяется моментом составления следователем (дознавателем) протокола задержания подозреваемого, то процедура доставления и фактического захвата лица, как полагает ученый, находится вне рамок уголовно-процессуального регулирования [6].

А.Н. Вдовин, наоборот, придерживается позиции необходимости правового закрепления производства задержания и допроса подозреваемого до возбуждения уголовного дела. Кроме того, он полагает, что следует отличать уголовно-процессуальное задержание от задержания и доставления, регламентированного КоАП РФ [1]. Схожую позицию занимает А.В. Павлов, предлагая заочное задержание обвиняемого, находящегося в розыске [8].

Анализ научной литературы и судебно-следственной практики приводит к выводу, что практически начало вышеуказанной меры уголовно-процессуального принуждения во многих случаях приходится на этап доследственной проверки, когда происходит «захват» лица на месте преступления или сразу после его совершения, когда решение о возбуждении уголовного дела еще не принято. Но юридически срок задержания исчисляется с момента фактического задержания, понятие которого определено ст. 5 УПК РФ, – когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, фактически лишается свободы передвижения. Налицо правовая коллизия из двух составляющих:

1. Задержание – мера процессуального принуждения, которая по юридическому смыслу применяется только к подозреваемому (обвиняемому). Законодатель в ст. 46 УПК РФ ограничился 4 основаниями для получения лицом статуса подозреваемого, и все они обуславливаются стадией предварительного расследования. Поэтому до возбуждения уголовного дела статус подозреваемого приобрести нельзя, следовательно, задержать лицо тоже невозможно. Поэтому вышеуказанные случаи задержания лица

на месте преступления или сразу после его совершения остаются вне правового поля.

2. Согласно ст. 91 УПК РФ правом задержания обладают орган дознания в лице его руководителя, дознаватель, следователь, уполномоченные составить протокол, который в дальнейшем может быть обжалован. Если же «захват» лица производит сотрудник органа дознания, то его действия должны находиться в рамках исполнения постановления следователя о задержании согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Вышеупомянутые действия по задержанию лица сотрудниками полиции на месте преступления или в ходе работы по горячим следам вновь находятся вне правового регулирования.

Таким образом, задержание как мера государственного принуждения выполняет, прежде всего, обеспечительную функцию как гарант работоспособности всей системы уголовного судопроизводства. Вместе с тем данная мера принуждения непосредственным образом связана с ограничением основных прав и свобод

личности. Поэтому использование этой ограничительной меры должно проходить законно, в соответствии с материальными и процессуальными нормами. Нормы материального права на международном уровне трактуют более широкий перечень оснований для применения задержания. В российской же практике существует обстановка «подстраховки» в случаях применения мер принуждения, связанных с лишением (ограничением) свободы. Данного рода ситуация находится на границе с общей тенденцией гуманизации, гарантированной защиты основных конституционных прав личности и стремлением минимизации их ограничения при применении обеспечительных мер принуждения. Наряду с этим существующее уголовно-процессуальное законодательство требует постоянной корректировки, т.к. в нем есть правовые пробелы в рамках института принуждения, в нашем случае в понятии «задержание». Все эти вопросы весьма актуальны и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Литература

1. Вдовин А.Н. Уголовно-процессуальные аспекты производства задержания и допроса подозреваемого в Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и другими правонарушениями. 2013. № 11.
2. Воронин О.В. О некоторых видах принудительной изоляции от общества, известных российскому законодательству // Уголовная юстиция. 2013. № 2.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/doklady/>.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1953 года. URL: http://hand-help.ru/documents/evrop_konv.html.
5. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе: меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб.: Сенаторская Типография, 1906.
6. Наумов М.В. «Фактическое задержание» и доставление лица по подозрению в совершении преступления // Исторические, философские, политические и юридические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3.
7. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19.12.2013. URL: <http://rg.ru/2013/12/27/praktika-dok.html>.
8. Павлов А.В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
9. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 КоАП, п. 1 ст. 1070 и абз. третьего ст. 1100 ГК РФ и ст. 60 ГПК РФ в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова: постановление Конституционного Суда РФ № 9-П от 16.06.2009. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

УДК 343.985:343.5

В.В. Поляков, канд. юрид. наук
Алтайский государственный университет
e-mail: vvpagu@rambler.ru;

А.С. Мананников
Алтайский государственный университет

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассмотрены актуальные вопросы компьютерных преступлений, совершаемых в сети Интернет. Выявлена специфика личности преступников. Даны рекомендации по проведению отдельных оперативно-разыскных мероприятий. Обоснована необходимость привлечения граждан к содействию оперативно-разыскным органам. Для предупреждения преступлений, совершаемых в сети Интернет, в рамках оперативно-разыскной деятельности предложено внедрение ресурса «honeypot».

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, криминалистика, предупреждение преступлений, преступления в сфере компьютерной информации.

V.V. Polyakov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Altai State University
e-mail: vvpagu@rambler.ru;
A.S. Manannikov
Altai State University

OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITY ON THE INTERNET AS THE WARNING FACILITY OF COMPUTER CRIMES

Topical issues of the computer crimes committed on the Internet are considered. Specifics of the identity of criminals are revealed. Recommendations about carrying out separate operational search actions are offered. Need of involvement of citizens to assistance to operational search bodies is proved. For the prevention of the crimes committed on the Internet, within operational search activity honeypot resource introduction is offered.

Key words: operational-investigative activity, criminalistics, prevention of crimes, computer crimes.

XXI век – век информационных технологий, которые динамично развиваются и способствуют улучшению жизнедеятельности общества. Несмотря на многочисленные преимущества современных компьютерных технологий, они создали новые условия, которые содействуют совершению преступлений на национальном и международном уровнях [4, с. 114-116]. Доходы преступников, связанные с незаконным использованием новейших технологий, занимают третье место в мире после доходов от торговли наркотиками и оружием.

В настоящее время происходит неуклонный рост числа компьютерных преступлений. При этом официальная статистика отражает лишь зарегистрированные преступления, а с учетом крайне высокого уровня латентности компьютерных преступлений, полагаем, что фактически их намного больше. По оценкам экспертов, латентность компьютерных преступлений в США достигает 80%, в Великобритании – 85%, в ФРГ – 75%, в России – более 90% [2, с. 153].

Для компьютерных преступлений характерно также то, что рост их количества сопровож-

дается качественными изменениями, что еще более опасно. Прежде всего, это заметно по их совершению высококвалифицированными преступниками, объединенными в устойчивые группы. Групповая структура имеет преимущества в методах конспирации, совершенствовании способов совершения и сокрытия следов преступлений, криминальных связях с правоохранительными органами власти [6, с. 212-216]. В итоге подрывается информационная безопасность государства.

Существующие тенденции компьютерных преступлений ставят перед государством задачу поиска новых путей обеспечения информационной безопасности человека, общества и государства на основе новых стандартов борьбы с рассматриваемыми общественно опасными деяниями и лицами, их совершающими.

В сложившихся условиях, считаем, резко повышается роль оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) как первостепенного средства выявления и предупреждения компьютерных преступлений. Объективная необходимость ОРД предопределена самим существованием преступности, особенно организованной. Ее роль и социальная значимость обуславливается широкими потенциальными возможностями использования ее результатов в решении различных задач, в т.ч. и задач уголовного судопроизводства [3, с. 13-14]. ОРД, осуществляемая параллельно с предварительным следствием, помогает выявить криминальные связи подозреваемых, каналы сбыта ценностей, полученных преступным путем, определить формы противодействия следствию и многое другое. Практика показала, что без ОРД раскрытие и расследование сложных компьютерных преступлений становится крайне затруднительным.

Осуществление ОРД должно идти в ногу со временем и затрагивать новые области человеческой деятельности. Прежде всего это касается распространения ее возможностей на сеть Интернет. Борьба с преступностью в телекоммуникационных системах невозможна без применения специальных оперативно-разыскных сил, средств и методов, например снятия информации с технических каналов связи.

Эффективное осуществление оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в сетевом пространстве невозможно без корректировки методов ОРД. Необходимость модернизации ОРД вызвана уникальностью сетевого пространства и специфики совершаемых в нем преступлений. Так, подобные преступления

могут совершаться такими нетрадиционными способами:

- удаленно (совершение преступлений, при которых вредоносное воздействие или неправомерный доступ осуществляются на информационный объект, находящийся на значительном расстоянии от преступника, или когда не имеется физической привязки к конкретному месту [5];

- динамически (выполнение действий с помощью мобильных устройств, при их перемещении в физическом пространстве);

- трансгранично (преступное действие выполняется в одном государстве, общественно опасные последствия наступают в другом, при этом физического пересечения преступником границ государства не происходит).

При осуществлении определенных ОРМ в сети Интернет (наблюдение, опрос, оперативное внедрение и др.) важным является понимание субкультуры хакерского сообщества, включающей цели, взгляды его участников, их привычки, стереотипы поведения, нормы общения. Получение необходимых знаний возможно в процессе наблюдения за местами сетевого общения хакеров, где происходит взаимное согласование мнений, вырабатываются суждения о моральных ценностях, осуществляется обмен криминальным опытом и сведениями о потенциальных жертвах, обсуждаются способы противодействия правоохранительным органам [1, с. 328]. Наблюдение за местами сетевого общения хакеров (например, тематическими онлайн-форумами и чатами) может осуществляться самими оперативниками или же привлеченными к данной деятельности конфидентами. В случае если наблюдение дает положительные результаты, то необходимо незамедлительно брать под контроль выявленные хакерские сайты для дальнейшего получения оперативно значимой информации (интернет-адреса посетителей; характер и степень их активности; сведения о совершенных или готовящихся преступлениях и пр.).

Для обеспечения информационной безопасности и предупреждения преступлений в сфере высоких информационных технологий оперативным сотрудникам целесообразно в рамках реализации гл. IV ФЗ об ОРД привлекать граждан к содействию ОРД. При этом стоит отметить, что особенности сетевого пространства предполагают специфичные формы привлечения граждан к содействию ОРД. Так, например, используя сеть Интернет, граждане могут заполнять на соответствующих сайтах формы сообщений о совершенных или гото-

вящихся преступлениях, о потенциальных преступниках, их связях и т.п. Полагаем, что повысить эффективность ОРД в рассматриваемом направлении может проведение опроса в электронной форме. Из тактических соображений предпочтение стоит отдавать легендированной форме опроса, при которой оперативник скрывает свои истинные цели и профессиональную принадлежность. При осуществлении указанных ОРМ возможно выявление лиц, готовых оказывать содействие оперативно-разыскным органам (далее – ОРО) на конфиденциальной основе. При наличии признаков достаточной осведомленности таких лиц важным становится укрепление доверительных отношений с ними и выход на непосредственное общение. Привлечение граждан к содействию ОРО позволяет не только получать достоверную информацию о состоянии оперативной обстановки на контролируемых сетевых объектах, но и изучать способы совершения и сокрытия следов сетевых компьютерных преступлений, ранее не встречавшихся в следственной и оперативно-разыскной практике [1, с. 335]. Очевидно, что более полезно приобретение конфидентов из числа хакеров. Находясь в криминальном мире или в среде лиц, склонных к совершению компьютерных преступлений, такие лица могут использовать свою репутацию, авторитет и доверие к ним. В результате им значительно проще выявлять информацию о планируемых, совершаемых и оконченных компьютерных преступлениях. При этом помощь конфидентов не ограничивается только лишь сбором информации. Она может включать активные действия при использовании специальных познаний для решения оперативно-разыскных задач. Практика показывает, что без подобных профессиональных конфидентов бывает крайне сложно в короткие сроки обеспечить выявление лиц, совершающих высокотехнологичные компьютерные преступления.

Осуществление ОРД в области расследования компьютерных преступлений целесообразно дополнять методами криминологического прогнозирования индивидуального и группового преступного поведения. Определенную информацию можно извлечь при специальном анализе сетевого трафика компьютерных сетей. Прогнозирование может успешно осуществляться в основе первичных материалов оперативного учета, т.к. его банки данных создаются

на основе прогноза вероятности преступного поведения определенных криминогенных контингентов. Именно поведение потенциальных преступников в прошлом (судимость, правонарушения, антиобщественные поступки), настоящим (поддержание криминальных связей, паразитизм, склонность к антиобщественным занятиям) дают основания для прогностических выводов о вероятном противоправном поведении в будущем. Необходимо принимать во внимание социальные оценки, даваемые лицам, представляющим оперативный интерес, а также их собственные оценки криминальной среды. Все это в совокупности является элементами методики криминологического прогнозирования, которое тесно взаимосвязано с оперативно-разыскной деятельностью.

Представляется, что в рамках оперативно-разыскной деятельности положительную роль сыграло бы внедрение ресурса «honeypot», нацеленного на выявление криминальной активности в сети Интернет. Этот ресурс недавно стал использоваться специалистами по информационной безопасности. Его суть сводится к установке в телекоммуникационной сети своеобразной ловушки, приманкой в которой служит возможность относительно простым способом взломать чужой сервер или сетевой сервис. Профессиональные преступники, используя свои знания и криминальный опыт, собственные программные средства и уникальные способы совершения неправомерного доступа к компьютерной информации, взломав защиту такого сервера, оставили бы следы, которые бы выявлялись и фиксировались специальным, заранее установленным на сервер программным обеспечением. В результате использования «honeypot» у ОРО появилась бы возможность собирать ценный эмпирический материал о преступниках, конкретных преступлениях, способах и средствах их совершения, физических и виртуальных местах их нахождения, а также потенциальных жертвах преступных посягательств. Использование «honeypot» наиболее эффективно было бы при осуществлении оперативного эксперимента, контроля сообщений и снятия информации с технических каналов связи.

Предложенные рекомендации и меры способствуют общей и частной превенции компьютерных преступлений, которые являются важной составляющей информационной безопасности.

Литература

1. Горянинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности. М.: Изд-во ИНФРА-М, 2014.
2. Мазуров В.А. Преступность в сфере высоких технологий: понятие, общая характеристика, тенденции // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1.
3. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность. М.: Изд-во Юрайт, 2013.
4. Поляков В.В. Обстановка совершения преступлений в сфере компьютерной информации как элемент криминалистической характеристики // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2.
5. Поляков В.В. Особенности расследования неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.
6. Поляков В.В., Слободян С.М. Анализ высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 1.

УДК 340.64:81'342.1

Н.А. Христова, канд. филол. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: khristova.natasha@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ РЕЧИ КАК ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ ЛИЧНОСТИ

В рамках проведения идентификационных автороведческих и фоноскопических экспертиз возникают трудности, обусловленные влиянием эмоционального и прагматического факторов речевой ситуации. Возникает необходимость выявления индивидуальных характеристик говорящего, наименее подверженных воздействию внешних факторов, рассмотрение вопроса о включении их в арсенал идентификационных признаков лингвистического анализа с целью его углубления и объективизации выводов эксперта-лингвиста.

Ключевые слова: эмоциональный компонент речи, прагматический компонент речи, идентификация личности, лингвистическая экспертиза.

N.A. Khristova, Ph.D. (Candidate of Philological Sciences)
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: khristova.natasha@mail.ru

EMOTIONAL AND PRAGMATIC COMPONENTS OF SPEECH AS IDENTIFICATION SIGNS OF PERSONALITY

When carrying out identification and phonoscopic expertise experts may encounter difficulties due to the influence of emotional and pragmatic factors of speech situation. There is a need to identify the individual characteristics of a speaker, the least exposed to external factors, and to include them in the arsenal of identifying features of linguistic analysis with a view to deepening and objectification of the conclusions of linguistic experts.

Keywords: emotional component of speech, pragmatic component of speech, personal identification, linguistic expertise.

*«За каждым текстом стоит языковая личность»
Ю.Н. Караулов*

Современная лингвистика понимает язык как достояние человека, который трактуется как живая динамическая самоорганизующаяся система, адаптирующаяся к естественной и социальной среде. Механизмы самоорганизации, действующие в языковой системе, изменяют ее, способствуя адаптации языка к среде существования. Будучи ментальным механизмом, язык обеспечивает связь между внешней, общественной жизнью индивида и его внутренним, психическим миром, обеспечивая динамическое структурирование сознания.

Лингвистическая экспертиза текста касается вопросов, традиционно находящихся в сфере

прагматики, понимаемой не только как отрасли лингвистики, предметом изучения которой являются механизмы коммуникации, но и направленной на «исследование языка в контексте смежных с ним феноменов» [1, с. 315]. В центре внимания лингвистической экспертизы оказываются центральная категория прагматики – категория субъекта (которая, кстати говоря, в идентификационной (фоноскопической) лингвистической экспертизе трансформируется в категорию языковой личности, стоящей за любым текстом), события, оценки.

Языковая способность как функциональная динамическая система способна к саморазвитию

в процессе формирования языковой компетенции носителей языка, причем динамика может быть как прогрессивной, так и регрессивной. Языковая способность детерминирует речевую деятельность, является ее структурообразующим компонентом, взаимодействуя, как правило, с языковой компетенцией, однако в ряде случаев подчиняя ее.

Вербальная коммуникация является *мощным фактором формирования личности* в современном обществе, формирования ее мировоззрения, мировосприятия, а также выработки стереотипов общественного поведения, влияющих, в свою очередь, на сознание и поведение индивида. Одним из первых обратил внимание на эту зависимость В. фон Гумбольдт, который характеризовал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [4, с. 303]. «Общий закон существования человека в мире состоит в том, что человек не может породить ничего, что немедленно не превратилось бы в фактор, оказывающий на него обратное воздействие и обуславливающий его дальнейшее творчество» [4, с. 227]. Идея В. фон Гумбольдта получила дальнейшее развитие в трудах американских этнолингвистов, последовательно оформившись в идею о значимой роли структуры языка как способа познания мира индивидом (гипотеза «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа). В частности, Б.Л. Уорф полагал, что язык подобен фильтру между сознанием индивида и реальностью. Язык является определяющим фактором восприятия и организации природной и социальной среды человека.

В психологии признано, что в основе речевого общения между людьми лежат различного рода органические (биологические) и духовные (социогенные) потребности, которые реализуются при совместной трудовой деятельности, обучении, воспитании, управлении, накоплении и обмене знаниями и т.д. Речь, как и психика человека в целом, имеет три важнейшие функции: когнитивную (познавательную), коммуникативную и регулятивную. В речи отражается психика человека, его потребности, цели и мотивы, индивидуальные особенности характера и темперамента, его социальные связи и отношения. Одновременно с передачей смысловой информации в речи непроизвольно отражаются отдельные признаки пола, национальности, возраста, интеллекта, физического и эмоционального состояний говорящего. Устная речь человека может выступать объектив-

ным источником информации о личностных особенностях говорящего и коммуникативной ситуации в целом.

Совокупность таких переменных, как индивидуальность голоса, индивидуальный стиль речи и уровень культуры речи, играет системообразующую роль в интеграции индивидуальности языковой личности и не только диагностирует ее характеристики, но и влияет на формирование произвольного контроля как над эмоциями, так и над физиогномическими проявлениями индивидуальности.

С точки зрения психологии, эмоции объективируются в деятельности, являются компонентом ее структуры и участвуют в регуляции ее основных «единиц» – собственно деятельности, действий и операций. Они также связаны с мотивами, целями, задачами, средствами и результатами деятельности и с основными типами межуровневых отношений психологической структуры деятельности: социально-психологическими, собственно психологическими и психофизиологическими отношениями.

Эмоциональность является обязательным свойством человека, качеством языковой личности, регулирующим основные процессы смыслопорождения и формирования прагматики высказываний как инстинктивный, бессознательный, незапланированный процесс проявления эмоций.

Эмоция как субъективная форма существования (проявления) мотивации является отправным пунктом деятельности индивида, в т.ч. и речевой. «Эмоция мотивирует, мобилизует энергию, и эта энергия в некоторых случаях ощущается субъектом как тенденция к совершению действия» [5, с. 27].

Эмоция – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия.

Эмотивность развивается на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности индивида и представляет собой результат интеллектуального толкования, интерпретации эмоциональности. Являясь функционально-семантической категорией, формируемой эмотивными языковыми средствами всех уровней, она служит для внешней передачи носителями языка своего эмоционального состояния и отношения к миру. Эмотивность представляет собой сознательный, запланированный процесс демонстрации эмоций, лингвистическое выражение эмоциональности.

Когнитивные установки и поведенческий стиль конкретного индивидуума всегда можно трактовать как результат действия некоей конкретной, отдельно взятой эмоции. Хотя, как правило, в жизни мы сталкиваемся с тем, что поведение обусловлено множеством противоречивых и разнонаправленных эмоций.

С позиции судебного речеведения сегодня можно расширить модель речевой деятельности применительно к различным способам порождения и восприятия речи и, соответственно, использовать более совершенные речевые технологии по ее экспертному исследованию. Общность методического подхода заключается в том, чтобы на основе исследования формальных (лингвистических, текстовых, фонетических, стилистических и пр.) и неформальных (содержательных, смысловых, мотивационных и др.) характеристик речевого произведения составить модель языковой личности и реконструировать речевой портрет его автора, максимально полно описать ситуацию речевой коммуникации.

Комплексное исследование устной речи как источника информации о личности привело к необходимости найти взаимосвязь речевой деятельности на трех уровнях, а именно специфических механизмов речепорождения в связи с индивидуально-типологическими особенностями личности в структуре восприятия человека

человеком. Познание личности по речи включает и социальную идентификацию.

В рамках проведения идентификационных автороведческих и фоноскопических экспертиз возникают трудности, обусловленные влиянием эмоционального и прагматического факторов речевой ситуации. На данный момент в распоряжении экспертов имеется недостаточное количество теоретических материалов по учету влияния на речь данных факторов, в связи с чем возникает потребность в научной разработке таких понятий, как эмоциональный и прагматический компоненты речи человека. Возникает необходимость выявления индивидуальных характеристик говорящего, наименее подверженных воздействию внешних факторов; рассмотрения вопроса о включении их в арсенал идентификационных признаков лингвистического анализа с целью его углубления и объективизации выводов эксперта-лингвиста.

Исследования с точки зрения лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики позволяют получить больше информации о личности человека, его эмоциональном и психофизиологическом состоянии, коммуникативных способностях, используемых речевых стратегиях и тактике, т.е. устная речь человека может выступать объективным источником информации о личностных особенностях говорящего и коммуникативной ситуации в целом.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000.
2. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций: тексты. URL: http://www.center-nlp.ru/library/s55/nlp/psih_em.html (дата обращения: 10.07.2014).
3. Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: науч. изд. М.: АНТИДОР, 2004.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
5. Изард Э. Психология эмоции. СПб.: Питер, 2003.
6. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые вопросы общей теории деятельности. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. А.А. Леонтьева, Е.Ф. Тарасова, Ю.А. Сорокина. М.: Наука, 1977.
8. Никонов А.В., Ребгун Э.К., Хитина М.В. К проблеме экспертной диагностики эмоционального состояния говорящего по акустическим характеристикам речевого сигнала // Возможности судебной видеофонографической экспертизы: сб. науч. тр. М., ВНИИСЭ, 1989.
9. Огорезов И.В. Современное состояние диагностических исследований в автороведении // Криминалистика XXI века: мат-лы науч.-практ. конф. (26-28 февраля 2001 г.). М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. Т. 1.
10. Проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика: проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. № 3.

Гражданско-правовые отношения

УДК 347

М.Н. Семякин, доктор юрид. наук, профессор
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: urmvd@mail.ru

К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ ЦИВИЛИСТИКИ КАК ОТРАСЛИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье рассмотрены классические подходы к объекту гражданского права, их трансформация в современных условиях. Характеризуется роль и место цивилистической науки в формировании системы гражданского законодательства и судебной практики. Дается обоснование онтологической функции гражданского права в российской правовой системе.

Ключевые слова: цивилистика, объект гражданского права, судебная практика, правовая наука.

M.N. Semjakin, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
e-mail: urmvd@mail.ru

REVISITING THE PROPERTIES OF CIVIL LAW AS AN AREA OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The article considers classical approaches to the object of civil law, their transformation in modern conditions. The role and place of civil law in the formation of the civil law system and litigation are characterized. The ontological function of civil law in the Russian legal system is given.

Key words: civil law, object of civil law, precedents, legal science.

Цивилистическая наука как целостная динамическая система знаний не может успешно развиваться, не обогащаясь новыми эмпирическими данными правоприменительной практики, не обобщая их в системе цивилистических форм, средств и методов правового познания. Более того, в определенных «точках» развития теории гражданского правоведения «эмпирическое» переходит на научный уровень и наоборот. Так, ряд положений, сформулированных высшими судебными инстанциями в постановлениях Пленумов, в «обзорах» судебной практики и других видах цивилистической практики по своему содержанию и теоретическому уровню вполне носят научный характер. Например, ряд положений, касающихся понимания «источника

повышенной опасности», его возможных «владельцев» впервые были сформулированы в рамках осмысления возникающих практических ситуаций, однако затем они выдержали «пробу» и на их «научность» – были восприняты и в цивилистической теории.

Вместе с тем, говоря о тесной (неразрывной) связи и взаимодействии цивилистической науки и практики, не следует указанный аспект понимания соотношения рассматриваемых феноменов доводить до крайней формы, когда цивилистическая, как и иная юридическая наука, мыслится лишь в рамках, имеющих только практическую направленность и ценность.

С методологических позиций необходимо обратить внимание и на такие аспекты иссле-

дуемой проблемы, как то, что цивилистическая наука и практика – это разные явления, одно из которых (наука) принадлежит к миру идей (идеального), культуры, а другое – (практика) носит социальный (жизненный) характер, не допуская при этом их абсолютизации, фетишизации и с этих позиций противопоставления одного в ущерб другому.

В этом контексте усматривать «научность» цивилистической теории только в ее связи с практикой, практической ценностью и направленностью представляется недостаточно корректным, что не отражает подлинную природу и ценность цивилистической науки. Последнюю, как представляется, нельзя рассматривать как своего рода «научообразную» форму, которую приобретает цивилистическая практика в процессе ее осмысления в рамках правоприменительной деятельности. Рассуждая в таком смысловом поле, можно сделать вывод о том, что критерии «научности» цивилистической теории лежат не только в пространстве цивилистической практики, но и в сфере самой цивилистической науки.

На первый взгляд, такая позиция может показаться неверной, поскольку противоречит чуть ли не самоочевидному представлению о том, что теория призвана отражать объекты реального мира такими, какими они являются в действительности. Если это удастся, то она достигает истины и является «научной». Если же не удастся, то налицо теоретическое заблуждение, такая теория – ложная.

Рассматриваемая точка зрения исходит из дихотомии: истина принимает два значения – «истинно» и «ложно», третьего не дано. Но, как отмечает известный специалист в области философии науки В.А. Канке, «существуют такие научно-теоретические системы, в которых значение истинности больше двух, таковы все так называемые *многозначные* (курсив наш – М.С.) логики». К тому же, продолжает автор, «есть такие науки, в которых акцент делается не на том, что наличествует, а на проектах будущего» [1, с. 52].

Данное положение, безусловно, касается и цивилистической науки, где действительно во многих случаях «акцент» больше делается не только на том, что получило отражение в законодательстве, правоприменительной практике, а на различного рода проектах норм, гражданско-правовых институтов, теоретических конструкций и т.д., которые рассчитаны на будущее время.

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что упомянутое выше понимание природы

истины в концептуальном отношении недостаточно содержательно и в этом смысле корректно, как это кажется на первый взгляд. В нем в качестве самоочевидного положения принимается предпосылка о том, что теоретик может произвольно рассуждать об объектах, выступающих такими, какими они являются безотносительно к теории. В действительности это далеко не так, особенно применительно к общественным наукам, к которым, безусловно, относится и цивилистическая теория. Даже в области естественных (дескриптивных) наук, по утверждению некоторых специалистов, объекты исследования не даны непосредственно – во всем многообразии их свойств и особенностей. Во многих случаях до того, как объект будет подвержен естественно-научному исследованию с точки зрения его глубинной сущности, природы и т.п., необходимо прежде выяснить, что он собой представляет вообще. «Наше представление об объектах, – замечает В.А. Канке, – всегда является теоретическим». «Выскочить за рамки теории возможно лишь в метафизических грезах. Мы не можем определить объект безотносительно к нашим знаниям о нем. Для нас объект является таким, каким мы его знаем» [1, с. 44-45].

К. Маркс, подчеркивая «деятельностный», «чувственный» и в этом смысле субъективный характер социальной практики, отмечал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма ... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика* (курсив наш – М.С.), не субъективно» [2].

Имея это в виду, можно констатировать, что даже в естественных (дескриптивных) науках объекты «теоретически относительны», т.е. даже в указанной области проявляется самостоятельность теории, ее известная «эмансипация» от объекта исследования. Иначе говоря, даже в сфере естественных наук нельзя абсолютизировать практику – рассматривать ее в качестве некоего универсального и непогрешимого критерия научной истины.

Применительно к области общественных («прагматических») наук, в т.ч. цивилистической теории, связь науки с объектом исследования носит гораздо более слабый характер, как отмечают специалисты в сфере философии науки [1, с. 46 и след.]. Здесь объекты исследования изначально не заданы в виде тех или иных предметов материального мира; они не сущест-

вуют внешне сами по себе. Здесь социальная действительность «задана» иначе, чем естественная природа. В данном случае цивилистическая правоприменительная практика выступает как процесс и результат осмысленной деятельности специалистов – сферы, где реализуются их юридические и иные знания, наработанный цивилистический опыт и т.д., – компетенции, формирующиеся не без влияния цивилистической науки.

Иначе говоря, объект цивилистической науки (в данном случае – цивилистическая практика) в значительной мере «теоретически относителен»; цивилистическая практика в этом смысле не может состояться вне одноименной теории – юридических познаний судей, их осмысленной деятельности, правового опыта и т.д. Как справедливо заметил Н.Н. Тарасов, принципиальная специфика социальных наук в том, что здесь реальность не противостоит исследователю; ученый вынужден познавать не столько «противоположный» (как в естественных науках) объект, сколько собственную деятельность [5, с. 182].

И с этих позиций цивилистическая практика не может выступать в качестве единственного и универсального критерия истинности цивилистической теории, о чем ниже будет дополнительно отмечено.

Примечательно, что в философии науки специалисты, стремясь выразить степень значимости в составе науки ее «объектного» уровня, резонно выделяют два типа «относительности» – «объектную» и «онтическую». В случае «объектной» относительности имеется в виду, что каковы признаки объектов, таковы и теоретические понятия, представления, что в большей мере актуально в области естественных (дескриптивных) наук. «Онтическая» (от греч. *он* – сущее) относительность присуща самим объектам; она характеризует относительный характер их признаков [1, с. 44], что характерно для сферы общественных наук, в т.ч. цивилистического правоведения. В этом контексте «относительность» цивилистической практики проявляется, в частности, в том, что каждый новый этап в развитии цивилистической теории опирается на изучение предшествующего практического опыта.

Таким образом, при поиске концепта истины как критерия цивилистической науки следует с максимальным вниманием отнестись и к содержанию самой этой науки, не пытаясь его (критерий истины) отыскивать только и исключительно в сфере цивилистической практики. Иначе,

критерии истины цивилистической науки определяются и в контексте самой этой науки.

Критерий истины той или иной теории позволяет ранжировать концепции, теоретические представления, идеи по степени их научной актуальности, важности (значимости). И здесь ограничение научного поиска только рамками «объектного» критерия – цивилистической практикой – не позволяет сделать правильного вывода, поскольку, как было отмечено выше, недостаточно утверждения, что истинна та теория, которая соответствует «фактам» практики. Последние, как выясняется, тоже относительны. Цивилистическая практика, как и иные виды социальной деятельности, носит не абсолютный («непогрешимый»), а конкретно-исторический характер, т.е. меняется со временем. Более того, как свидетельствует опыт, в указанной сфере встречается немало ошибочных позиций, когда высшие судебные инстанции вынуждены были изменять свое отношение к практике рассмотрения той или иной категории гражданских дел, иногда – даже неоднократно. По ряду спорных практических ситуаций высшие судебные инстанции – Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ – занимают противоположные позиции и т.д.

Обращает на себя внимание и такая особенность цивилистической практики, как и иной юридической, как ее ментальность, а также языковая специфика, что также не дает оснований для ее абсолютизации («универсализации») как критерия истинности цивилистической теории. А это означает, что цивилистическая практика не может представлять собой тот единственный незыблемый, исключительный критериальный бастион, который существует сам по себе (объективно) и распространяет свое «оценивающее» влияние буквально на все, связанное с ней теоретическое познание.

В контексте отмеченного выше можно сделать вывод, что цивилистическая теория (ее часть) соответствует научной истине, если она соотносится с гармонией всех важнейших критериальных уровней цивилистической науки, в частности «объектного», теоретического, исторического, ментального, языкового, в соответствующих случаях – прикладного характера. Если теория не обеспечивает гармонию названных уровней, то она, очевидно, не может пройти «тест» на ее истинность. Так, в начале 90-х гг. XX столетия в России была предпринята попытка внедрить в гражданское законодательство и практику так называемую концепцию (модель) «доверительной собственности», которая полу-

чила в свое время отражение в известном Указе Президента РФ от 24 декабря 1993 г. «О доверительной собственности (трасте)», который начинался со слов: «Ввести в гражданское законодательство Российской Федерации институт доверительной собственности...» [3].

Попытка механически «пересадить» институт «траста» («доверительной собственности»), характерный для англо-саксонской правовой семьи, на отечественную цивилистическую «почву» встретила решительные возражения многих ученых-цивилистов и других правоведов и закономерно потерпела неудачу. Для российской системы права, тяготеющей к континентальной правовой семье, не знающей деления на «общее право» и «право справедливости», концепция «доверительной собственности», безусловно, является чужеродным элементом, противоречащим основополагающим концептам теории «вещного права», цивилистическим ментальным представлениям, сложившимся в науке и на практике на протяжении всей истории существования цивилистического правоведения в России.

Аналогично, вряд ли можно признать достоверной (истинной) теорию собственности в той ее части, когда наряду с частной, государственной и муниципальной формами признаются также и «иные» формы собственности («смешанная», «коллективная», «акционерная» и т.п.), что является результатом абсолютной «путани-

цы» и смешения политэкономических и правовых форм совершенно разных явлений [4] и не соответствует основополагающим концептам цивилистической теории собственности и права собственности, а также соответствующей правоприменительной практике.

Упомянутая выше «гармония» может реализоваться только в составе всего научно-теоретического строя цивилистического правоведения и нигде более. Следовательно, критерии научности той или иной цивилистической теории, концепции и т.д. прежде всего связаны со всеми важнейшими уровнями, концептами в системе самой цивилистической науки.

Однако в связи с этим вновь может возникнуть вопрос, насколько истинен сам этот «научно-теоретический строй» цивилистической науки – тот самый, который мы признаем как наиболее состоятельный в этом смысле. Нельзя ли здесь утверждать, что он истинен постольку, поскольку соответствует цивилистической практике, фактам реальной цивилистической действительности?

Думается, такое утверждение является не вполне корректным, ибо определение социальной ценности и «научности» таких фактов и обстоятельств правовой действительности, закономерностей и тенденций их развития и т.д. вполне находится в «компетенции» самого этого «научно-теоретического строя» цивилистической науки.

Литература

1. Канке В.А. Общая философия науки: учебник. М., 2009.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1955. Т. 3.
3. О доверительной собственности (трасте): Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 1. Ст. 6.
4. Семякин М.Н. Экономика и право: проблемы теории, методологии и практики. М., 2006.
5. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.

УДК 347.775

А.А. Серебряков

аспирант Алтайского государственного университета

e-mail: goodwrong@gmail.com

О МЕСТЕ ИНФОРМАЦИИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ, В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В статье рассмотрены проблемы правового статуса информации, составляющей коммерческую тайну, в соответствии с последними изменениями гражданского законодательства об интеллектуальной собственности и коммерческой тайне, вступившими в силу с 01.10.2014. Раскрывается вопрос о соотношении таких правовых категорий, как секрет производства (ноу-хау) и информация, составляющая коммерческую тайну, на различных этапах правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, секрет производства, ноу-хау, коммерческая тайна, конфиденциальность.

A.A. Serebryakov

a postgraduate student of Altai State University

e-mail: goodwrong@gmail.com

ABOUT THE PLACE OF INFORMATION CONSTITUTING A COMMERCIAL SECRET, IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

The article deals with the problem of legal status of information constituting a commercial secret, in accordance with the latest amendments of civil legislation on intellectual property and trade secrets, which entered into force on 01.10.2014. Opens the question of how such legal category as a production secret (know-how) and any information that constitutes a trade secret, at various stages of the legal regulation of corresponding social relations.

Key words: intellectual property, trade secret, know-how, trade secrets, confidentiality.

В соответствии с п. 2 абз. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ (в ред. от 12.03.2014) «О коммерческой тайне» под информацией, составляющей коммерческую тайну, следует понимать сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.), в т.ч. о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны [5].

Несмотря на то, что законодатель посвятил информации, составляющей коммерческую тайну, и ее правовому режиму отдельный нормативный акт, в юридической литературе продолжается дискуссия о правовой природе данной юридической категории и ее соотношении с другими смежными понятиями.

Одним из наиболее острых (в т.ч. и в связи с реформированием гражданского законодательства в настоящее время), является вопрос о соотношении понятий «секрет производства (ноу-хау)», «коммерческая тайна» и «информация, составляющая коммерческую тайну».

Вопрос о соотношении понятий «секрет производства (ноу-хау)» и «коммерческая тайна» длительное время решался в научной литературе

неоднозначно. Так, Г.В. Синцов и Е.В. Портнова, анализируя данный вопрос, выделили четыре позиции по поводу соотношения ноу-хау и коммерческой тайны [6, с. 35-37]:

– тождественность коммерческой тайны и ноу-хау;

– поглощение институтом коммерческой тайны ноу-хау;

– в отличие от коммерческой тайны потенциальная ценность ноу-хау как результата интеллектуальной деятельности может быть не связана с бизнесом;

– ноу-хау представляет собой объект интеллектуальной собственности, охрана которого осуществляется в режиме коммерческой тайны.

Подобный плюрализм мнений долгое время обосновывался отсутствием четкой позиции законодателя по данному вопросу. Нормы, регламентирующие институты ноу-хау и коммерческой тайны, были фрагментарны. Так, Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. секретам производства посвящали лишь одну статью (ст. 151). Часть первая Гражданского кодекса РФ, вступившая в силу с 1 января 1995 г., содержала ст. 139, закрепляющую общие положения о служебной и коммерческой тайне.

Принятие в 2004 г. Федерального закона «О коммерческой тайне» позволило ряду исследователей сделать вывод о том, что ноу-хау является разновидностью информации, составляющей коммерческую тайну [4]. Данный вывод вытекал из закрепленного в указанном нормативном правовом акте определения информации, составляющей коммерческую тайну, как научно-технической, технологической, производственной, финансово-экономической или иной информации (в т.ч. составляющей секреты производства (ноу-хау)), которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к которой нет свободного доступа на законном основании, и в отношении которой обладателем такой информации введен режим коммерческой тайны [5].

Вместе с тем на данном этапе правового регулирования общественных отношений в сфере оборота и охраны конфиденциальной информации существенных затруднений в определении места информации, составляющей коммерческую тайну, в системе объектов гражданских прав не возникало. Статья 128 Гражданского кодекса РФ (в редакции до 1 января 2008 г.) прямо закрепляла информацию в числе объектов гражданских прав.

Очередной всплеск дискуссии о соотношении ноу-хау и коммерческой тайны был вызван при-

нятием в 2006 г. четвертой части Гражданского кодекса РФ и приведением в соответствии с ним ФЗ «О коммерческой тайне». Несмотря на то, что понятия ноу-хау и коммерческая тайна были законодателем разведены (согласно четвертой части Гражданского кодекса РФ ноу-хау (секрет производства) стал рассматриваться в качестве объекта интеллектуальной собственности, в то время как коммерческая тайна была определена как режим конфиденциальности информации), определенное недоумение стало вызывать определение информации, составляющей коммерческую тайну: оно буквально дословно повторяло определение секрета производства (ноу-хау), сформулированное в ст. 1465 Гражданского кодекса РФ.

Как правило, исследователи отмечали, что секреты производства (ноу-хау) и информация, составляющая коммерческую тайну, равноценны в своем содержании [7].

Однако некоторые исследователи, проведя тщательный анализ и грамматическое толкование текста Федерального закона «О коммерческой тайне», пришли к выводу, что субъектами прав на информацию, составляющую коммерческую тайну, являются лишь субъекты предпринимательской деятельности [1, с. 59; 4, с. 17]. Исходя из этого, в качестве основного критерия разграничения информации, составляющей коммерческую тайну, и сведений, составляющих секреты производства (ноу-хау), предлагается использовать субъектный состав. Хотя при таком подходе, как отмечает О.А. Потрашкова, «отношения по поводу сведений, составляющих секреты производства с участием лиц, не являющихся предпринимателями, оказываются вне области регулирования законодательства о коммерческой тайне, а требование статьи 1465 о необходимости введения режима коммерческой тайны в этом случае становится излишним» [4, с. 17]. Вместе с тем К.Е. Амелина указывает, что «в содержании прав на ноу-хау не может существовать никаких существенных отличий от содержания прав обладателей коммерческой тайны» [1, с. 68].

Представляется, что подобный вывод о разграничении ноу-хау и информации, составляющей коммерческую тайну, стал возможен из-за недоработки законодателя, выразившейся в отсутствии положений, посвященных субъектному составу права на секреты производства.

Таким образом, с 1 января 2008 г. информация, составляющая коммерческую тайну, отождествлялась с таким объектом интеллектуальной собственности, как секрет производства (ноу-хау). Следовательно, в системе объектов гражданских

прав информацию, составляющую коммерческую тайну, следовало относить к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации.

Однако последние изменения гражданского законодательства, в т.ч. и законодательства об интеллектуальной собственности, позволяют сделать вывод о том, что вопрос о соотношении секретов производства (ноу-хау) и информации, составляющей коммерческую тайну, с 1 октября 2014 г. решается иным образом. Законодатель отказался рассматривать данные понятия в качестве синонимов, что с очевидностью вытекает из анализа ст. 3 и 4 Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Во-первых, секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности только в научно-технической сфере, в то время как информация, составляющая коммерческую тайну, представляет собой сведения любого характера, в т.ч. о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере.

Во-вторых, новая редакция ст. 1465 ГК РФ закрепляет правило о том, что обеспечение конфиденциальности сведений, составляющих секрет производства (ноу-хау), может осуществляться не только путем установления режима коммерческой тайны, но и иными разумными мерами.

В-третьих, в качестве еще одного критерия разграничения ноу-хау и информации, составляющей коммерческую тайну, некоторые иссле-

дователи называют все ту же правовую природу данных объектов [8]. В частности, речь идет о том, что ноу-хау является результатом интеллектуальной деятельности, а информация, составляющая коммерческую тайну, – нет.

Таким образом, правовой статус информации, составляющей коммерческую тайну как объекта гражданских прав, в системе современного гражданского законодательства также ясно не определен. С одной стороны, ст. 128 Гражданского кодекса РФ такого объекта, как информация, не содержит с 2008 г., с другой стороны, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 5 закрепляет положение о том, что информация может являться объектом гражданских прав. Следовательно, вопрос о том, может ли информация, составляющая коммерческую тайну, выступать в качестве объекта гражданских прав, с точки зрения действующего гражданского законодательства остается открытым.

В силу вышеизложенного представляется необходимым закрепить в ст. 128 Гражданского кодекса РФ в качестве самостоятельного объекта гражданских прав конфиденциальную информацию (в т.ч. информацию, составляющую коммерческую тайну, однако при этом из ее определения следует исключить указание на сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, что позволит решить вопрос о разграничении секретов производства (ноу-хау) как объекта интеллектуальной собственности и информации, составляющей коммерческую тайну, как самостоятельного объекта гражданских правоотношений).

Литература

1. Амелина К.Е. Ноу-хау и патентная форма охраны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
2. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 11. Ст. 1100.
3. Потрашкова О.А. О правовой природе секретов производства (ноу-хау) // Информационное право. 2008. № 2.
4. Потрашкова О.А. Правовой режим секретов производства (ноу-хау): информационно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
5. СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3228.
6. Синцов Г.В., Портнова Е.В. Соотношение понятий «секрет производства», «ноу-хау» и «коммерческая тайна» // Юридический мир. 2012. № 9.
7. Ситишко Д.А. Секрет производства (ноу-хау) и коммерческая тайна: некоторые особенности использования секрета производства // Право и политика. 2009. № 4.
8. Соболев А.А. О соотношении понятий «секрет производства», «ноу-хау» и «информация, составляющая коммерческую тайну» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2014. Т. 14. № 2.

УДК 343.773

А.А. Странцов

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: enviniatar@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ РУБКУ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

В статье рассматривается проблема привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за совершение уголовно-наказуемого деяния в сфере рационального использования и охраны лесных насаждений, даются рекомендации по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: уголовная ответственность, экологическое преступление, вред, незаконная рубка, лесные насаждения.

A.A. Strantsov

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: enviniatar@yandex.ru

PROBLEMS OF PROSECUTION FOR ILLEGAL FELLING FOREST STANDS

The article considers the problem of prosecution of guilty persons for committing a criminal offence in the sphere of rational use and protection of forest stands, provides recommendations for improvement of legal regulation.

Key words: criminal liability, ecological crime, damage, illegal felling, forest stands.

Истинная сущность публичной власти должна проявляться в обеспечении эффективного применения принятых правовых норм. Поэтому легитимная власть призвана народом, как единственным источником таковой, воздействовать на форму и содержание порядка осуществления членами гражданского общества своих прав и обязанностей, прежде всего посредством реализации превентивной и карательной функции юридической ответственности, не допуская причинения вреда объектам правовой охраны, в особенности природным ресурсам и окружающей среде в целом.

Вопрос о характере и размере причиненного вреда имеет важное самостоятельное значение для любой правовой отрасли, регламентирующей самостоятельный вид юридической ответственности. При этом для уголовно-правовой науки и для соответствующей правоприменительной практики ставится особая задача – выявлять общественно опасные деяния в сфере

рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, реализовывать карательные меры в отношении экологических преступников и предупреждать совершение новых экологических преступлений в целях обеспечения конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду в текущем и следующих поколениях человеческого общества.

Вместе с тем факт наличия причиненного вреда как условия привлечения к уголовной ответственности представляет собой саморегулирующее основание обратной связи теории и практики уголовного права [6, с. 60]. Совершенное деяние должно содержать в себе все признаки состава преступления, однако, не входя в противоречие с указанным положением, следует заявить, что именно в характере и размерах причиненного вреда может проявляться и проявляется общественная опасность совершенного преступного деяния против ок-

ружающей природной среды. Данный признак всегда реализуется в экологии окружающей реальности и способен производить в ней необратимые либо сложно устранимые вредоносные изменения [6, с. 61].

К примеру, в Алтайском крае правоохранительными органами было выявлено более двухсот экологических преступлений по составам ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений», ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений», ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», а также ст. 258 «Незаконная охота», ущерб от которых за первое полугодие 2014 г. составил более 68 млн руб. [7, с. 1]. Безусловно, еще существует и латентная экологическая преступность, пределы вредоносной деятельности которой выявить и подсчитать практически невозможно.

Также следует отметить, что вышеуказанное финансовое выражение учтенного преступного вреда экологическим интересам граждан, общества и государства не содержит компенсационных затрат на восстановление всех системных факторов окружающей природной среды в абсолютной их взаимосвязи, что закономерно повышает степень общественной опасности экологических преступлений в геометрической прогрессии.

Незаконная рубка лесных насаждений в Алтайском крае представляет собой серьезную проблему, в т.ч. и по причине нахождения на территории края ленточного бора, уникального по своим свойствам и природному назначению в общепланетарном масштабе.

Как правило, экологическое преступление совершается при пересечении заведомо конфликтных интересов экологической, экономической либо жизнеобеспечительной направленности и приоритете последних.

В соответствии с лесным законодательством лесной фонд находится в государственной собственности и является объектом правовой охраны. Однако для лиц, способных совершать экологические преступления, лес представляет собой «дар» природы, и при его противоправном заимствовании потенциальные и реальные преступники не способны оценить масштабы причиняемого вреда.

Деловая древесина и иные древесные ресурсы, используемые в деревообрабатывающей промышленности, по своим стоимостным характеристикам являются привлекательными для субъектов предпринимательской и иной хозяйственной деятельности. Кроме того, представи-

тели местного населения, особенно малообеспеченные жители сельских населенных пунктов, занимаются незаконной рубкой древесины с целью заготовки дров для выживания в суровых условиях сибирской зимы.

Таким образом, совершение преступлений по незаконной рубке лесных насаждений и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности являются актуальными правовыми вопросами не только федерального, но и регионального значения, которые требуют особого внимания со стороны правоохранительных органов и должностных лиц.

Так, по инициативе Главного управления природными ресурсами и экологии Алтайского края летом 2014 г. в регионе силами ГУВД Алтайского края была воссоздана экологическая полиция, призванная бороться с правонарушениями в сфере рационального использования и охраны лесов [1, с. 1].

Вместе с тем, несмотря на усиление реакции государственной власти к охране лесов, существующие проблемы привлечения к уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений не позволяют добиться должного результата во исполнение превентивной и карательной функции уголовного закона, а значит, обеспечить охрану лесных ресурсов, в т.ч. и алтайского ленточного бора.

Для того чтобы криминализировать совершенное деяние по ст. 260 УК РФ, незаконная рубка, а равно повреждение до степени прекращения роста должны быть совершены по отношению к лесным насаждениям или к деревьям, кустарникам, лианам, не отнесенным к лесным насаждениям, при условии, если эти деяния совершены в значительном, крупном либо особо крупном размере.

Ответа на вопрос, что такое лесные насаждения как современная правовая категория, невозможно найти ни в УК РФ, ни в действующем Лесном кодексе РФ, хотя практическая потребность в этом есть [8, с. 11].

В этом случае необходимо обратиться к п. 15 постановления Пленума Верховного Суда от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в котором указывается, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 260 и 261 УК РФ, являются не только лесные насаждения, т.е. деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, но и деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (в парках, аллеях, отдельно высаженные

в границах населенного пункта деревья, в полосах отвода железнодорожных и автомобильных дорог или водных каналов). При этом не имеет значения, высажены ли лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы искусственно либо они произросли без целенаправленных усилий человека [5, с. 5].

Тем не менее в указанном обобщении судебной практики не отнесены к предмету экологического преступления, несмотря на его явный характер, многолетние древесные насаждения, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, на приусадебных и полевых земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесопитомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, а также ветровальные, буреломные, сухостойные деревья [4, с. 1].

Ранее действовавший Лесной кодекс 1997 г. проводил четкую дифференциацию между лесными насаждениями в составе лесного фонда и древесно-кустарниковой растительностью, произрастающей на других категориях земель. Безусловно, норма ст. 260 УК РФ имела прямую привязку к указанному кодексу, который утратил силу с 01.01.09 в связи со вступлением в действие ныне действующего Лесного кодекса 2006 г. Однако современный Лесной кодекс таковой дифференциации не содержит, что наталкивает на мысль о необходимости обновления формулировки ст. 260 УК РФ.

Таким образом, в правоприменительной практике действительно могут возникнуть сложности в определении предмета, которому причинен преступный вред, вплоть до невозможности уголовного преследования в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ.

Другая проблема заключается в аспекте доказывания совершения преступного деяния по незаконной рубке лесных насаждений. Как правило, поймать преступника на месте совершения преступления довольно сложно по объективным причинам, таким как значительная площадь лесной территории, удаленность от населенных пунктов, шумопоглощение лесных чащоб и иные обстоятельства.

Чаще всего факт незаконной рубки обнаруживается после таковой либо по наличию свежесформированных пней, либо в результате получения информации о появлении во владении фи-

зического лица недавно спиленной древесины. Соответственно, доказать все составляющие объективной стороны незаконной рубки леса, в т.ч. причинно-следственную связь, особенно по прошествии определенного количества времени, не представляется возможным.

Следует выразить надежду, что в решении обозначенной проблемы может помочь дендрологическая экспертиза. Однако лица, часто практикующие незаконную рубку леса, узнав о новом способе доказывания, стараются умышленно исказить место спила на стволе и пне дерева, чаще всего термическим путем. Иными словами, потенциальное производство дендрологической экспертизы может спровоцировать возгорание леса в результате небрежной попытки скрыть следы преступной деятельности.

Таким образом, проблема доказывания факта совершения преступления, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 260 УК РФ, в настоящее время является слабо проработанной.

Кроме вышеизложенного, существует еще и круг проблем, связанных с размером ущерба, который способствует криминализации правомерного завладения лесными ресурсами, включив уголовно-правовой, карательный механизм охраны лесной экологии.

При выявлении факта незаконной рубки лесных насаждений ущерб правоохранительными органами и должностными лицами подсчитывается в соответствии с постановлением Правительства РФ от 8 мая 2007 г. № 273 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам, в результате нарушения лесного законодательства» [3, с. 1].

Так, например, в Алтайском крае такса за незаконно срубленное дерево, заготовка древесины которого не допускается, равна 8 244 руб. за кубометр, а за аналогичный незаконно срубленный кустарник – 280 руб. 30 коп. Следует обратить внимание, что если при незаконной рубке деревьев учитываются объемы противоправно добытой древесины, то при уничтожении кустарника такса зафиксирована без учета физических размеров срубленного лесного насаждения.

По действующему законодательству для привлечения к уголовной ответственности необходимо, чтобы размер ущерба превышал сумму в 5 тыс. руб. вне зависимости от иных факторов природоохранного значения.

Однако размер причиняемого ущерба подсчитывают не только представители правоохранительных органов. Так, на практике лицо, за-

нимающееся деятельностью по незаконной рубке лесных насаждений, может срубить одно небольшое дерево, которое в соответствии с вышеобозначенными таксами не дойдет до значительного ущерба. Через некоторое время он повторит указанное действие, тем самым сознательно избегая возможности привлечения к уголовной ответственности.

В пункте 14 Методики исчисления размера причиненного вреда, утвержденной уже названным постановлением Правительства РФ от 8 мая 2007 г. № 273, содержится правило о том, что размер ущерба, причиненного лесам, в т.ч. лесным насаждениям, или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисляется путем суммирования размеров ущерба в результате нарушений лесного законодательства.

Вместе с тем в случае проверки информации о предполагаемом преступлении правонарушитель уже готов утверждать, что, несмотря на наличие в его дровянике нескольких спи-

ленных молодых берез, его умысел каждый раз был направлен только на рубку одного лесного насаждения.

Иными словами, экологический преступник де-факто не может быть привлечен к уголовной ответственности де-юре вследствие отсутствия значительного ущерба при отдельном правонарушении. В таком случае, если не истекла давность привлечения к административной ответственности за экологические проступки, на виновное лицо будет наложено взыскание в соответствии с административным законодательством.

Таким образом, в настоящее время необходимо изменение подходов к определению характера и размера преступного ущерба по составу ст. 260 УК РФ, что может привести к трансформации критериев криминализации незаконной рубки лесных насаждений, а само уголовное законодательство в большей степени будет отличаться повышенной эффективностью в сфере охраны лесных ресурсов.

Литература

1. В Алтайском крае в конце июля начнет работать экологическая полиция // Политсибру. Новость от 16.07.14. URL: <http://politsib.ru/news/72657>.
2. Забавко Р.А. Режим права собственности на природные ресурсы в перспективе уголовной ответственности за неправомерное завладение ими // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26).
3. Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 08.05.2007 № 273. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: письмо Рослесхоза от 15.11.2012 № ЮД-03-54/13234. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Странцов А.А. Вред как основание уголовной ответственности за экологические преступления // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых: сб. статей, посвященный 20-летию Алтайской академии экономики и права. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2013.
7. Ущерб от экологических преступлений в Алтайском крае в 2014 году превысил 68 млн руб. // Лента региональных новостей. Новость от 02.07.14. URL: <http://lentaregion.ru/66110>.
8. Шубин Ю.П. Правовая квалификация деятельности лиц, нанятых для незаконной порубки леса: учеб.-метод. пос. Барнаул: БЮИ МВД России, 2008.

УДК 347.736

А.А. Чесноков, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
e-mail: chesnokovaa@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ МЕТОДИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

В статье рассматривается проблема использования экономических методик прогнозирования и анализа несостоятельности в правоохранительной деятельности, даются рекомендации по совершенствованию юридической практики в данной сфере.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, финансовый анализ, арбитражный управляющий.

*A.A. Chesnokov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: chesnokovaa@mail.ru*

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF THE OFFICIAL METHODS OF ECONOMIC ANALYSIS IN INSOLVENCY PROCEDURES

The article considers the problem of using economic methodologies for predicting deposits and analysis of insolvency law enforcement activities, recommendations for improving practice in this area.

Key words: insolvency, bankruptcy, financial analysis, court-appointed trustee.

Важнейшим инструментом противодействия несостоятельности является ее предвидение. Так, знание методик прогнозирования банкротства является обязательным элементом квалификационного экзамена на получение аттестата аудитора, без их применения будет тяжело составить доказательственную базу по делам, связанным с несостоятельностью.

Очевидно, с введением любой процедуры банкротства реальная несостоятельность большинства предприятий становится неотвратимой независимо от степени переживаемого кризиса. В этом случае необходимо выяснить: действительно ли неплатежеспособность наступила в силу объективных причин, а не в результате целенаправленных действий руководства, арбитражного управляющего, третьих лиц, когда и в результате каких действий она наступила, есть ли возможность в существующих условиях восстановить финансовое со-

стояние предприятия, обосновать переход к той или иной процедуре банкротства, привлечь к ответственности виновных в правонарушениях и иных злоупотреблениях лиц и т.п.

Сразу оговоримся, вероятность несостоятельности и вероятность банкротства – вещи разные. И если несостоятельность – результат скорее объективный и связан с вымыванием активов, значительным ухудшением финансовых показателей, то факт вынесения арбитражным судом решения о признании предприятия банкротом зависит больше от субъективных факторов, в частности подадут ли и когда кредиторы или должник заявление о признании банкротом, какое заключение предоставит арбитражный управляющий и т.д. С другой стороны, при заказных банкротствах страдают состоятельные предприятия, пусть и находящиеся в кризисной ситуации. Поэтому мы будем говорить о прогнозировании несостоя-

тельности, на фоне которой должник может быть признан банкротом.

При этом кредитор вправе, а должник обязан подать соответствующее заявление в арбитражный суд. С другой стороны, суд, установив наличие признаков несостоятельности, возбуждает производство по делу, а при наличии признаков невозможности выхода предприятия из кризиса и восстановления платежеспособности признает его банкротом и открывает конкурсное производство.

Действующий закон о несостоятельности устанавливает единую систему признаков, выполняющих двоякую роль: с одной стороны, они являются подтверждением невозможности должника исполнять свои обязательства, а с другой – представляют собой необходимое основание для признания лица банкротом.

С учетом этого под признаками несостоятельности (банкротства) с точки зрения права следует понимать необходимую совокупность юридических фактов, предоставляющих суду возможность инициировать дело о несостоятельности и впоследствии при наличии определенных оснований вынести решение о признании должника банкротом.

Отсутствие и в законодательстве, и в доктрине последовательного разграничения между основаниями возбуждения дела о несостоятельности и основаниями признания должника банкротом определяет необходимость разработки четких критериев несостоятельности. Отправным началом в данном случае может служить тезис о том, что если при возбуждении дела о банкротстве достаточно лишь факта наличия соответствующих признаков, то при вынесении решения о признании должника банкротом суд должен помимо этого исходить из невозможности восстановления платежеспособности должника (с формальной точки зрения это означает отсутствие оснований для введения реабилитационных процедур) [2, с. 75-76].

Нормативной основой проведения финансового анализа несостоятельности предприятия выступают: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства», постановление Правительства РФ от 25.06.2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа», а также постановление Правительства РФ от 22.05.2003 № 299 «Об утвержде-

нии общих правил подготовки отчетов (заключений) арбитражного управляющего» и пр.

Согласно Временным правилам проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного или преднамеренного банкротства для проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства анализируются данные за период не менее двух лет, предшествующих возбуждению производства по делу о банкротстве, а также за период проведения процедур банкротства.

При этом необходимые для проведения проверки документы запрашиваются арбитражным управляющим у кредиторов, руководителя должника, иных лиц. В случае отсутствия у должника необходимых для проведения проверки документов запрашиваются надлежащим образом заверенные копии таких документов у государственных органов.

Выявление признаков преднамеренного банкротства осуществляется в два этапа. На первом этапе проводится анализ значений и динамики коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника, рассчитанных за исследуемый период в соответствии с Правилами проведения финансового анализа.

В случае установления на первом этапе существенного ухудшения значений двух и более коэффициентов проводится второй этап выявления признаков преднамеренного банкротства должника, который заключается в анализе сделок должника и действий органов управления должника за исследуемый период, которые могли быть причиной такого ухудшения.

Под существенным ухудшением значений коэффициентов понимается такое снижение их значений за какой-либо кварталный период, при котором темп их снижения превышает средний темп снижения значений данных показателей в исследуемый период.

В случае если на первом этапе выявления признаков преднамеренного банкротства не определены периоды, в течение которых имело место существенное ухудшение двух и более коэффициентов, арбитражный управляющий проводит анализ сделок должника за весь исследуемый период.

В ходе анализа сделок должника устанавливается соответствие сделок и действий (бездействия) органов управления должника законодательству Российской Федерации, а также выявляются сделки, заключенные или исполненные на условиях, не соответствующих рыночным условиям, послужившие причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и

причинившие реальный ущерб должнику в денежной форме.

По результатам анализа значений и динамики коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника и сделок должника, делается один из следующих выводов:

а) о наличии признаков преднамеренного банкротства – если руководителем должника, ответственным лицом, выполняющим управленческие функции в отношении должника, индивидуальным предпринимателем или учредителем (участником) должника совершались сделки или действия, не соответствующие существовавшим на момент их совершения рыночным условиям и обычаям делового оборота, которые стали причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности должника;

б) об отсутствии признаков преднамеренного банкротства – если арбитражным управляющим не выявлены соответствующие сделки или действия;

в) о невозможности проведения проверки наличия (отсутствия) признаков преднамеренного банкротства – при отсутствии документов, необходимых для проведения проверки.

Определение признаков фиктивного банкротства производится в случае возбуждения производства по делу о банкротстве по заявлению должника.

Для установления наличия (отсутствия) признаков фиктивного банкротства проводится анализ значений и динамики коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника, рассчитанных за исследуемый период в соответствии с Правилами проведения финансового анализа.

В случае если анализ значений и динамики коэффициента абсолютной ликвидности, коэффициента текущей ликвидности, показателя обеспеченности обязательств должника его активами, а также степени платежеспособности по текущим обязательствам должника указывает на наличие у должника возможности удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) об уплате обязательных платежей без существенного осложнения или прекращения хозяйственной деятельности, делается вывод о наличии признаков фиктивного банкротства должника.

В случае если анализ значений и динамики соответствующих коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника, указывает на отсутствие у должника возможности рассчитаться по своим обязательствам, делается

вывод об отсутствии признаков фиктивного банкротства должника.

По результатам проверки арбитражным управляющим составляется заключение, которое представляется собранию кредиторов, арбитражному суду, а также не позднее 10 рабочих дней после подписания в органы, должностные лица которых уполномочены в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.12 Кодекса (на сегодняшний день это территориальные подразделения Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии), для принятия решения о возбуждении производства по делу об административном правонарушении.

В случае если в заключении о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства устанавливается факт причинения крупного ущерба, оно направляется только в органы предварительного расследования. Одновременно с заключением о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства арбитражный управляющий представляет в указанные органы результаты финансового анализа, проводимого в соответствии с Правилами проведения финансового анализа, а также копии документов, на основании которых сделан вывод о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства.

Как рекомендовано в письме Минэкономразвития РФ от 27.08.2010 № Д06-2891 «О применении Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» при отсутствии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства направление заключения в правоохранительные органы не является обязательным, что, по нашему мнению, снижает вероятность выявления злоупотреблений.

Следует отметить, что Временные правила применяются до разработки Национальным объединением саморегулируемых организаций арбитражных управляющих федеральных стандартов анализа финансового состояния должника. На сегодняшний день такие стандарты отсутствуют и маловероятно, что в обозримом будущем появятся.

При этом неисполнение или ненадлежащее исполнение указанных обязанностей является основанием для отстранения арбитражного управляющего арбитражным судом (п. 1 ст. 25

Закона о банкротстве). Более подробно о судебной практике отстранения арбитражных управляющих можно узнать в информационном письме Президиума ВАС РФ от 22 мая 2012 г. № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих».

Главный недостаток вышеуказанных Правил проведения финансового анализа – отсутствие конкретных критериев, позволяющих установить степень несостоятельности, вероятности и сроков ее наступления, а также возможности восстановления платежеспособности предприятия. Это несколько снижает ее ценность для арбитражного суда и правоохранительных органов.

Позитивной тенденцией стала разработка методик анализа несостоятельности для нужд налоговых органов. Так, приказ Минэкономразвития РФ от 18.04.2011 № 175 «Об утверждении Методики проведения анализа финансового состояния заинтересованного лица в целях установления угрозы возникновения признаков его несостоятельности (банкротства) в случае единовременной уплаты этим лицом налога» вполне применим для правоохранительной деятельности, тем более что это наиболее свежий официальный подход.

Вышерассмотренные документы устанавливают общие правила проведения анализа несостоятельности, его источники и пользователей. Другое дело, что на данный момент указанные методики недостаточно эффективны и не могут дать сравнимый анализ степени несостоятельности и возможности выхода из кризиса. Более того, *из-за расплывчатых критериев сегодня сложилась практика получения арбитражным управляющим любого заранее определенного результата путем незначительного манипулирования показателями и методиками анализа.*

Это выступило предпосылкой активного заимствования практиками зарубежного опыта прогнозирования банкротства, его адаптации к существующим реалиям, а также разработки новых неофициальных моделей.

Методические подходы, касающиеся прогнозирования банкротства, разработанные зарубежными и российскими авторами, включают в себя несколько ключевых показателей, характеризующих финансовое состояние предприятия. Как правило, на их основе в большинстве методик рассчитывается комплексный показатель вероятности банкротства.

Сегодня существует необходимость применения краткосрочных методик прогнозирования

банкротства как арбитражным управляющим для формирования стратегии восстановления платежеспособности, так и для контроля за его деятельностью со стороны арбитражного суда и правоохранительных органов.

В целях исследования условно разделим указанные методики на два типа:

1. Качественные (коэффициентные), основанные на комплексном анализе различных финансовых коэффициентов деятельности организации.

2. Количественные (факторные) модели оценки вероятности наступления несостоятельности (банкротства). Главное их достоинство перед качественными – возможность применения при ограниченном доступе к данным о деятельности организации.

И количественные, и качественные методики можно также разделить на две группы – *статические*, показывающие текущее состояние предприятия, и *динамические*, обосновывающие его развитие.

При этом коэффициентные модели более применимы для выявления причин несостоятельности, а количественные – для вероятностного суждения о времени ее наступления.

И количественные, и качественные методики не являются универсальными, их применение должно быть индивидуально по отношению к каждой организации.

Так, А.А. Бежовец в своем исследовании приводит анализ эффективности применения двухфакторной модели Альтмана применительно к пищевой промышленности Алтайского края и показывает, что зачастую эффективно работающие предприятия имеют более низкую оценку, чем находящиеся в предбанкротном состоянии [1, с. 74]. Недостаточно точные результаты в Алтайском крае показали также методики Таффлера-Гишоу, У. Бивера. Причем здесь решающим фактором оказались даже не актуальное время и региональные особенности (а разрабатывались методики для США 60-80 гг.), а предрасположенность российских предприятий скрывать прибыль и максимально отражать убытки в отчетности.

Недостаток практически всех факторных моделей: методики прогнозирования банкротства создаются *post factum*, на основе анализа уже обанкротившихся предприятий, и соответствуют макро- и микроэкономической ситуации, существующей значительно раньше настоящего момента, в т.ч. находящейся в иных этапах кризисных циклов экономики, бесспорно влияющих на развитие несостоятельности.

Другой проблемой факторных моделей является их привязанность к конкретной выборке, зависящей от региона, вида анализируемых предприятий, сложившейся в данный момент судебной практике, состояния законодательства и пр. Кроме того, применение зарубежных методик не учитывает разницу систем бухгалтерского учета, налогового законодательства и др.

Кроме того, существующие официальные методики поверхностны и чрезмерно обобщены, а неофициальные не могут выступать аргументом в правовом споре. И те и другие ориентированы на конкретный исторический период, регион, отрасль экономики, правовую систему и быстро устаревают. Поэтому можно легко подобрать ту из них, которая даст заранее определенный результат. Пока единственный выход – использование комплексного подхода, точность которого значительно возрастает (как, впрочем, и трудоемкость) с повышением числа применяемых моделей [3, с. 71-73].

Образовавшийся пробел следует восполнить централизованной разработкой официальной дифференцированной методики анализа несостоятельности предприятия, на которую могли бы ориентироваться собственники, антикризисные менеджеры, арбитражные управляющие, арбитражный суд, контролирующие и правоохранительные органы и другие пользователи и которая бы повысила прозрачность и обоснованность процедуры банкротства, препятствовала фактам злоупотреблений и нарушению законности.

При этом целесообразно выбранные методики уточнить на основе статистических данных ежегодно для каждого субъекта РФ и каждого сектора экономики (строительство, энергетика, машиностроение, сельское хозяйство, торговля, оказание услуг и пр.), т.к. удельный вес коэффициентов может значительно варьироваться.

Литература

1. Бежовец А.А. Совершенствование антикризисного управления предприятием на основе диагностики его финансового состояния (по материалам предприятий пищевой промышленности Алтайского края): дис. ... канд. экон. наук. Барнаул, 2003.
2. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008.
3. Чесноков А.А. Выявление признаков несостоятельности предприятий: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2012.

Юриспруденция: имена, события, даты

85-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ РОЛАНДА СЕРГЕЕВИЧА МУЛУКАЕВА

В октябре 2014 г. юридический мир отмечал знаменательную дату – 85-летний юбилей известного ученого-юриста, доктора юридических наук, профессора, академика РАЕН, заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного работника МВД России Роланда Сергеевича Мулукаева.

Роланд Сергеевич Мулукаев родился 22 октября 1929 г. в г. Владикавказе Осетинской АССР. В 1953 г. окончил Московский юридический институт. С 1953 по 1956 г. обучался в аспирантуре юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В мае 1958 г. под руководством профессора К.А. Софроненко подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Образование Северо-Осетинской АССР». В марте 1979 г. Роланд Сергеевич защитил докторскую диссертацию на тему «Организационно-правовые проблемы становления Советской милиции (1917-1920 гг.)». В сентябре 1980 г. ему было присвоено звание профессора.

В 1957-1958 гг. Р.С. Мулукаев работал в Северо-Осетинском обкоме ВЛКСМ. В 1959-1960 гг. занимал должность старшего редактора редакционно-издательского отдела Всесоюзного общества «Знание». С 1960 г. и по на-

стоящее время Роланд Сергеевич трудится в Академии МВД России (бывшей Высшей школе милиции МВД СССР), пройдя путь от преподавателя, старшего преподавателя, доцента, заместителя начальника научно-исследовательского отдела, начальника кафедры до профессора кафедры. Р.С. Мулукаев был экспертом Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, участвовал в подготовке ряда законопроектов. Является экспертом Совета Федерации и Государственной Думы, председателем Всесоюзного координационного совета по разработке проблем истории органов внутренних дел.

Сферу научных интересов ученого-юриста составляют проблемы истории государства и права, конституционного права. Наибольший вклад им внесен в разработку проблем национально-государственного строительства и ис-

тории органов внутренних дел. Роланд Сергеевич – создатель вузовского курса «история органов внутренних дел», который в настоящее время преподается во всех вузах системы МВД России. Р.С. Мулукаев является автором более 200 научных и учебно-методических работ (общим объемом более 350 п.л.), в т.ч. 12 монографий. Он опубликовал несколько крупных работ, среди которых особое место занимают: «Полиция в России» (1993 г.), «Милиция России» (1995 г.), «Полиция и милиция России: страницы истории» (1995 г.) (в соавторстве), «Органы и войска МВД России» (1996 г.) (в соавторстве), «история отечественных органов внутренних дел в материалах информационных служб» (1997 г.) (в соавторстве), «Из опыта борьбы с профессиональной преступностью в России» (1998 г.).

В 1994-1998 гг. несколькими изданиями вышли получившие широкое признание общевузовские учебники по теории права и государства, истории отечественного государства и права, конституционного права, соавтором которых также является Р.С. Мулукаев. Ряд работ ученого опубликован за рубежом (США, Германия, Чехия, Болгария, Вьетнам). За достижения в работе Роланд Сергеевич Мулукаев награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Уважаемый Роланд Сергеевич! Коллектив Барнаульского юридического института МВД России поздравляет Вас с юбилеем, желает Вам крепкого здоровья, успехов, научных и творческих достижений!

75-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ НИКОЛАЯ АНАТОЛЬЕВИЧА КАТАЕВА

В ноябре 2014 г. юридический мир отмечал знаменательную дату – 75-летний юбилей известного ученого-юриста, кандидата юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Башкортостан, генерал-майора внутренней службы в отставке Николая Анатольевича Катаева.

Николай Анатольевич Катаев родился 22 ноября 1939 г. в г. Соколе Вологодской области. В 1964 г. окончил Саратовский юридический институт.

В 1970 г. под руководством профессора З.М. Черниловского подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие государства и права Болгарии в 1919-1923 гг.». В 1994 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

С 1964 по 1971 г. Николай Анатольевич работал в Саратовском юридическом институте, а с 1971 по 1998 г. занимал должности старшего преподавателя, начальника кафедры Рязанской высшей школы МВД СССР, заместителя начальника по учебной и научной работе Высших курсов МВД СССР (в г. Саратове). В 1998 г. был назначен начальником Уфимской высшей школы МВД РФ.

В настоящее время Николай Анатольевич является профессором кафедры историко-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД РФ. Сферу научных интересов Н.А. Катаева составляют проблемы теории государства и права зарубежных стран, истории по-

литических и правовых учений. Определенная работа проделана им по изучению основных тенденций государственно-правового развития Болгарии в начале XX в.

Н.А. Катаевым опубликовано свыше 70 научных работ, из них 2 монографии, 5 хрестоматий и учебных пособий. Ряд работ издан за рубежом (в Болгарии). Наиболее значимыми являются «Теория права и государства»: курс лекций (1994 г.); «Политика, власть и право в воззрениях А. Стамболийского» (2002 г.).

Н.А. Катаев подробно осветил основные тенденции формирования и развития политико-правовой доктрины мелкобуржуазных партий Юго-Восточной Европы в начале XX в., показал роль и значение законодательства субъекта федерации в общей структуре правового пространства России. Особую роль он отводит теоретическому осмыслению проблем разграничения полномочий между федеральным Центром и регионами Российской Федерации, уделяет значительное внимание общим вопросам теории и истории пенитенциарного законодательства РФ. Одним из первых в отечественной юридической литературе он разработал

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ИМЕНА, СОБЫТИЯ, ДАТЫ

теоретические и организационно-правовые аспекты борьбы с коррупцией. Важной составляющей в его работах является проблематика совершенствования содержания и методики преподавания историко-правовых дисциплин в высших учебных заведениях.

Уважаемый Николай Анатольевич! Коллектив Барнаульского юридического института МВД России поздравляет Вас с юбилеем, желает здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов, научных достижений и свершений.

60-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ФЁДОРА ПЕТРОВИЧА ВАСИЛЬЕВА

В ноябре 2014 г. юридический мир отмечал знаменательную дату – 60-летний юбилей известного ученого-юриста, доктора юридических наук, доцента, члена Российской академии юридических наук, полковника полиции Фёдора Петровича Васильева.

Биография Фёдора Петровича являет собой яркий пример беззаветного служения Отечеству и верности высоким идеалам отечественной науки.

За плечами полковника полиции Фёдора Петровича долгий и богатый служебный путь, насыщенный яркими событиями и достижениями. Правоохранительная деятельность Ф.П. Васильева началась в июле 1975 г. с должности постового милиционера Центрального РОВД г. Омска, с 1978 по 1990 г. он успешно справлялся с обязанностями участкового инспектора милиции (параллельно исполнял обязанности дознавателя), инспектора ОК, старшего инспектора и инспектора ОК по боевой и служебной подготовке, командира объединенного дивизиона, роты и батальона милиции и начальника вневедомственной охраны.

Фёдор Петрович умело совмещал службу в органах внутренних дел и преподавательскую деятельность. Так, после окончания в 1982 г. экономико-правового факультета Омского государственного университета Фёдор Петрович проводил занятия по дисциплинам «Советское право», «Административное право», «Финансовое право», «Бухучет», «Земельное право». В 1990 г. капитан милиции Ф.П. Васильев был направлен на очное обучение в Академию МВД СССР, по окончании которой был рас-

пределен на должность начальника Ленинского РОВД г. Ульяновска, а в последующем – начальника УВД Ленинского района г. Ульяновска.

Большой практический опыт и крепкие теоретические знания Фёдора Петровича нашли отражение в его научной работе. В 1995 г. Ф.П. Васильев успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук по теме «Организация охраны общественного порядка горрайорганами», а в 2005 г. – на соискание ученой степени доктора наук по теме «Доказывание по делу об административном правонарушении».

За сорокалетний период служения Отечеству и науке Ф.П. Васильевым проделана огромная работа, направленная на исследование административных регламентов не только МВД России, но и ФМС России, Минтранса России, Росжелдора, Минюста, на исследование вопросов обеспечения экономической безопасности России органами внутренних дел, исполнения государственных функций и предоставления госуслуг полицией и ФСИН России, на качественную подготовку кадров для практических органов ФСИН и МВД России, способствующая правовому воспитанию и развитию правовой грамотности граждан. Многочисленные труды Фёдора Петровича широко используют-

ся не только в образовательных организациях, но и в территориальных органах МВД России.

Пройдя путь от рядового до полковника, от преподавателя до доцента, доктора юридических наук, находясь на различных ступенях служебной лестницы, Фёдор Петрович вкла-

дывал и вкладывает все силы, знания, опыт и для решения поставленных задач.

Ф.П. Васильев награжден более 20 государственными и ведомственными наградами.

Уважаемый Фёдор Петрович! Новых Вам успехов в благородном служении народу, Закону и Отечеству!

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен превышать 10-ти машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста в 1 экз. и в электронном виде, подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер – 14. Поля на странице: слева и снизу – 25 мм, сверху – 20 мм, справа – 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая библиографическая ссылка. Затекстовая библиографическая ссылка оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа.

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Литература» приводится после основного текста в алфавитном порядке (один пункт списка – одно наименование). Оформляется он по ГОСТу Р 7.0.5–2008.

Каждая статья должна содержать:

- код универсальной десятичной классификации (УДК) (размещать перед статьей в левом верхнем углу листа);
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты);
- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не более 450 знаков, включая пробелы);
- ключевые слова² на русском и английском языке.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагается:

— рецензия с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук, научным званием доцента или профессора).

— подписанный лицензионный договор о предоставлении права на использование материалов в двух экземплярах (договор подписывают все авторы статьи).

Идентичный вариант статьи высылается по электронной почте altvest@buimvd.ru.

Все документы можно представить лично либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49,

Барнаульский юридический институт МВД России,

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел,

журнал «Алтайский юридический вестник».

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов материалы не публикуются.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте antiplagiat.ru

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону. Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел БЮИ МВД России.

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Барнаул

«___» _____ 2014 г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт МВД России», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института Андреева Александра Александровича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

_____, именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.1. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

1.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

1.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение:

2.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения.

2.2. Право на распространение Произведения любым способом.

2.3. Право на внесение изменений в Произведение (редакционную правку), не представляющих собой его переработку.

2.4. Право на использование метаданных (название, имя Автора, аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы.

2.5. Право на доведение до всеобщего сведения.

2.6. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку:

- фамилия, имя, отчество;
- сведения об ученой степени;
- сведения об ученом звании;
- сведения о месте работы и занимаемой должности;
- контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

4. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

5. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

6. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством РФ юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

6.1. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

7. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

8. Все споры по Договору подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае недостижения согласия в течение 30 рабочих дней споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

9. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

10. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

11. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

12. Реквизиты Сторон

Издатель

Автор

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

656038 г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

ФИО

Адрес

Паспортные данные

Дата рождения

НАЧАЛЬНИК

_____ / А.А. Андреев /

м.п.

_____ /

/